

ВЕСТНИК МГЛУ

№ 1 (134) / 2025

СЕРИЯ 1

ФИЛОЛОГИЯ

Серия основана в декабре 1996 года

Редакционная коллегия:

О. В. Луцинская (*главный редактор*),
А. А. Романовская (*зам. главного редактора*),
А. Н. Баранов, А. Н. Гордей, Е. П. Иванова,
И. К. Кудрявцева, Т. В. Поплавская,
Н. Ю. Павловская, Э. А. Харитончик,
О. А. Артемова

*Журнал «Вестник МГЛУ. Серия 1. Филология»
включен Высшей аттестационной комиссией
в перечень научных изданий Республики Беларусь
для опубликования результатов диссертационных исследований*

СОДЕРЖАНИЕ

Проблемы общего и типологического языкознания

<i>Артемова О. А.</i> Средства репрезентации метаструктуры современного двуязычного идеографического словаря.....	7
<i>Астапчык Т. А.</i> Першы кампанент некадыфікаваных ад’ектыўных кампазітаў як крыніца семантычнага дэкадзіравання.....	17
<i>Гибкий П. В.</i> Семантика будущего времени в прошедшем в китайском, английском и русском языках.....	26
<i>Задворная Е. Г.</i> Коммуникативный гедонизм в диалогическом дискурсе: субъектные и аксиологические характеристики.....	38
<i>Лавицкий А. А.</i> Научный аппарат современной лингвистической экспертологии.....	47
<i>Маліцкі Ю. В.</i> Фарміраванне суб’екта і аб’екта масавай камунікацыі ў беларускіх ананімных гутарках XIX ст.....	56
<i>Стефанова Е. В.</i> Типы и функции визуальных инсерций в выступлениях TED-Talks	66
<i>Сулима Е. С.</i> Символика наименований птиц в разделе «Нравы царств» древнекитайской «Книги песен» («Шицзин»).....	77
<i>Фань Вэйци.</i> Приглагольные сравнительные конструкции в романе Юй Хуа «Жить» и его переводах на русский язык	90
<i>Филимонова М. С.</i> Семантическая геометрия китайской логограммы.....	99
<i>Чжан Сьюй.</i> Стратегия убеждения и тактики ее реализации в дипломатическом дискурсе.....	109

Романское и германское языкознание

<i>Ефимова Е. В.</i> Просодико-смысловая структура фразы как фактор модификаций амплитуды формантных частот английских гласных	119
<i>Морозова Л. П., Буландо А. В.</i> Модально-прагматические коннотации в синонимическом ряду форм специального вопроса во французском языке	127

Исследования славянских языков

<i>Сериков Г. В.</i> Возвратные дериваты в славянских языках: функционально-семантический и историко-грамматический аспекты	142
---	-----

Литературоведение

<i>Бараноўскі А. А.</i> Дыдактызм і выхаванне ў сучаснай літаратурнай перыёдыцы Беларусі: ад паэтычнага аматарства да прафесіяналізму.....	156
<i>Вострыкава А. У.</i> Гістарычная тэма ў славацкай літаратуры: станаўленне, эвалюцыя, жанравая спецыфіка твораў.....	166
<i>Салодкі У. В.</i> Жанрава-стылёвыя асаблівасці аўтабіяграфічнай прозы Крыстафера Ішэрвуда	177
<i>Скоропанова И. С.</i> Трансформация натурализма в русской литературе XX – начала XXI века	186

CONTENTS

General and Typological Linguistics

<i>Artsiomava O.</i> The Means of the Representation of the Contemporary Bilingual Ideographic Dictionary Metastructure	7
<i>Astapchyk T.</i> The First Component of Non-Codified Adjective Compounds as a Source of Semantic Decoding	17
<i>Gibkij P.</i> The Semantics of the Future Tense in the Past in Chinese, English and Russian	26
<i>Zadvornaya A.</i> Communicative Hedonism in Dialogic Discourse: Subject and Axiological Characteristics	38
<i>Lavitski A.</i> Scientific Apparatus of Modern Linguistic Examination.....	47
<i>Malitski Y.</i> Formation of the Subject and Object of Mass Communication in Belarusian Anonymous Conversations of the 19th Century.....	56
<i>Stefanova E.</i> Types and Functions of Visual Insertions in TED Talks	66
<i>Sulima K.</i> Birds' Names Symbolism in the Part "Air of the States" of the Ancient Chinese "Book of Songs" ("Shijing").....	77
<i>Fan Weiqi.</i> Adverbial Comparative Constructions in Yu Hua's Novel "Live" and its Translations into Russian Language	90
<i>Filimonova M.</i> Semantic Geometry of the Chinese Logograms.....	99
<i>Zhang Siyu.</i> Strategy of Persuasion and Tactics of Its Implementation in Diplomatic Discourse	109

Romance and Germanic Linguistics

<i>Yafimava A.</i> Prosodic-Semantical Structure of an Utterance as a Factor of Modifications in Formant Amplitude of English Vowels.....	119
--	-----

<i>Morozova L., Bulando A.</i> Modal and Pragmatic Connotations in the Synonymic Row of the Syntactic Forms of Wh-Questions in French	127
---	-----

Slavonic Languages

<i>Serykau R.</i> Return Derivatives in Slavic Languages: Functional, Semantic, Historical and Grammatical Aspects.....	142
--	-----

Literary Studies

<i>Baranouski A.</i> Didacticism and Education in the Modern Literary Period of Belarus: From Poetic Amateurism to Professionalism	156
<i>Vostrykava A.</i> Historical Theme in Slovak Literature: Formation, Evolution, Genre Specificity of Works	166
<i>Salodki U.</i> The Genre and Stylistic Peculiarities of Christopher Isherwood's Autobiographic Prose	177
<i>Skoropanova I.</i> Transformation of Naturalism in Russian Literature of the XX – Beginning XXI Century.....	172

ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕГО И ТИПОЛОГИЧЕСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

УДК [811.161.1+811.161.3] '374.822(045)

Артемова Ольга Александровна

доктор филологических наук,
профессор кафедры теории и практики
английской речи
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Olga Artsiomava

Habilitated Doctor of Philology,
Professor of the Department of Theory and
Practice of English Speech
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
olgaivanovaolga3@gmail.com

СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ МЕТАСТРУКТУРЫ СОВРЕМЕННОГО ДВУЯЗЫЧНОГО ИДЕОГРАФИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ

THE MEANS OF THE REPRESENTATION OF THE CONTEMPORARY BILINGUAL IDEOGRAPHIC DICTIONARY METASTRUCTURE

В статье представлена метаструктура современного двуязычного идеографического справочника, которая реализуется комплексом формализованных лексикографических вербальных и визуальных индикаторов. Вербальные индикаторы представлены пометами и отсылками. Пометы маркируют структурно-языковые и функциональные параметры заголовочных единиц. Отсылки демонстрируют грамматические и деривационные отношения заголовочных единиц в корпусе. Визуальные индикаторы обозначают структурные компоненты словаря и словарных статей.

Ключевые слова: метаструктура, идеографический словарь, помета, отсылка, заголовочная единица, визуальные и вербальные индикаторы.

The article presents the metastructure of a modern bilingual ideographic dictionary, which is implemented by a complex of formalized lexicographic verbal and visual indicators. Verbal indicators are represented by labels and references. Labels mark structural-linguistic and functional parameters of headwords. References demonstrate grammatical and derivational relations of headwords in the corpus. Visual indicators mark structural components of the dictionary and dictionary entries.

Key words: metastructure, ideographic dictionary, labels, references, heading units, visual and verbal indicators.

Прикладным аспектом сравнительно-сопоставительных исследований иноязычных лексико-фразеологических систем является создание словарей различных типов. В результате внедрения компьютерных технологий, автоматизации сбора и обработки языкового материала, развития методологии лексикографии в последние десятилетия наблюдается значительный рост количества создаваемых дву- и многоязычных справочников, в которых лексико-фразеологическая система белорусского языка сопоставляется с аналогичными системами языков мира. Необходимость решения сложных исследовательских задач с привлечением объемных корпусов текстов и разработкой новых форм представления словарной информации обуславливают актуальность лексикографических справочников нового поколения – комплексных полиаспектных словарей, сообщающих пользователю достаточное количество сведений для формирования достоверного представления о зафиксированных единицах и их функционировании.

Любой двуязычный идеографический словарь выступает лексикографической моделью определенной понятийной области, эффективность которой определяется ее соответствием таким принципам, как

1) *преемственность* – опора на существующие наработки в области двуязычной идеографической лексикографии;

2) *системность* – группировка единиц по смыслу на основе выражаемых понятий и связей между ними;

3) *иерархичность* – распределение единиц по семантическим множествам разного ранга: микрополям, мегагруппам, макрогруппам и группам;

4) *полнота* – комплексное описание единиц с включением семантической, грамматической и функционально-прагматической информации, подачей межъязыковых соответствий и иллюстративного материала;

5) *простота* – описание единиц понятным метаязыком, под которым понимается «вспомогательная знаковая система, описывающая или объясняющая основную знаковую систему на основе комплекса унифицированных лексикографических приемов и формализованных средств выражения» [1, с. 163].

Метаструктура двуязычного идеографического справочника реализуется комплексом формализованных лексикографических **вербальных** и **визуальных индикаторов**.

К **вербальным индикаторам** относятся *пометы* и *отсылки*.

Пометы – условные обозначения грамматической и функционально-стилистической информации о заголовочных единицах, необходимые для их правильного понимания и употребления [1, с. 163]. Традиционно в функции помет выступают лингвистические термины в форме сокращенного слова или словосочетания [Там же].

Пометы уточняют и определяют следующие параметры слова: 1) стилистический уровень, 2) экспрессивную окраску, 3) употребительность, 4) функционально-профессиональную сферу употребления, 5) семантическую характеристику, 6) отношение к ядру современного языка [2, с. 463].

Как правило, в основу классификации помет кладутся выполняемые ими функции и виды информации о языковой единице. О. Н. Емельянова дифференцирует данный тип вербальных индикаторов на:

1) пометы, указывающие на разновидности устной речи (*разг., просторечн., фам., детск., вульг., арг., школьн., обл.*);

2) пометы, указывающие на разновидности письменной речи (*книжн., науч., тех., спец., газет., публиц., офиц., нар.-поэт.*);

3) пометы, устанавливающие историческую перспективу в словах современного языка (*нов., церк.-книжн., старин., устар.*);

4) пометы к словам, обозначающим предметы и понятия чуждого быта (*истор., дореволюц., загр.*);

5) стилистические пометы, указывающие на выразительные оттенки (*бран., ирон., неодобрит., шутл., презрит., укор., торж., ритор., эвф.*) [3, с. 45].

Система помет в концепции В. В. Дубичинского включает следующие типы: 1) грамматические (*несов., прош., перех., кратк. ф.*); 2) лексические (*о человеке, о транспорте*); 3) семантические (*перен.*); 4) терминологические (*газетн., офиц., спец., хим., физ.*); 5) стилистические (*разг., прост., высок.*); 6) эмоционально-экспрессивные (*ирон., шутл., неодобрит.*); 7) хронологические (*устар., истор., нов.*); 8) статистические (*редко, реже, обычно, малоупотр.*); 9) запретительные (*не употр.*); 10) ограничительные (*только несов.*) [4, с. 59–60].

Полагаем, что в вышерассмотренной классификации необходимо объединить запретительные пометы с ограничительными, поскольку они выполняют идентичную функцию – лимитируют сферу использования конкретной единицы в процессе коммуникации.

Система помет В. П. Беркова включает 1) грамматические, 2) стилистические, 3) оценочные, 4) частотные, 5) ареальные, 6) отраслевые, 7) обозначающие степень соответствия эквивалента и 8) степень охвата значений,

9) отсылочные [5, с. 172]. Ученый обращает внимание на почти исключительное использование в практике двуязычной лексикографии вербальных маркеров, указывающих на отрицательные характеристики заголовочного слова (*неодобр.* 'неодобрительное', *пренебр.* 'пренебрежительное', *презр.* 'презрительное', *уничиж.* 'уничижительное') по сравнению с пометами, актуализирующими его положительную оценку наподобие *почт.* 'почтительное', *полож.* 'положительное' и т. д. [5, с. 177].

Классификация Б. Т. Сью Аткинса и М. Ранделла отражает сложившуюся традицию употребления вербальных маркеров в зарубежной лексикографической практике, которая строится на следующих критериях: 1) сфера деятельности (*math* 'математика', *art* 'искусство'); 2) регион (*BrEng.* 'британский английский', *Austr. Eng.* 'австралийский английский'); 3) диалект (*Yorks* 'Йоркшир', *London* 'Лондон'); 4) регистр (*formal* 'формальный', *informal* 'неформальный'); 5) стиль (*business* 'бизнес', *poetic* 'поэтическое'); 6) время (*archaic* 'вышедший из употребления', *old-fashioned* 'устаревший'); 7) сленг (*naval slang* 'морской сленг') и жаргон (*computer jarg.* 'компьютерный жаргон'); 8) отношение (*pejorative* 'уничижительный', *appreciative* 'одобрительный') [6, р. 183–186].

Такое разнообразие классификаций вербальных индикаторов свидетельствует об отсутствии универсальной лексикографической концепции функционально-стилистической и грамматической параметризации языковых единиц и необходимости дальнейшей разработки приемов и способов представления данных типов информации в пространстве словарной статьи.

Как показывает обзор отечественных и зарубежных лексикографических справочников, пометы характерны преимущественно для толковых одноязычных словарей. В переводных словарях степень их использования определяется авторской концепцией. Традиционно в двуязычных справочниках вербальные маркеры подаются на входном языке. Вместе с тем актуальным остается вопрос о целесообразности их дублирования на язык-цель. Здесь можно выделить две точки зрения. Согласно первому подходу, пометы должны обязательно подаваться на языке-цели. Однако подобная лексикографическая обработка требует значительного увеличения объема словаря и затрудняет пользование им. В соответствии со вторым подходом, который разделяем и мы, пометы в словарных статьях подаются только на входном языке и дифференцируются на *грамматические* и *функциональные*.

Грамматические пометы представляют информацию о заголовочных единицах в аспекте

1) их частеречной принадлежности: *дзеясл.* – дзеяслоў, дзеяслоўны, *займ.* – займеннік, *наз.* – назоўнік, *прыназ.* – прыназоўнік, *прысл.* – прыслоўе, *часц.* – часціца;

2) структурно-языковых признаков: *абстр.* – абстрактны, *канкр.* – канкрэтны, *Н* – назоўны склон, *Р* – родны склон, *Д* – давальны склон, *Т* – творны склон, *адз.* – адзіночны лік, *м.* – множны лік, *ж. р.* – жаночы род, *м. р.* – мужчынскі род, *н. р.* – ніякі род, *заг. л.* – загадны лад, *зак.* – закончанае трыванне, *незак.* – незакончанае трыванне;

3) синтаксических характеристик: *дзейн.* – дзейнік, *акал.* – акалічнасць, *вык.* – выказнік, *азн.* – азначэнне, *безас.* – безасабовы, *-ае*, *выкл.* – выклічнікавы.

Функциональные пометы описывают белорусские заголовочные единицы в аспекте их

1) функционально-стилистических характеристик: *праст.* – прастамоўны, *кніжн.* – кніжны, *разм.* – размоўны, *функц. не зам.* – функцыянальна не замацаваны;

2) эмоционально-оценочных свойств: *адабр.* – адабральны, *груб.* – грубы, *жарт.* – жартаўлівы, *іран.* – іранічны, *неадабр.* – неадабральны; *пагард.* – пагардлівы, *узнёсл.* – узнёслы;

3) функционально-темпоральных особенностей: *устар.* – устарэлы;

4) функционально-территориальных признаков: *абл.* – абласны, *дыял.* – дыялектны;

5) функционально-социальных параметров: *спец.* – спецыяльны.

В словарных статьях «Беларуска-англійскага ідэаграфічнага слоўніка катэгорыі дэйксісу» грамматические и функциональные индикаторы подаются курсивным шрифтом в зонах грамматической и прагматической информации. Например:

НЕ ЗА ГАРАМІ / НЕ ЗА ГАРОЙ.

Вык. Ужыв. пры дзейн. са значэннем канкр. прадмета. Функц. не зам.

Отсылки – вербальные индикаторы в виде слова или словосочетания в полной или сокращенной форме, осуществляющие корреляцию между заголовочными единицами в корпусе [1, с. 180; 7, с. 110]. Особенностью отсылки является ее высокая информативная емкость. В некоторых случаях данное метаязыковое средство может фактически заменять словарную статью [1, с. 180]. Система отсылок позволяет уменьшить объем словаря и сделать его более компактным.

Белорусские толковые и переводные словари содержат преимущественно формальные, «слепые» отсылки в виде сокращений: например, *гл.* – глядзі, *і г. д.* – і гэтак далей, *і падоб.* – і падобнае, *параўн.* – параўнайце, *і да т. п.* – і да таго падобнае, *сін.* – сінонім.

В отличие от словарей белорусского языка для англоязычной практической лексикографии характерно использование графического индикатора в виде стрелки “→”, маркирующего

1) грамматическую отсылку для соотнесения форм слов: например, мн. и ед. ч. (*knife* ‘нож’ → *knives* ‘ножи’), степеней сравнения прилагательного (*beautiful* ‘красивый’ → *more beautiful* ‘более красивый’, *the most beautiful* ‘самый красивый’);

2) словообразовательную отсылку для соотнесения слов-derivатов и производящего слова: например, *kindly* ‘доброжелательно’ → *kind* ‘доброжелательный’, *pally* ‘общительный’ → *pal* ‘приятель’, *gang* ‘банда’ → *gangster* ‘бандит’;

3) лексическую отсылку для передачи синтагматических (*eat* ‘есть, кушать’ → *word* ‘слово’, *to eat one’s word* ‘взять свои слова назад’), синонимических (*barrister* ‘адвокат’ → *counsel* ‘юрисконсульт’, *advocate* ‘адвокат’), антонимических (*domestic* ‘домашний’ → *wild* ‘дикий’) и смысловых (*atom* ‘атом’ → *electron* ‘электрон’, *neutron* ‘нейтрон’, *proton* ‘протон’) связей в корпусе.

В составленном нами словаре используются 2 типа отсылок – словообразовательная и грамматическая. Функция словообразовательной отсылки, маркируемой предлогом *паводле*, состоит в указании на слово, от которого образована данная единица: например, *ад’езд* – дзеянне **паводле** дзеясловаў *ад’язджаць* і *ад’ехаць*. Функция грамматического типа, реализуемого предлогом *да*, заключается в отсылке к лексеме, от которой образована форма заголовочной единицы: *ад’язджаць* – незак. **да** *ад’ехаць*.

Реестр принятых в словаре вербальных индикаторов подается в разделе «Список условных сокращений» без их дифференциации на грамматические, функциональные и отсылочные в алфавитном порядке.

Визуальные индикаторы – графические маркеры для выделения структурных компонентов словарной статьи и словаря [1, с. 170–180].

Инвентарь визуальных индикаторов белорусско-английского идеографического словаря конституируется *шрифтовыми, регистровыми, пунктуационными, символными, числовыми и позиционными* маркерами [1, с. 170–180].

Шрифтовые индикаторы представлены полужирным и курсивным шрифтами. Полужирный шрифт используется для обозначения

а) компонентов мегаструктуры словаря (**СПІС УМОЎНЫХ ЗНАКАЎ**), идеографических подтаксонов (**ПЕРСАНАЛЬНЫ ДЭЙКСІС**), мегагрупп (**1.1 Роля ў маўленчай сітуацыі**), макрогрупп (**1.1.1 Удзельнікі**) и групп (**1.1.1.1 Адрасант**);

б) порядковых номеров словарных статей: **5**;

в) заголовочных единиц (**Ты**), англоязычных эквивалентов (**you**), их употреблений в иллюстративных контекстах (*Гэй, ты, там, за дубам!*; «*Hey you!*» *he said roughly*).

Курсивный шрифт служит для выделения

а) грамматических и функциональных помет: *адз.* – адзіночны лік, *іран.* – іранічны;

б) иллюстративных контекстов: *Мой хутар тут зусім блізенечка, хутар Палявой – мо чулі нават* (А. Мурашка).

Регистровые индикаторы представлены прописными и строчными буквами [1, с. 173]. Прописные буквы используются для обозначения

а) заголовочного слова в начале словарной статьи: **БЛІЖЭЙШЫ**;

б) компонентов мегаструктуры словаря: **СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ**;

в) названий микрополей: **ПРАСТОРАВЫ ДЭЙКСІС**;

г) лексикографических источников языкового материала в виде сокращений: ТСБМ.

Строчными буквами подаются

а) толкования значений заголовочных единиц: **ТВОЙ** ‘які мае адносіны да цябе, належыць табе’;

б) англоязычные эквиваленты и соответствия белорусских заголовочных единиц: **near**.

Пунктуационные индикаторы обозначают структурные компоненты словарной статьи, маркируют грамматические и логические связи между ними и включают *точку, запятую, одинарные кавычки, различные виды скобок* [1, с. 174].

Точка служит для

1) указания на сокращение метаязыкового вербального индикатора в словарной статье: *праст.* – прастамоўнае;

2) указания на сокращение одного из компонентов толкования в зоне семантизации: ‘хто-н. недарэчы, не ў пару прыходзіць, з’яўляецца’;

3) отделения порядкового номера словарной статьи от заголовочной единицы: **99. УНУТРЫ**;

4) разграничения значений дейктических полисемантов:

НАПЕРАДЗЕ 1. У напрамку перад сабой.

2. У будучым.

Запятая раздзяляе кампаненты морфалагічнай парадигмы заголовочнай адзінцы: **АДЛЁТНЫ**, -ая, -ае.

Одинарные кавычки абазначаюць перавод англаязычных ілюстратывных кантэкстаў на беларускі язык: *Hank was my friend long before he was yours* 'Хэнк быў маім сябрам задоўга да таго, як стаў **тваім**'.

Скобки дыферэнцуюцца на *круглыя, прамыя, угловыя*.

Круглыя скобки маркіруюць

1) факультатывныя кампаненты англаязычных лексічных адпаведнасцей беларускіх заголовочных адзінцаў: **(a)round**;

2) сведзення аб істочніках ілюстратывных кантэкстаў і іх аўтарах: (Я. Колас. «На росстанях»).

Прымыя скобки абазначаюць скарачаныя названні лексіграфічных істочнікаў языковага матэрыяла: [ТСБМ; АН].

Угловыя скобки існуюцца для маркіравання факультатывных кампанентаў дзейкічных фразеалагічных адзінцаў: **what devil has brought s.o. <here>?**

Символьныя індикатары – група ўсловных знакаў, служачых для структуравання інфармацыі ў слоўнараднай артыкуле і фокусіраванні ўвагі на іх фрагментах [1, с. 177]. К даннаму тыпу індикатараў адносяцца *косая чэрта, дэфіс, знакі роўнасця і прыблізнага роўнасця, тільда*.

Косая чэрта існуюцца для

1) абазначэння варыянтаў напісання беларускіх заголовочных адзінцаў: **НАСУПРАЦЬ / НАСУПРОЦЬ**;

2) маркіравання ілюстратывнага матэрыяла з паэтычных тэкстаў: *Я люблю **ваш** смех дзявочы / Ды гарэзлівыя вочы, / **Вашы** кпінкі, вашы жарты, / Ды... куды цяпер я варты?* (К. Крапіва).

Дэфіс служыць для фарміравання фіналі скарачонай формы слова як граматычнай парадигмы [1, с. 178]: **БЛІЖНІ**, -я, -ае.

Знак роўнасця існуюцца для абазначэння поўных англійскіх эквівалентаў: **БЛІЗКА** = *near*.

Знак прыблізнага роўнасця маркіруе англійскія адпаведнасці беларускіх заголовочных адзінцаў: **МОЙ** ≅ *mine*.

Тільда указвае на англаязычныя тлумачэнні беларускіх безэквівалентных дзейкікаў: **ПЕРАДНАВАГОДНІ** ~ *before the New Year Eve*.

Числовые индикаторы, представленные арабскими цифрами, используются для

1) нумерации микрополей (**2. ПРАСТОРОВЫ ДЭЙКСІС**), идеографических мегагрупп (**2.1 Месцазнаходжанне**), макрогрупп (**2.1.1 З указаннем адлегласці**) и групп (**2.1.1.1 Блізка**);

2) обозначения порядка следования значений дейктических полисемантов: **НЕДАЛЁКІ**:

1. Які знаходзіцца або адбываецца на нязначнай адлегласці; блізкі.

2. У недалёкім мінулым.

Позиционный индикатор маркирует расположение информационных зон словарной статьи и представляющих их текстовых фрагментов с новой строки [1, с. 180]:

АДСТУПЛЕННЕ [ТСБМ].

н. р. Дзеянне паводле дзеяслова *адступіць*.

= **retreat** [MD].

*Ну, а тут у нас нават не **адступленне**, хутчэй суцэльныя ўцёкі* (І. Чыгрынаў. «Апраўданне крыві») [БПНКРЯ].

*He waved back and resumed his gloomy **retreat*** (V. Nabokov. «Transparent Things») [АПНКРЯ] 'Ён памахаў ім у адказ і працягнуў сваё невясёлае **адступленне**'.

Инвентарь визуальных индикаторов приводится в разделе «Список условных обозначений».

Таким образом, метаструктура современного двуязычного идеографического справочника реализуется комплексом формализованных лексикографических вербальных и визуальных индикаторов. Вербальные индикаторы представлены 41 пометой и 2 отсылками. Пометы маркируют структурно-языковые и функциональные параметры заголовочных единиц. Отсылки демонстрируют грамматические и деривационные отношения заголовочных единиц в корпусе. Визуальные индикаторы обозначают структурные компоненты словаря и словарной статьи и конституируются шрифтовыми (жирный и курсивный шрифты), регистровыми (прописные и строчные буквы), пунктуационными (точка, запятая, одинарные кавычки, круглые, прямые и угловые скобки), символьными (косая черта, дефис, знаки равенства и приблизительного равенства, тильда), числовыми (арабские цифры), позиционными (новая строка) маркерами.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Дзятко, Д. В.* Беларуская лінгвістычная тэрмінаграфія : манагр. / Д. В. Дзятко ; навук. рэд. В. Д. Старычонок. – Мінск : Выд-ва БДПУ, 2022. – 340 с.
2. *Гак, В. Г.* Словарь / В. Г. Гак // Языкознание : большой энцикл. сл. / гл. ред. В. Н. Ярцева. – 2-е (репр.) изд. «Лингв. энцикл. слов.» 1990 г. – М. : Большая рос. энцикл., 1998. – С. 462–464.
3. *Емельянова, О. Н.* Стилистические пометы в толковых словарях / О. Н. Емельянова // Русская речь. – 2002. – № 5. – С. 45–47.
4. *Дубичинский, В. В.* Лексикография русского языка : учеб. пособие / В. В. Дубичинский. – М. : Наука : Флинта, 2008. – 432 с.
5. *Берков, В. П.* Двухязычная лексикография : учебник / В. П. Берков. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Астрель : АСТ : Транзиткнига, 2004. – 236 с.
6. *Atkins, B. T. S.* The Oxford Guide to Practical Lexicography / B. T. S. Atkins, M. Rundell. – Oxford : Oxford Univ. Press, 2008. – XII, 540 p.
7. *Морковкин, В. В.* О базовом лексикографическом знании / В. В. Морковкин // Учебники и словари в системе средств обучения русскому языку как иностранному : сб. ст. / Ин-т рус. яз. ; под ред. В. В. Морковиной, Л. Б. Трушиной. – М., 1986. – С. 102–117.

Поступила в редакцию 08.01.2025

Астапчык Таццяна Аляксандраўна

кандыдат філалагічных навук, дацэнт,
дацэнт кафедры мовазнаўства
і лінгвадыдактыкі
Беларускі дзяржаўны педагогічны
ўніверсітэт імя Максіма Танка
г.Мінск, Беларусь

Tatsiana Astarchyk

PhD in Philology, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Linguistics and Linguodidactics
Belarusian State Pedagogical University
named after Maxim Tank
Minsk, Belarus
tatjana-vyskvarko@rambler.ru

ПЕРШЫ КАМПАНЕНТ НЕКАДЫФІКАВАНЫХ АД'ЕКТЫЎНЫХ КАМПАЗИТАЎ
ЯК КРЫНІЦА СЕАНТЫЧНАГА ДЭКАДЗІРАВАННЯ

THE FIRST COMPONENT OF NON-CODIFIED ADJECTIVE COMPOUNDS
AS A SOURCE OF SEMANTIC DECODING

Артыкул прысвечаны аналізу беларускіх некадыфікаваных ад'ектыўных кампазітаў. Разглядаюцца кампазіты з першымі кампанентамі *глыбока-*, *жудасна-*, *дзіўна-*, *радасна-*; ажыццяўляецца спроба семантычнага дэкадзіравання ад'ектываў з мэтай рэканструкцыі моўнай карціны свету. Аказіянальныя складаныя ад'ектывы сведчаць пра імкненне пісьменніка рэпрэзентаваць рэчаіснасць максімальна шматгранна, перадаць незвычайную разнастайнасць гукаў, колераў, пахаў, вобразаў, пачуццяў, у выніку чаго ўзнікае стылістычны эфект прысутнасці, задзейнічанасці. Акрамя таго, некадыфікаваныя ад'ектыўныя кампазіты ствараюць вобраз чулага, эмацыянальнага, нераўнадушнага апавядальніка.

К л ю ч а в ы я с л о в ы: *моўная карціна свету; некадыфікаваныя ад'ектыўныя кампазіты; беларуская проза; семантычнае дэкадзіраванне; стылістычны патэнцыял.*

The article is devoted to the analysis of Belarusian non-codified adjective compounds. The compounds with the first components *глыбока-*, *жудасна-*, *дзіўна-*, *радасна-* are considered; an attempt to realize semantic decoding of the non-codified adjective compounds is made with the aim of reconstructing the language worldview. Occasional adjective compounds testify to the writer's desire to represent reality as multifaceted as possible, to convey an unusual variety of sounds, colors, smells, images, feelings, as a result of which a stylistic effect of presence, involvement is made. In addition, non-codified adjective compounds create the image of a sensitive, emotional, and caring narrator.

Key words: *language worldview; non-codified adjective compounds; Belarusian prose; semantic decoding; stylistic potential.*

Складаныя ад'ектывы ўяўляюць сабой гетэрагенны клас лексічных адзінак, які патрабуе пераасэнсавання падыходаў да яго даследавання. Менавіта ў сферы ад'ектываў найбольш відавочныя такія вядучыя мысленчыя

працэсы, як абстракцыя і аналіз [1], дзякуючы якім чалавек катэгарызуе з’явы рэчаіснасці. Некадыфікаваныя ад’ектыўныя кампазіты (НАК) надаюць нетрывіяльную характарыстыку семантычным сферам, найбольш значным для моўнай карціны свету. На карысць актуальнасці артыкула сведчыць і той факт, што відавочнымі лакунамі ў айчынных даследаваннях індывідуальна-аўтарскіх кампазітаў выступаюць пытанні семантычнай катэгарызацыі і стылістычнага дэкадзіравання. Матэрыялам для даследавання паслужылі НАК, сабраныя метадам скразной выбаркі з мастацкіх празаічных тэкстаў беларускіх пісьменнікаў першай паловы XX стагоддзя (Міхася Зарэцкага, Міколы Нікановіча, Змітрака Бядулі, Максіма Гарэцкага, Яна Скрыгана, Рыгора Мурашкі, Сымона Баранавых і інш.). Як сведчыць вядомы даследчык аказіянальнай лексікі М. В. Шабовіч, індывідуальна-аўтарскія прыметнікі “надзвычай пашыраны ў празаічных творах, дзе выкарыстоўваюцца галоўным чынам для характарыстыкі прыроды і чалавека; у дыялагічнай мове яны ўжываюцца вельмі рэдка” [2, с. 76].

Мэта артыкула – выявіць асаблівасці функцыянавання складаных ад’ектываў з першымі кампанентамі *глыбока-*, *жудасна-*, *дзіўна-*, *радасна-*; ажыццявіць семантычнае структураванне такіх адзінак. Складаныя аказіянальныя словы – надзвычай удзячны аб’ект даследавання і ў дэрывацыйным, і ў семантычным, і ў стылістычным аспектах. Творчы працэс стварэння індывідуальна-аўтарскага складанага слова мае свае заканамернасці ў кожнай мове, сярод якіх – семантычная накіраванасць першых кампанентаў кампазітаў. Пачатковы кампанент, як правіла, з’яўляецца семантычнай кропкай нараджэння новага слова, ад якой адштурхнецца другі кампанент, якая задае тон і гучанне новаўтворанай адзінцы.

Прыметы, прадстаўленыя НАК, валодаюць багатым вобразна-выяўленчым патэнцыялам і семантычнай ёмістасцю. НАК функцыянуюць у якасці ядзерных і дапаможных кампанентаў тропай і стылістычных фігур. Як паказала даследаванне, значная частка першых кампанентаў аказіянальных складаных ад’ектываў прадстаўлена адзінкамі, скіраванымі забяспечыць нетрывіяльную, суб’ектыўную прымету, звязаную з пранікненнем ва ўнутраны свет пісьменніка (стваральніка прыметы) і чытача (рэцыпіента прыметы). Паказальнікамі такой прыметы з’яўляюцца першыя кампаненты *глыбока-*, *жудасна-*, *дзіўна-*, *радасна-*, пры звароце да якіх адзначаецца багаты стылістычны патэнцыял кампазіта (незалежна ад таго, якой часцінай мовы выступае першы кампанент на этапе ўтварэння складанага слова). НАК з такімі першымі кампанентамі могуць быць структураваны як фрагмент моўнай карціны свету наступным чынам.

1. Чалавек як жывы арганізм:

1.1. Саматызмы:

1.1.1. Вочы: Ніна запаліла лямпу, і дрыготнае крывое святло цьмяна адкрыла яе змучаны твар, паказала **глыбока-запалыя** вочы... (М. Зарэцкі); ... І цяпер яна адхінула полаг ды жмурыць свае карыя, **глыбока-любячыя** вочы... (М. Нікановіч); Воч яе, гэтых **глыбока-нявінных**, цёмна-шэрых, з бляскам прамення ў іх, нібы ад зор, – мне не забыцца ніколі... (М. Нікановіч); Толькі ўсмешка, вочы **глыбока-разумныя**, яго мілыя рысы твару – настойна казалі, што гэта ён, добры, чулы, ранейшы пастух – Якім... (М. Нікановіч); Проста ў самую душу глядзелі яго **глыбока-разумныя**, ад пражытых гадоў ужо вылінялыя, але яшчэ свежыя шэрыя вочы (М. Нікановіч); Ніна адразу нібы здрыганулася, потым даверліва ўзняла на Лясніцкага адкрыты погляд **глыбока-сур'ёзных** ціхіх вачэй (М. Зарэцкі); Як прыемна, як радасна чуць гэтую жаркую блізкасць, гэту смелую сілу, што цягне к сабе, прымушае забыцца на ўсё, на ўсё чыста, і глядзець бясконца ў **дзіўна-глыбокія** чорныя вочы (М. Зарэцкі); Ён глядзіць у самае сэрца сваімі вачмі – **дзіўна-глыбокімі**, цёплымі (М. Зарэцкі); Яна не зводзіла вачэй з натоўпу сялян, дзе недалужна семаніў яе бацька, і ў гэтых **дзіўна-прыгожых** вачах, увабраўшых, здаецца, у сябе ўвесь бляск пажару, Лясніцкі ўбачыў маўклівую мальбу, перамяшаную з палкім нечалавечым болем (М. Зарэцкі); Галава, узнятая высока, і невялікія, але глыбокія і **жудасна-разумныя** вочы пазіраюць не на блізкіх, а на далёкіх (М. Гарэцкі).

1.1.2. Твар, выраз твару: З-пад шырокай хвойкі вытыркнулася галава сярэдняга веку мужчыны з раскудлачанымі валасамі, з гультаяватым бляскам макраватых вачэй, з жыдкімі вусікамі, якія, вяла сцякаючы ўніз, надавалі твару не то **глыбока-апатычны**, не то філасофскі выраз (М. Зарэцкі); Твар яе і цяпер яшчэ быў прыгожы, але не было ў ім той невымоўна-жывой адухоўленасці, якая рабіла характэрнае яго асабліва яскравым і **дзіўна-прывабным** (М. Зарэцкі).

1.2. Фізічныя дзеянні: **Жудасна-марудны** крок (М. Гарэцкі).

2. Псіхалагічны свет чалавека:

2.1. Душа, струны душы: Кволяя гукі раяля ... кранулі сваім лёгкім паведам нейкія патаемныя, **дзіўна-напружаныя**, чулыя струны (М. Зарэцкі).

2.2. Пачуцці і іх адценні: ...Я адчуваю, як унутры ў мяне расце прыемнае, **радасна-трывожнае** пачуццё... (М. Зарэцкі); ...Утаропіўся з нейкай ужо любоўю у сэрцы, з **радасна-тужлівым** пачуццём у вачах, на купальскае вогнішча... (М. Нікановіч).

2.3. Разумовая дзейнасць чалавека; думкі, уяўленні, успаміны: Нядаўнія перажыванні, роднасць матыву, малюнкі **глыбока-блізкія** заставіліся незадаволенасцю і ранейшым настроем, а зверху ўсяго прыгнётам чорным

паўставала жуда (Р. Мурашка); Яна была зноў чужая, далёкая – з **глыбокатаемнымі** сваімі думкамі, з глуха закрытым для Лясніцкага светам сваіх пачуццяў і перажыванняў (М. Зарэцкі); ...Вобразы люзей чаргаваліся з вобразамі слоў, з вобразамі зусім абстрактных, але цяпер **дзіўна-жывых**, рэальных уяўленняў (М. Зарэцкі); *I rapтам мільганула ў Лясніцкага **радасна-хітрая** думка* (М. Зарэцкі).

2.4. Агульныя назвы ментальных працэсаў і канстант: *На твары ў яго яшчэ плавала **радасна-светлая** задуменнасць* (М. Зарэцкі).

2.5. Характар, унутраная сутнасць чалавека: *Але гэтая цьмяная праўда не магла задаволіць ягонае **глыбока-практычнае** істоты...* (М. Зарэцкі).

2.6. Радасць, шчасце: *Эх, радасць ты **глыбока-бязмежная** з шырынёю веснавых напеваў!..* (М. Нікановіч).

2.7. Надзеі: *А тады ўжо прапала: не разбярэш, ці гэта прамоўца сказаў, ці гэта свая старадаўняя думка – улежаная, абветраная **глыбокатаемнымі** віхрамі надзей і расчараванняў* (М. Зарэцкі).

2.8. Псіхічныя працэсы: *I Лясніцкі цэлую гадзіну сядзеў з гэтым афіцэрам, рады, што хоць з п'яным здолеў знайсці нешта супольнае, дружна, што хоць праз яго падыдзе бліжэй да гэтага **дзіўна-смелага** ўзрушэння* (М. Зарэцкі); *Неяк самі сабой, мімаволі ўюцца думкі вакол Макрыны, успывае вобраз яе, поўны гарачай вабнасці, узнімае ў грудзях добра знаёмае, **радасна-буянае** хваляванне* (М. Зарэцкі); *А Лясніцкі чуў гэтую прыязную блізкасць сялян і ад гэтага поўніўся **радасна-свежай** энергіяй* (М. Зарэцкі).

2.9. Знешнія праявы ўнутранага стану чалавека: *Ён ішоў пасярод вуліцы, далёка пырскаючы ад сябе граззю і вадой, з **радасна-здаволенай**, шырокай ухмылкай...* (М. Нікановіч); *Калі ж яна з **радасна-ўдзячнай** усмешкай падала яму сваю руку, ён раптам адчуў, што гэта зусім лішняе...* (М. Зарэцкі).

2.10. Настрой: *...Ахапляў нейкі **радасна-рашучы** вольны настрой* (М. Зарэцкі); *Умомант згінуў яго **радасна-ўзняты** настрой, асела на сэрца нешта цяжкае, даўкае* (М. Зарэцкі); *...Яго ні на хвіліну не пакідаў вясёлы **радасна-ўзняты** настрой* (М. Зарэцкі).

2.11. Мова і маўленне: *Апошнія словы Ніна сказала **глыбока-зніжаным** голасам, у якім пачулася Лясніцкаму нервовае дрыжанне* (М. Зарэцкі); *Такім **глыбока-вычарпальным** тлумачэннем Карызна мусіў задаволіцца...* (М. Зарэцкі); *Гэтая сустрэча з Андрэем, гэтая **глыбока-шчырая** гутарка вызначылі далейшую плынь жыцця Лясніцкага* (М. Зарэцкі); *Яны выбралі сабе прытульны куточак і завялі **глыбока-шчырую** гутарку, пачалі адзін аднаму спавядацца* (М. Зарэцкі); *Адзін голас быў бацькаў, а другі невядома чый, але **дзіўна-знаёмы** і прыемны* (М. Зарэцкі); *А Андрэй урачыста выбіваў **дзіўна-новыя** незвычайныя словы* (М. Зарэцкі); *Ступіўшы некалькі крокаў наперад,*

ён сціснуўся ўвесь у цвёрдай каменнай злосці і выдушыў з сябе **жудасна-ціхім** перажабленым голасам... (М. Зарэцкі); Абнялі і сціснулі сцены гэтыя **радасна-вясёлыя** галасы дзіцячыя, ажыла зноў школа... (М. Нікановіч); Зелянюк у шумнай кампаніі хлопцаў урынуўся ў сельсавет і, убачыўшы Карызну, яшчэ з парога крыкнуў звонкім **радасна-ўзрушаным** голасам... (М. Зарэцкі); Яго праводзілі **радасна-дзікімі** крыкамі і шалёным рогатам (М. Зарэцкі); І яшчэ чорна мігнула страшнае падазрэнне, што ў той дзікі **радасна-крыважэрны** крык уліўся быў апантаны віскам і яго ўласны голас (М. Зарэцкі); Калі ён слухаў, як на лятучых, тут жа ў вакзале або на пероне наладжаных мітынгах з **радасна-ўрачыстым** запінаннем (бо не ўмелі) гаварылі шэрыя салдаты свае нямудрыя прамовы, у якіх з асаблівым замілаваннем выгаварваліся крывава-блізкія словы “мір”, “зямля”, “заводы”, – дык у яго сціскалася сэрца і хацелася зрабіць нешта, пайсці куды-небудзь з гарача-распаленымі вачмі, з вольным захапленнем (М. Зарэцкі).

2.12. Вынік дзейнасці органаў зроку: ...Ён пачаў наступаць на Гвардыяна ў грознай павольнасці, працінаючы яго вострым **жудасна-бліскучым** зіркам (М. Зарэцкі); Як праязджалі міма, яго **радасна-здаволены** погляд на момант спаткаўся з панурым поглядам старшыні (М. Зарэцкі).

3. Жыццядзейнасць чалавека як асобы і паўсядзённае жыццё чалавека:

3.1. Жыццё чалавека ўвогуле, лад жыцця: ...Там у напружанай спешнасці разгортвалася новае жыццё, **дзіўна-насычанае** нейкім незвычайным рупліва-бадзёрым зместам (М. Зарэцкі); І вось надышоў той гістарычна-яскравы дзень, калі ўзвіўся над горадам чырвоны сцяг і калі ў горад прыйшло **дзіўна-новае** жыццё... (М. Зарэцкі); Жыццё, Васілёк, развінаецца, жыццё будзе цікавае, **дзіўна-прыгожае**... (М. Зарэцкі).

3.2. Часавыя прамежкі і рубяжы жыцця чалавека: Ён распарыўся ўвесь, расчырванеўся, ад яго веяла гарачым здароўем, свежаю сілай, ён, здавалася, быў увасабленнем гэтай шырокай, магутнае, як прырода, працы-забавы, гэтага **радасна-тлумнага** квяцістага дня (М. Зарэцкі); Піў ён заўсёды ў самыя ўрачыстыя, **радасна-хваляючыя** моманты (М. Нікановіч).

3.3. Падзеі ў жыцці чалавека: Сумны, як лес у буру, хадзіў Якім і маўчаў, – не хацеў гаварыць са мною, а я нудзіўся, трымаўся асабняком і ўсё думаў аб **жудасна-крывавым** здарэнні... (М. Нікановіч); Потым ім стала зразумела гэтае дзіўнае з’явішча, калі і яны далучыліся да глядачоў **жудасна-крывавае** драмы (М. Зарэцкі).

3.4. Прафесія, род заняткаў: І вось раптам ускочыў на пляцоўку вагона **жудасна-вялікі** грамоздны матрос... (М. Зарэцкі).

3.5. Творчасць чалавека, культурная спадчына народа: Чую песню. Далёкую, маркотную – і **жудасна-спакойную** песню (М. Гарэцкі).

3.6. Інтэр'ер: пакоі і іх убранства: *Ён рад, што хаця ў цемры не відаць таго **жудасна-пустога** ложка, які мулкім ражном застраў у яго ўваччу* (М. Зарэцкі).

3.7. Матэрыялы: прыродныя і штучныя: *Таму Карызна, пераехаўшы цераз гнілаваты, складзены з **дзіўна-рухавага** бяргавення масток і мінуўшы шэрую порхайку – кузню, першы слаўны будынак слаўнага гарадка, заўсёды з асалодаю адчуваў, што ўсе яго трывогі, страх, уся яго мітусянiна мякка катуляецца завесай цудоўнай далечыні...* (М. Зарэцкі).

3.8. Паўсядзённы свет рэчаў чалавека: *З цягам часу Язэпка звывыкся з дзядзькавым домам, доўга вывучаў яго з свежай дзіцячай зацікаўленасцю і ўражлівасцю; вывучаў з такім імпэтам, нібы апынаўся раптам у незнаёмым царстве, напоўненым дзівоснымі людзьмі і **жудасна-прыгожымі** рэчамі* (З. Бядуля).

4. Прырода:

4.1. Дрэвы і іх часткі: *Яшчэ стаялі клёны ў сваім **глыбока-зялёным** уборы, але ўжо насіўся над імі нявідны і невыразны павеў празрыстай восені* (М. Зарэцкі).

4.2. Расліны свет на розных этапах сельскагаспадарчай апрацоўкі: *За Дняпром перад хлопцамі гонка раскінуліся **глыбока-зялёныя** росныя сенажаці, на якіх паволі ўжо шавяліліся завязлыя па пояс у траве касцы* (М. Зарэцкі).

4.3. Дзікія жывёлы: *Здалёку пачулася **жудасна-смутнае** выццё галодных ваўкоў* (З. Бядуля).

4.4. Неба: *Неба налілося **глыбока-асенняй**, чорна-непрагляднай жу-жалкаю* (С. Баранавых).

4.5. Сонца: ***Радасна-ціхае** сонца сыпецца бледным праменнем скрозь іскрыстыя шыбы і цёпла сцелецца па падлозе – рэдка й зыбуча* (М. Зарэцкі).

4.6. Бераг: *Яе берагі – аголенае, парванае земляное мяса – былі **жудасна-чорныя**, мокрыя...* (М. Зарэцкі).

4.7. Пору года: *Хіба ж не могуць вабіць чалавека твае [восені] **глыбока-тужлівыя** шчырыя подыхі?..* (М. Зарэцкі).

4.8. Агонь і гарэнне: *А часамі нават траплялася, што ішлі ворагі поплич, не пазнавалі адзін аднаго, пакуль не выкрываў іх **жудасна-яскравы** воблеск чырвонага полымя* (М. Зарэцкі).

5. Агульныя паняцці: *...Стала так, быццам ён глядзеў у нейкую **дзіўна-празрыстую** глыбiню і бачыў у ёй сваё ўласнае жыццё...* (М. Зарэцкі); *Мізэрная рэчка Латаўка абярнулася ў непераступны рубаж і нахабна разбіла жыццё на два **дзіўна-розныя** светы* (М. Зарэцкі); *...І ў пакоі зноў бяздонна раскрываецца тая **жудасна-пустая** цішыня* (М. Зарэцкі); *Наўкола – **жудасна-ціхая** пустэля* (М. Гарэцкі).

6. Субстантываваныя НАК: У гэтых пытаннях так многа новага, живога, **глыбаказначнага** (М. Зарэцкі); Ці тут ёсць тое нешта **глыбоктаемнае**, ці проста глупства якое? (М. Зарэцкі); Птушкі лётаюць, а пець яны могуць сёння толькі аб **радасна-жыццёвым** (В. Каваль); ...І было ў яе рытмічных пералівах нешта агульнае з гэтым маршам, нешта такое ж **радасна-моцнае**, поўнае захаплення (К. Чорны); Для іх гэта нешта невядомае і таямнічае, а разам з тым **радасна-прывабнае** (К. Крапіва); Хоць тое вярні, што было тады, каб зноў забыцца на жыццё, каб зноў было **радасна-светлае**, нязбытна-прыгожае, каб былі летуценні (М. Зарэцкі); Няма таго **радасна-светлага** – чорна ў жыцці, страшна і жудасна (М. Зарэцкі).

Як паказала даследаванне, пры апісанні знешнасці НАК найчасцей апісваюць вочы, якія выступаюць правадніком глыбокіх пачуццяў, перажыванняў герояў, сведкамі дынамічнага ўнутранага жыцця як персанажа, так і апавядальніка, дастаткова чулага, каб прапанаваць такую вычарпальную і пранізлівую характарыстыку. Вельмі разнастайна НАК рэпрэзентуюць і ўласна псіхалагічны свет чалавека, які ўключае ў сябе эмацыянальныя з'явы, кагнітыўную сферу, сістэму светапогляду, матывацыйную сферу, асаблівасці ўспрымання органамі пачуццяў, мову і маўленне [3; 4]. НАК з першым кампанентам **жудасна-** ствараюць стылістычны эффект напружанасці, трывогі, неспакою, жаху, што асабліва адчувальна ў тым выпадку, калі НАК завяршае пералічальны рад і (або) сказ: *Цемната расступілася, і ў жоўта-крывавым кругу палахліва-трапяткога свету вынырнуў белы, як крэйда, твар з крыху выскаленымі, рагочучымі зубамі, з шкляннымі, **жудасна-смяротнымі** вачыма...* (М. Нікановіч). Даволі распаўсюджаным варыянтам звароту да НАК выступае імкненне пісьменніка да персаніфікацыі пры апісанні прыроды. Менавіта такія незвычайныя прыметнікі-экспромты ствараюць непаўторныя пейзажныя замалёўкі: *Хіба ж не могуць вабіць чалавека твае [восені] **глыбока-тужлівыя** шчырыя подыхі?..* (М. Зарэцкі). Калі НАК з першымі кампанентамі **глыбока-**, **жудасна-** урываюцца на старонкі твора як паказчыкі напружанай, часам небяспечнай, трывожнай інтанацыі, то НАК з першымі кампанентамі **дзіўна-** і **радасна-**, наадварот, быццам запаўняюць мастацкую тканіну твора светлымі спадзяваннямі, адчуваннем бесклапотнасці: *Адзін голас быў бацькаў, а другі невядома чый, але **дзіўна-знаёмы** і прыемны* (М. Зарэцкі); *Для іх гэта нешта невядомае і таямнічае, а разам з тым **радасна-прывабнае*** (К. Крапіва).

Асаблівай увагі заслугоўваюць НАК, якія апісваюць цалкам асобу чалавека. Такія НАК з першым кампанентам **глыбока-** пераважна характарызуюць псіхалагічны свет чалавека: *За сталом сядзеў **глыбока-затоены** Гольдзін, ён быў асяродкам гутаркі, ён дзіўна прыцягваў усіх сваёй марудлі-*

вай стрымленасцю, сваім сцеражлівым уедліва-праканалым голасам (М. Зарэцкі); *А Рыгор, **глыбока-ўражлівы**, чулы сэрцам, лавіў нутром цёплае пачуццё блізкіх і любых сабе людзей...* (Ц. Гартны). “Асабовыя” НАК могуць надаваць цэласную характарыстыку і знешнасці чалавека: *Яна выпрасцілася перад ім ва ўвесь рост, зграбная, **дзіўна-прыгожая**, з бліскучымі, ззяючымі спакусай вачмі* (М. Зарэцкі); *Раіса стаіць перад ім **дзіўна-прыгожая** ў сваім гарачым хваляванні – глядзіць поўнымі маўклівай просьбы вачмі, чакае* (М. Зарэцкі).

Пры аналізе словаўтваральнай структуры складаных прыметнікаў не заўсёды магчыма адзначна сцвярджаць, якой часцінай мовы з’яўляецца першы кампанент (прыметнікам, дзеепрыметнікам ці прыслоўем). У такіх выпадках мае сэнс указаць на магчымасць двайной матывацыі. Нярэдка першы кампанент прадстаўлены прыслоўем меры і ступені і ўказвае на інтэнсіўнасць праяўлення якасці, названай у другім кампаненце. Як правіла, складаныя аказіянальныя прыметнікі характарызуюцца двухкампанентнай структурай і дэфісным напісаннем, аднак зафіксаваны выпадкі і дэфіснага, і злітнага напісання кампазіта з першым кампанентам *глыбока-* у творах М. Зарэцкага: *А тады ўжо прапала: не разбярэш, ці гэта прамоўца сказаў, ці гэта свая старадаўняя думка – улежаная, абветраная **глыбокатаемнымі** віхрамі надзей і расчараванняў; Яна была зноў чужая, далёкая – з **глыбока-таемнымі** сваімі думкамі, з глуха закрытым для Лясніцкага светам сваіх пачуццяў і перажыванняў*. Злітна напісаны ў творах М. Зарэцкага і кампазіт *глыбаказначны*.

Такім чынам, некадыфікаваныя ад’ектыўныя кампазіты з першымі кампанентамі *глыбока-*, *жудасна-*, *дзіўна-*, *радасна-* шырока прадстаўлены ў беларускай прозе першай паловы ХХ стагоддзя. Цікавасць да іх даследавання выклікае і той факт, што пры аналізе дэрывацыйнай структуры ўзнікае верагоднасць двайной матывацыі (першы кампанент можа разглядацца і як прыметнік, і як прыслоўе), у выніку чаго ўзбагачаюцца варыянты семантыка-стылістычнага аналізу такіх лексем, інтэрпрэтацыі іх вобразна-выяўленчага патэнцыялу ў тканіне мастацкага тэксту. Індывідуальна-аўтарскія складаныя словы ўдзельнічаюць у стварэнні вобраза чулага апавядальніка. Дзякуючы такім адзінкам чытач мае магчымасць пазнаёміцца з незвычайна дэталізаванай разнастайнасцю гукаў колераў, пахаў, вобразаў, пачуццяў, што забяспечвае стылістычны эффект прысутнасці і задзейнічанасці. Семантычнае структураванне НАК і іх стылістычнае дэкадзіраванне з’яўляюцца важнымі ўнёскамі ў рэканструкцыю беларускай моўнай карціны свету, паколькі, як адзначае А. Л. Садоўская, для гэтага асаблівае значэнне маюць менавіта вобразныя і экспрэсіўныя пласты мовы [5], што змяшчаюць у сабе ментальныя коды народа.

ЛІТАРАТУРА

1. Харитончик, З. А. Имена прилагательные в лексико-грамматической системе современного английского языка / З. А. Харитончик. – Минск : Выш. шк., 1986. – 96 с.
2. Шабовіч, М. В. Аказіянальныя словы ў беларускіх мастацкіх тэкстах 20-х гадоў XX стагоддзя / М. В. Шабовіч ; навук. рэд. П. А. Міхайлаў. – Мінск : Логвінаў, 2013. – 198 с.
3. Левченко, Е. В. Образ внутреннего мира: теоретические проблемы и феноменология / Е. В. Левченко, А. Е. Деменева // Вестн. Вят. гос. гуманит. ун-та. – 2010. – № 4-1. – С. 149–158.
4. Шыманская, В. Ю. Метафарычная рэпрэзентацыя псіхалагічнай сферы чалавека ў беларускай і англійскай мовах (на матэрыяле субстантываў) : дыс. ... канд. філал. навук : 10.02.20 / Вольга Юр'еўна Шыманская. – Мінск, 2009. – 199 л.
5. Садоўская, А. Л. Паняцце моўнай карціны свету ў сучаснай лінгвістыцы і яе роля ў плане вывучэння нацыянальна-культурнай спецыфікі моўных адзінак / А. Л. Садоўская // Працы кафедры сучаснай беларускай мовы / Беларус. дзярж. ун-т. – Мінск, 2007. – Вып. 6. – С. 171–179.

Поступила в редакцию 22.01.2025

УДК [811.581+811.111+811.161.1] '37'366.584

Гибкий Павел Валерьевич

аспирант кафедры теории
и практики китайского языка
Минский государственный
лингвистический университет
Минск, Беларусь

Pavel Gibkij

PhD Student of the Department
of Chinese Theory and Practice
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
pavel.gibkiy@bk.ru

**СЕМАНТИКА БУДУЩЕГО ВРЕМЕНИ
В ПРОШЕДШЕМ В КИТАЙСКОМ, АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ**

**THE SEMANTICS OF THE FUTURE TENSE
IN THE PAST IN CHINESE, ENGLISH AND RUSSIAN**

Рассматривается семантика будущего времени в прошедшем в китайском, английском и русском языках. Установлено, что в английском и русском языках существует лишь декларативное (прямое) обозначение будущего времени в прошедшем. В китайском языке данный временной интервал может обозначаться и декларативно (прямым образом, лексическими единицами со значением времени), и процедурально (комбинацией служебных языковых единиц).

К л ю ч е в ы е с л о в а: китайский язык, английский язык, русский язык, категория времени, будущее, прошедшее, будущее в прошедшем.

The semantics of the future tense in the past in Chinese, English and Russian languages is studied. It has been revealed that in English and Russian there is only a declarative (direct) indication of the future tense in the past; in Chinese, this time interval can be indicated both declaratively (directly, by lexical units with the meaning of tense) and procedurally (by a combination of functional language units).

Key words: Chinese language, English language, Russian language, category of tense, future, past, future in the past.

Человеческая жизнь состоит из событий. Осуществляя внутреннее кодирование, т. е. сознательное управление интеллектуальной деятельностью [6, с. 32], ощущая потребность в рациональном планировании своей деятельности, человек сталкивается с необходимостью в ориентации во времени и пространстве. По мере развития человеческого мышления, усложнения взаимоотношений между людьми в обществе и др. возникает необходимость в конкретизации описания события [там же], в языковой репрезентации пространственных и временных отношений. Соответственно, сознание человека начинает выделять прошедшее, настоящее, будущее и будущее в прошедшем время.

Цель статьи – выявить и охарактеризовать средства обозначения будущего времени в прошедшем в китайском, английском и русском языках. С точки зрения онтологии¹, объективно существуют только события прошедшего и будущего времени. Если рассмотреть данную проблему с позиций гносеологии², кроме прошедшего и будущего также существует настоящее и будущее в прошедшем, выделяемые для удобства наблюдателя [8].

Применительно к лингвистике под будущим в прошедшем понимается следующее: события, относящиеся к будущему, воспринимаются как уже произошедшие, или будущее ощущается как часть прошлого. Другими словами, в прошлом человек осознает или предсказывает, произойдет ли (или не произойдет) то или иное событие в будущем.

В комбинаторной семантике³ будущее в прошедшем определяется как временной интервал, переносимый из прошедшего в будущее для облегчения ориентации наблюдателя в пространстве [8]. Поскольку в таких примерах один процесс в прошлом всегда предшествует другому в будущем, это указывает на темпоральную конъюнкцию «и затем»⁴, что наблюдается во всех представленных ниже предложениях (китайских, английских и русских).

В статье используются такие исходные термины комбинаторной семантики, как тайген и ёген. Приведем определения и примеры ниже.

Тайген – часть языка, обозначающая индивид (отдельную сущность): *браслет, семь, он* [6, с 35].

Ёген – часть языка, обозначающая признак индивида [там же], который может быть постоянным (*превосходный, красный, бриллиантовый*) или переменным (*струиться, течение*).

¹ Онтология (греч. *ontos* ‘сущее’, *logos* ‘учение’) – философское учение о бытии, его видах, свойствах и формах [12, с. 4].

² Гносеология (греч. *gnosis* ‘знание’, *logos* ‘учение’) – философская дисциплина, занимающаяся исследованиями, критикой и теориями познания. В отличие от эпистемологии, гносеология рассматривает процесс познания сквозь призму отношений субъекта познания (исследователя) к объекту познания (исследуемому объекту) [11].

³ Комбинаторная семантика – лингвистическая дисциплина, изучающая отображение естественным языком ролей индивидов в событиях [4, с. 7].

⁴ Темпоральная конъюнкция «и затем» (или «и потом») указывает на последовательность действий или событий, происходящих одно за другим [7, с. 49].

Декларативное обозначение будущего времени в прошедшем в китайском языке

В китайском языке декларативно (прямым образом) [5] будущее время в прошедшем может обозначаться модусными ёгенами 要/会 (yào / huì) [10] в комбинации с амплификатором 就 (jiù) и др.

На предмет декларативного обозначения будущего времени в прошедшем в китайском языке проанализировано 708 предложений из электронной версии Большого китайско-русского словаря [2] и Лингвистического корпуса китайского языка Пекинского университета языка и культуры [16].

Была выдвинута гипотеза о том, что обозначать данный временной интервал могли бы лексические единицы со значением прошедшего и будущего времени, однако на момент исследования она не подтвердилась (в рамках анализа данного аспекта было изучено 293 предложения из двух источников, указанных выше).

В процессе анализа 415 предложений из электронной версии Большого китайско-русского словаря [2] поиск осуществлялся по ключевым фразам 很快就 ('очень скоро'), 刚开始 ('в самом начале'), 以为 ('ошибочно полагал'), 没想到 ('не мог и подумать, что ...') и др. Найдено 20 случаев декларативного (прямого) обозначения будущего времени в прошедшем модусными ёгенами 要, 会 (yào, huì) и контекстом.

Наиболее яркие примеры приведены ниже.

1. 刚开始也许是个小玩笑, 但我很快就注意到, 如果你拿我这根“不怎么圣人”的法杖 会更有趣 ('Всё начиналось как мелкая забава, но вскоре я заметил, что, если дать тебе мой не очень священный посох, станет еще интереснее') 刚开始 ('в самом начале') не указывает прямым образом на прошедшее время, но задает начальную точку события. Амплификатор 就 (jiù) обозначает быструю смену процессов в событии (т. е. вскоре после названного момента нечто произошло, говорящий что-то заметил). Соответственно, прослеживается, что общий план повествования погружен в прошлое. Во второй части предложения 如果 ('если') и 会 (здесь: 'обязательно, непременно') указывают на причинно-следственную связь между двумя процессами в будущем («если дать посох, станет интереснее»). Следовательно, будущее разворачивается внутри прошедшего.

2. *我以为我教这些东西，能让那些野人变得文明一些* ‘Я полагал, что смогу цивилизовать этих дикарей, рассказав им о культуре’ [2].

Говорящий ранее (в прошлом) сделал предположение о том, что он сможет осуществить процесс *цивилизации* в будущем. *以为* (‘ошибочно полагал’) указывает на то, что процесс *полагания* завершен относительно момента речи: человек сделал предположение в прошлом, которое оказалось ошибочным. *能让...变得文明一些* (‘смогу цивилизовать’¹) обозначает следующее: человек ожидал, что сможет осуществить описываемый процесс в будущем. На отнесенность события к будущему в прошедшем, прежде всего, указывает контекст. В частности, *ёген 以为* (‘ошибочно полагать’) в силу специфики своей семантики (если предположение ошибочно и за ним должно последовать опровержение, значит, оно, скорее всего, сделано в прошлом) преимущественно употребляется в прошедшем времени, хотя может быть вплетен и в план настоящего, так как не является временным показателем.²

3. *还以为我要没命了呢* ‘Мне уже казалось, что я погибну’ [2].

Говорящий до момента речи (план прошедшего времени) считал, что определенный процесс произойдет в будущем (‘погибнет’). На включенность события в план будущего в прошедшем указывает модальный *ёген 要(yào)* и контекст, модальная частица *了(le)* иллюстрирует возможное изменение ситуации. Согласно рассказчику, процесс «гибели» должен произойти в будущем³. Тем не менее, общее повествование ведется сквозь призму прошлого. *Ёген 以为* (‘ошибочно полагать’) обозначает, что предположение говорящего оказалось неверным (см. также анализ первого предложения).

4. *没想到在这种地方找到了龙泪呢* ‘Я бы не могла и подумать, что мы найдем слезу Двалина в таком месте’ [2].

Говорящая, находясь в прошлом, не смогла предсказать, что в будущем (по отношению к моменту ожидания) они найдут *слезу Двалина* в определенном месте. То есть несмотря на то, что процесс *поиска* относится к будущему («когда они найдут»), рассказчица пыталась оценить событие, которое произошло позже относительно того момента, когда она еще

¹ Дословно: ‘смогу сделать немного культурней’.

² *你以为我需要你？* «Думаешь, мне нужна твоя помощь?» (дословно: ‘думаешь, ты мне нужен?’) [2]

³ *没命了* дословно переводится как ‘лишусь жизни’, т. е. *погибну*.

не знала, что случится. *没想到* ('не могла и подумать'): имеется в виду, что говорящая не ожидала, что описываемый процесс действительно произойдет. *找到了* ('найдем'): полусуффикс 了 (-le) указывает на завершенность процесса, но лишь по контексту определяется то, что он будет совершен в будущем¹. На включенность события в план будущего в прошедшем преимущественно указывает контекст. В частности, *没想到* ('не могла и подумать / кто бы мог подумать') может употребляться только в прошедшем времени, обозначая удивление / изумление по отношению к процессу, который уже был осуществлен.

Процедуральное обозначение будущего времени в прошедшем в китайском языке (создание эффекта будущего времени в прошедшем)

В китайском языке также существует процедуральное представление будущего времени в прошедшем, то есть создание эффекта будущего времени в прошедшем³ (данный временной интервал обозначается комбинацией знаков алфавита синтаксиса китайского языка⁴) [3]. Ниже представлены примеры из электронной версии Большого китайско-русского словаря [2], иллюстрирующие создание эффекта будущего времени в прошедшем в китайском языке, на предмет создания которого проверено 362 предложения.

Был проведен поиск по следующим ключевым фразам: *不能再* bù néng zài ('не быть способным / не иметь возможности снова еще раз' ч-л сделать), *我明白了* wǒ míngbai le ('я понял'), *接手了* jiēshǒule ('взял на себя, то есть начал отвечать за какое-то дело'), *快好了* kuài hǎole ('скоро станет лучше / скоро будет готово'), зафиксировано 32 случая создания эффекта будущего времени в прошедшем.

¹ Точнее в будущем в прошедшем, так как план будущего вплетен в план прошедшего, как и в предыдущих примерах.

² Включает в себя негатор 没 méi, ёген 想 xiǎng (здесь: 'думать') и результативную морфему 到 dào.

³ Временной интервал, переносимый из прошедшего в будущее для облегчения ориентации наблюдателя в пространстве, создаваемый комбинацией знаков алфавита синтаксиса [8].

⁴ Знаки алфавита синтаксиса (ЗАС) – вспомогательные средства синтаксиса, служащие для соединения составных частей языковых структур и образования морфологических парадигм [9].

1. 你不是刚刚才吃过吗，贪吃猫，不能再吃了！‘Ты только что поела, обжора. Больше еды не получишь!’ [2].

Первый процесс (‘поела’) в прошлом предшествует второму (‘больше не получишь’) в будущем. Эффект будущего времени в прошедшем создан комбинацией полусуффикса 过 (guo), знака алфавита синтаксиса 再 (zài) и модальной частицы 了 (le). 过 (guo) обозначает долгий завершённый процесс, знак алфавита синтаксиса 再 – процесс, который больше не будет произведен и поэтому не будет завершён [8]. Модальная частица 了 (le) иллюстрирует изменение ситуации в описываемом событии.

2. 好吧，好吧，我明白了。不搞抢劫穷人的戏码了 ‘Ладно, ладно, я понял. Больше не буду притеснять бедняков’ [2].

Первый процесс (‘понял’) в прошлом предшествует второму (‘не буду притеснять’) в будущем. Эффект будущего времени в прошедшем создан комбинацией полусуффикса 了 (-le), обозначающего завершенность процесса и модальной частицы 了 (le), указывающей на изменение ситуации в описываемом событии.

3. 我们接手了。。。吃点东西，好好休息一下。辛苦了 ‘Дальше мы справимся сами ... Поешь и отдохни немного. Ты это заслужил’ [2].

Первый процесс в прошлом (‘заслужил’) предшествует второму (‘справимся’) в будущем. Эффект будущего времени в прошедшем создан парной комбинацией модальных частиц 了 (le), каждая из которых указывает на изменение ситуации в рассматриваемом событии.

4. 我们的反应炉快好了...，而且我之前就打算向你透露我希望你接手 ‘Наш реактор скоро будет готов ..., а еще я как раз собирался сообщить всем о том, что хочу поручить тебе это дело’ [2]. Первый процесс в прошлом (‘собирался сообщить’) предшествует второму (‘скоро будет готов’) в будущем.

Эффект будущего времени в прошедшем создан комбинацией амплификатора 就 (jiù), обозначающего, что событие планировалось совершить в указанный момент времени, и модальной частицы 了 (le), иллюстрирующей изменение ситуации в описываемом событии.

Обозначение будущего времени в прошедшем в английском языке

В английском языке также существуют синтаксические средства обозначения процессов в будущем относительно момента в прошлом. Future in the Past употребляется, когда говорящий включен в контекст

прошлого и описывает процесс, который должен был произойти в будущем: *Two years ago, I promised I would finish my novel by the end of this year, but I haven't done it yet* – ‘Два года назад я пообещал, что закончу свой роман к концу этого года, но у меня это так и не получилось’. На отнесенность описываемых процессов к прошедшему и будущему времени указывают декларативные формы ёгенов (в первом случае participle 2, а именно, окончание *-ed* в составе ёгена *promised* иллюстрирует завершённый процесс в прошлом, во втором – форма *would* обозначает процесс, который должен был произойти в будущем).

В ходе исследования было подвергнуто анализу 850 предложений (832 – из корпуса современного американского английского языка [14] и 18 – из онлайн-словаря Reverso Context [15]). Обнаружено 248 примеров (239 – из корпуса современного американского английского языка [14], 9 – из онлайн-словаря Reverso Context), иллюстрирующих декларативное обозначение будущего времени в прошедшем в английском языке. Поиск проводился по ключевым выражениям *I promised I would* (‘я обещал, что сделаю’), *it would, told me that* (‘сказал(а) мне это’), *told me that I would* (‘сказал(а), что я ...’), *said that* (‘сказал(а), что ...’), *said that we would* (‘сказал(а), что мы¹...’). Приведем 4 таких предложения с анализом и интерпретацией.

1. *I promised that I would help her* [14] ‘Я обещал, что помогу ей’.

Рассказчик *обещал помочь*, то есть в момент того, как он давал обещание, данный процесс относился к будущему (см. *I will help you!* – ‘Я помогу тебе!’). Тем не менее, окончание *-ed* в составе ёгена *promised* указывает на то, что событие разворачивается в прошлом, то есть разговор произошел *ранее*, до момента речи.

2. *The only reason why your parents stayed married was ... because they thought it would benefit you* [14] ‘Ваши родители оставались в браке потому, что считали, что это принесет вам пользу’.

Два процесса (‘оставались, считали’) в прошлом предшествуют третьему (‘принесет пользу’) в будущем. Судя по контексту, родители *оставались мужем и женой* потому, что считали, что это необходимо для счастливого будущего их детей.

3. *She told me that I would never survive a New York winter* [14] ‘Она сказала мне, что я никогда не переживу зиму в Нью-Йорке’.

Первый процесс (‘сказала’) *в прошлом* предшествует второму (‘не переживу’) *в будущем*. Второй процесс, по мнению говорящего, находящегося в прошлом, не может быть осуществлен.

¹ Осуществим какой-либо процесс.

4. *I said that we would connect the dots ourselves* [15] ‘Я сказал, что мы сами всё как следует оформим’.

Первый процесс (‘сказал’) в прошлом предшествует второму (‘оформим’) в будущем. Говорящий обсуждает процесс *оформления документов*, что он *собирался осуществить* в прошлом, то есть будущее включено в контекст прошлого.

Обозначение будущего времени в прошедшем в русском языке

В русском языке будущее в прошедшем иллюстрируют фразы типа ‘Он понял, что не сможет забыть ее’ [13], в которых план будущего (‘не сможет забыть’) включен в план прошедшего (‘понял’) и др. Такие высказывания принято использовать, когда речь идет о том, что так или иначе обсуждались события, которые должны были произойти в будущем, но воспринимаются как часть прошлого относительно момента речи.

Приведем пример из пособия А. В. Бондарко «Вид и время русского глагола: (Значение и употребление)»: *Мне показалось, что если я побегу, а потом буду карабкаться и вдруг не догоню машину или не сумею в нее забраться, и сорвусь, и упаду в снег, то уж, значит, и не встану*¹ [1, с. 91].

Согласно А. Н. Гордею, существуют и другие декларативные средства обозначения описываемого временного интервала в русском языке, которые планируется более подробно рассмотреть в последующих исследованиях: составное декларативное обозначение будущего в прошедшем², сочетание формы ёгена и частицы³ и др.

На предмет декларативного обозначения будущего времени в прошедшем в русском языке проанализировано 524 предложения, выявлено 487 примеров искомого типа, представлены 4 из них, поиск осуществлялся путем направленной выборки посредством ключевых фраз ‘сказал, что приду’; ‘понял, что не сможет’; ‘обещал, что’ и ‘поверил, что’ и др.

¹ Говорящий предполагает, что если он будет *бегать и карабкаться*, то эти процессы повлекут за собой определенные негативные последствия (он *не догонит машину, сорвется и упадет*). Событие включено в план будущего в прошедшем: несмотря на то, что повествование происходит в прошлом, делаются предположения, о том, что может произойти в будущем, а не описываются фактически произошедшие события.

² *Я пожелал другу, чтобы у него всё было хорошо.*

³ *А не пошел бы ты в баню!*

В представленных ниже предложениях, отобранных из Национального корпуса русского языка [13], синтетические формы указывают как на прошедшее время (суффиксы *-л*), так и на будущее – (окончания *-у, -ет*).

1. *В конце концов я сказал, что приду, и она меня отпустила* [13].

Первый процесс ('сказал') в прошлом предшествует второму ('приду') в будущем. Говорящий, находясь в прошлом, описывает событие, которое собирался осуществить в будущем. *То она рассказывала ей, как он хвалил ее, то как он говорил, что поедет за границу, то что он спрашивал, где они будут жить это лето* [13]. Процессы ('рассказывала', 'хвалил', 'говорил', 'спрашивал') в прошлом предшествует второму ('поедет', 'будут жить') в будущем. Оба говорящих находятся в прошлом и описывают события, которые планировали осуществить в будущем.

2. *Он понял, что не сможет справиться с уже возникшим чувством брезгливости* [13].

Первый процесс ('понял') в прошлом предшествует второму ('не сможет справиться') в будущем. Говорящий описывает процесс, который ему было необходимо осуществить, но это, судя по контексту, оказалось невозможным (см. *Я не смогу справиться!*). Во время осознания рассказчиком невозможности *справиться с брезгливостью* событие относилось к будущему, в момент произнесения высказывания говорящим – к прошедшему.

3. *Он же обещал, что повезет ее ужинать!* [13]

Рассказчица описывает событие, которое, по ее мнению, нужно было осуществить в прошлом, но этого не произошло, по причине чего она высказывает свое недовольство. В тот момент, когда *он давал обещание*, процесс *обещания* относился к будущему (см. *Я обещаю, что повезу тебя ужинать!*). Если брать за точку отсчета момент речи, становится очевидно, что событие произошло в прошлом.

4. *Поверил, что вспомнит, непременно вспомнит имя, как только увидит знакомое лицо* [13].

Поверил – ёген в форме прошедшего времени, указывает на то, что описываемый процесс завершен в прошлом. *Что вспомнит, непременно вспомнит* – будущее время отнесено к прошлому, речь идет о событии, которое в момент произнесения фразы еще не произошло, но ожидалось в будущем (относительно момента высказывания). *Как только увидит знакомое лицо: увидит* – форма будущего времени, но в контексте прошлого (процессы ('вспомнит') и ('увидит') должны были совершиться после того, как описываемый человек *поверил* в то, что он сможет их осуществить).

Таким образом, на предмет декларативного обозначения будущего времени в прошедшем в китайском языке проверено 708 предложений из электронной версии Большого китайско-русского словаря и Лингвистического корпуса китайского языка Пекинского университета языка и культуры (выявлено 20 примеров), на предмет процедурального обозначения данного временного промежутка в китайском языке проанализировано 362 предложения из электронной версии Большого китайско-русского словаря (найдено 32 примера). С целью выявления случаев декларативного обозначения исследуемого временного интервала в английском языке изучено 850 предложений из корпуса современного американского английского языка [14] и онлайн-словаря Reverso Context [15] (обнаружено 248 употреблений). Кроме того, было проведено исследование 524 предложений из Национального корпуса русского языка, в результате чего найдено 487 примеров декларативного обозначения будущего в прошедшем в русском языке.

Исходя из результатов исследования, будущее время в прошедшем так или иначе эксплицируется во всех рассмотренных языках, но является более типичным явлением для русского и английского языков, нежели для китайского. Подчеркнем, что в каждом из них присутствуют собственные специфические средства обозначения названного временного промежутка. Китайский язык располагает декларативными и процедуральными средствами обозначения будущего времени в прошедшем. Декларативно (прямым образом) на данный временной интервал могут указывать модусные ёгены 要/会 (yào / huì) и контекст. Процедуральное представление будущего времени в прошедшем определяется как эффект будущего времени в прошедшем, который создается комбинацией следующих знаков алфавита синтаксиса: полусуффикса 过 (guo), знака алфавита синтаксиса 再 (zài) и модальной частицы 了 (le); двух модальных частиц 了 (le); полусуффикса 了 (-le) и модальной частицы 了 (le), амплификатора 就 (jiù) и модальной частицы 了 (le) и др. В английском и русском языках присутствует лишь декларативное обозначение будущего времени в прошедшем морфологическими формами ёгенов и т. д.

Следует также отметить следующее: поскольку было выявлено, что в таких антитетических языках, как китайский, английский и русский, существует обозначение исследуемого временного интервала, можно с высокой долей вероятности утверждать, что будущее в прошедшем является языковой универсалией. Следовательно, данное исследование вносит определенный вклад не только в развитие комбинаторной семантики, теории языка и лингвистики в целом, но и уточняет некоторые теоретические положения, принятые в типологии языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бондарко, А. В.* Вид и время русского глагола / А. В. Бондарко. – Москва : Наука, 1986. – 223 с.
2. 大 БКРС = Большой китайско-русский словарь. – URL : <https://bkrs.info> (дата обращения: 09.11.2024).
3. *Гибкий, П. В.* Создание эффекта будущего времени в прошедшем в китайском языке / П. В. Гибкий // Материалы IV Международной научно-практической конференции «Проблемы современного востоковедения», 25–26 июня 2024 г., г. Минск, Респ. Беларусь / Белорус. гос. ун-т; редкол.: В. Р. Боровой (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2024. – С. 246–250.
4. *Гордей, А. Н.* Вновь о семантическом подходе к обработке данных на естественном языке / А. Н. Гордей // Иностранные языки в высшей школе / Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина. – Рязань : Редакц.-изд. центр РГУ им. С. А. Есенина, 2023. – Вып. 3 (66). – С. 5–18.
5. *Гордей, А. Н.* О декларативном и процедуральном представлении знаний / А. Н. Гордей // Иностранные языки в высшей школе / Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина. – Рязань : Редакц.-изд. центр РГУ им. С. А. Есенина, 2021. – Вып. 3(58). – С. 5–12.
6. *Гордей, А. Н.* Основания комбинаторной семантики / А. Н. Гордей // Слово и словарь = Vocabulum et vocabularium: сб. науч. тр. по лексикографии / отв. ред. Л. В. Рычкова [и др.]. – Гродно: ГрГУ, 2005. – С. 32–35.
7. *Гордей, А. Н.* Принципы исчисления семантики предметных областей / А. Н. Гордей. – Минск : Белгосуниверситет, 1998. – 156 с.
8. *Гордей, А. Н.* Теоретическая грамматика восточных языков: лекционный курс / А. Н. Гордей. – Минск, 2007. – 1 эл. опт диск (CD-ROM).
9. *Гордей, А. Н.* Части языка и члены предложения / А. Н. Гордей // Тезисы докладов Международной научной конференции «Семантический потенциал языковых единиц и его реализация», 20–21 октября 2021 г., г. Минск, Респ. Беларусь / Минский государственный лингвистический университет ; редкол.: Л. М. Лещёва (отв. ред.), Е. Г. Задворная, З. А. Харитончик. – Минск, 2021. – С. 9–11.

10. Гордей, Е. А. Парадигма модусных ёгенов в китайском языке / Е. А. Гордей // Вестник Минского государственного лингвистического университета. Серия 1: Филология. – 2019. – № 2(99). – С. 7–13.
11. Грицанов, А. А. История философии : энциклопедия / А. А. Грицанов. – Минск : Интерпрессервис : Книжный Дом, 2002. – 1376 с. – URL: <http://velikanov.ru/philosophy/> (дата обращения: 10.02.2025)
12. Кимелев, Ю. А. Современная философская онтология: Аналит. обзор / Ю. А. Кимелев. – Москва : Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2015. – 100 с. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-filosofskaya-ontologiya> (дата обращения: 10.02.2025).
13. Национальный корпус русского языка. – URL: <http://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 08.11.2024).
14. Davies, M. Corpus of Contemporary American English (COCA) / M. Davies. – 2008. – URL: <https://www.english-corpora.org/coca/> (дата обращения: 08.11.2024).
15. Reverso Context: поисковая система для переводов в контексте. – URL: <https://context.reverso.net/перевод/> (дата обращения: 08.11.2024).
16. BCC 语料库. – URL: <http://bcc.blcu.edu.cn.> (дата обращения: 05.11.2024).

Поступила в редакцию 23.12.2024

УДК 81'42(045)

Задворная Елена Геннадиевна

доктор филологических наук,
профессор, профессор кафедры
теоретической и прикладной лингвистики
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Alena Zadvornaya

Habilitated Doctor of Philology,
Professor, Professor of the Department
of Theoretical and Applied Linguistics
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
egz0201@gmail.com

КОММУНИКАТИВНЫЙ ГЕДОНИЗМ В ДИАЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: СУБЪЕКТНЫЕ И АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

COMMUNICATIVE HEDONISM IN DIALOGIC DISCOURSE: SUBJECT AND AXIOLOGICAL CHARACTERISTICS

В статье рассматривается феномен коммуникативного гедонизма и анализируются его субъектные и аксиологические характеристики. Выделяется ряд разновидностей коммуникативного гедонизма (реципрокный, эгоцентрический, альтруистический и др.), которые дифференцируются на основании таких критериев, как коммуникативная роль субъекта (говорящий или слушающий) и типы реализованной в коммуникативной ситуации оценочных значений.

Ключевые слова: *коммуникативный гедонизм; коммуникативная ситуация; коммуникативное поведение; говорящий; слушающий; позитивная оценка, негативная оценка.*

The article examines the phenomenon of communicative hedonism and analyzes its subject and axiological characteristics. A number of varieties of communicative hedonism (reciprocal, egocentric, altruistic and others) are singled out according to such criteria as communicative role of the subject (the speaker and listener) and the types of evaluative meanings realized in the communicative situation.

Key words: *communicative hedonism; communicative situation; communicative behavior; speaker; listener; positive evaluation; negative evaluation.*

Коммуникативный гедонизм принадлежит к числу относительно малоизученных прагматических феноменов: проблемы определения его природы, статуса, границ и т. д. остаются пока, по сути, лишь намеченными.

С одной стороны, коммуникативный гедонизм (далее – КГ) закономерно связывается с удовольствием от общения ради общения; см., в частности, интересную и содержательную работу Н. А. Кубраковой, в которой феномен гедонизма, рассматриваемый на материале интернет-чатов, понимается как «эмоционально-стилевой формат общения, характеризующийся направленностью на получение удовольствия от общения и готовностью участников такого общения соответствующим образом моделировать свое коммуникативное поведение и интерпретировать коммуникативное поведение партнера в том же ключе» [1, с. 4]. Анализируя речевое поведение субъектов избранной дискурсивной практики, автор работы убедительно демонстрирует взаимосвязь КГ с фатическими и игровыми (людскими) интенциями коммуникантов.

При этом понятно, что ориентированность на использование различных типов и форм языковой игры представляет собой относительно небольшую часть общего интенционального комплекса, связанного с феноменом КГ. Не менее очевидно и то, что некоторые формы общения ради общения в силу таких свойств, как клишированность, ритуальность, формальность, редуцированность содержательной и / или эмоциональной составляющей, возможная неискренность и т. п., способны вызывать не удовольствие, а равнодушие, скуку и даже резкое неприятие, ср. показательный фрагмент:

(1) *В этом «кругу» форма всегда ценилась дороже и выше содержания: за нею ревниво следили, ее пестовали, ею гордились. И мучительная ложь Аверьяна Леонидовича, ложь, которой он внутренне стыдился, воспринималась как милая и вполне естественная светская болтовня. И, кое-как справившись со стыдом и первым волнением, Беневоленский понял и принял предложенный тон разговора <...>. И он начал **ненавидимую и презираемую им светскую болтовню**, полную недомолвок, пошлой двусмысленности, намеков, грошового остроумия и фривольной игривости, внутренне благодаря судьбу, что Машенька не слышит этого мутного потока лжи* (Борис Васильев. Были и небыли. Книга 1, 1988) [2].

С другой стороны, естественно рассматривать понятие гедонизма, апеллируя к эстетической (поэтической, художественной) функции языка: понятно, что звучное слово, изящная формулировка, элегантно выстроенная стилистическая конструкция, изысканная риторическая фигура и т. д. заставляют слушателя (а возможно, и говорящего) испытывать удовольствие в силу того, что они красивы, причем эта красота может быть свойственна целому художественному произведению (в связи с чем невозможно не упомянуть классическую работу Р. Барта «Удовольствие от текста» [3]) и, более того, интерпретироваться применительно к языку

в целом (ср. блестящий анализ сущности, а также онто- и филогенеза эстетического отношения к языку в работе Н. Б. Мечковской [4]). При этом опять-таки понятно, что удовольствие / наслаждение реципиент может испытывать не только в силу совершенства формы сообщения (с которой, собственно, и связывал поэтическую (эстетическую) функцию языка Р. Якобсон [5]), но и в силу иных его качеств, а также иных характеристик коммуникативной ситуации.

Таким образом, апелляции к реализации конкретных функций языка (фатической, эстетической, людической), а также к тем или иным жанрово-дискурсивным форматам общения (художественному дискурсу или праздноречевым жанрам интернет-коммуникации), раскрывая важные грани КГ, не исчерпывают всего богатства и всей сложности обсуждаемого феномена, что делает интересным и полезным его изучение на ином материале и в иных ракурсах.

В настоящей работе мы обратимся к рассмотрению контекстов диалогического характера и нарративных контекстов, интерпретирующих диалогическое взаимодействие, в которых проявления гедонизма получают эксплицитную фиксацию при помощи лексических единиц *удовольствие, наслаждение/наслаждаться*, а также конструкций типа *нравится говорить/слушать*, что позволяет избежать весьма вероятного при анализе обсуждаемого феномена субъективизма. Всего из Национального корпуса русского языка [2] было отобрано около 300 контекстов, анализ которых позволяет выделить характеристики гедонизма, связанные с различными факторами прагматического контекста и различными компонентами соответствующих коммуникативных ситуаций.

Так, исследуемые контексты различаются по таким характеристикам, как:

- обобщенность – ситуативность¹;
- явный – скрытый характер;
- разновидность стимула, порождающего соответствующий эффект;
- намеренность – случайность эффекта и др. (подробнее см. [6]).

При этом одним из важнейших аспектов изучения КГ является его аксиологическая аранжировка: если на первый взгляд представляется очевидным, что удовольствие может быть исключительно позитивно

¹ Строго говоря, термин «гедонизм» правомерно использовать только применительно к ситуациям обобщенного типа; в то же время дифференциация контекстов, в которых представлено устойчивое стремление / умение / потребность получать удовольствие от общения, с одной стороны, и единичный, чисто ситуативный эффект удовольствия от коммуникации, с другой, является (с учетом того, что ситуативный эффект может быть проявлением общей установки) весьма непростой задачей, решение которой не входит в цели настоящей работы.

маркированным феноменом, то более тщательный анализ показывает, что соответствующие контексты способны реализовать достаточно широкий диапазон оценочных значений. Во-первых, это связано с допустимостью включения в эмоциональное состояние удовольствия специфических негативно-оценочных обертонов, ср.:

(2) *Уйти рано будет невежливо, как и вообще уйти, и нужно будет говорить, смеяться, да и будет в этом какое-то **тягучее, муторное удовольствие для обоих**. <...> Ведь никогда не знаешь, когда придется сесть за столик кафе, всего лишь спросив: «Ну как ты?..» (Анастасия Цветкова. В будущем времени // «Сибирские огни», 2012) [2], во-вторых – что, на наш взгляд, более существенно, – с возможной рассогласованностью эмоционально-оценочного отношения к ситуации ее участников, т. е. говорящего и слушающего.*

Самый простой вариант соотношения оценочных и субъективных характеристик представлен в случаях реципрокного (взаимного, обоюдного) гедонизма. В таких ситуациях удовольствие от общения, которое получают оба собеседника, обусловлено не только и не столько конкретными интенциональными, содержательными и пр. особенностями диалога, сколько гармоничностью, сбалансированностью и симметричностью речевых действий коммуникативных партнеров; иными словами, это удовольствие от того, что собеседники говорят на одном языке, имеют сходные интеллектуальные интересы, общие нравственные установки и т. д. и поэтому хорошо понимают друг друга, ср.:

(3) – *Оттого и **доставляет мне огромное удовольствие беседа с вами, что полна взаимопонимания*** (Анатолий Салуцкий. Немой набат // «Москва», 2019) [2];

(4) *Наша любовь с Даниэлями была легкой, необязательной и, главное, взаимной. Мы делились с ними своими бедами и достижениями, мы встречались весело и бескорыстно, **наслаждаясь сходством интересов и пониманием с полуслова*** (Нина Воронель. Без прикрас. Воспоминания, 1975–2003) [2].

Ситуации реципрокного КГ не исключают возможности использования речевых действий негативно-оценочного характера типа обмена шпильками / колкостями:

(5) *Маслов и Сорокин заняли столик у маленькой сцены. Освещаемые колеблющимся дымным светом свечей, они пили скверное вино, спорили о поэзии, **осыпали друг друга колкостями** и, как никто здесь, нуждались друг в друге* (А. И. Алдан-Семенов. Красные и белые, 1966-1973) [2].

Важно отметить, что использование подобных коммуникативных ходов не способно вытеснить соответствующие контексты из области позитивно-оценочных смыслов: во-первых, их негативно-оценочный

характер в определенной степени нейтрализуется взаимностью реализуемых коммуникативных интенций, во-вторых, этот тип речевого взаимодействия нередко (хотя и не всегда) носит характер интеллектуальной игры (о негативно-оценочных смыслах обмена колкостями и об их игровых вариантах см. подробнее [7]).

Гораздо более сложная картина наблюдается в случаях, когда удовольствие от общения испытывает только одна сторона коммуникативного процесса – либо говорящий, либо слушающий.

В контекстах, в которых удовольствие испытывает говорящий, важную роль играет рефлексивность / нерефлексивность соответствующего состояния, т. е. его направленность на самого себя либо на собеседника.

Первый вариант может быть интерпретирован как КГ эгоцентрического типа, предполагающий, что говорящий испытывает удовольствие, стимулированное практически любыми характеристиками **собственной** речи. Данный класс контекстов, в свою очередь, отличается внутренней неоднородностью, обусловленной разнообразием триггеров, стимулирующих эффект КГ, – от перцептивно-эстетического удовольствия, вызванного артикуляционно-акустическими качествами речи, до морального удовлетворения от совершения достойного в этическом отношении речевого поступка, – и соответственно разнообразием частнооценочных значений (перцептивных, эстетических, этических):

(6) *...но тут Корин гортанно захохотал, потому что ему явно нравилось говорить самому, и гортань его получала удовольствие от бурленья, клокотанья и рокотания голоса* (Захар Прилепин. Лес, (2010) [2];

(7) – *Ах, какая чудная бонбоньерка! – сказала она, видимо, наслаждаясь не только вещью, но и ее названием.* – Просто прелесть! (М. А. Алданов. Истоки. Части 1–8, (1942–1946) [2] (в данном случае представлен выразительный пример метонимического совмещения оценки объекта и его названия, которое Н. Б. Мечковская интерпретирует как «квази-метаязыковую оценку» [4, с. 359];

(8) *Полине нравилось говорить о себе – она так долго жила в полном одиночестве, что сам факт замужества, то, что теперь за ней официально закреплен близкий человек, развязал ей язык и выбил из нее некоторые детали ее биографии и душевной жизни, как будто пробку из бутылки* (Е. В. Колина. Дневник измены 2011) [2];

(9) *Не скрою, мне доставляет удовольствие перечислять фамилии людей, которые выступили в поддержку кандидатуры Тимофеева* (Даниил Гранин. Зубр, 1987) [2].

При всех очевидных различиях коммуникативного поведения говорящего (от коммуникативного нарциссизма до проявления высоких морально-этических качеств) приведенные контексты объединяет сосредоточенность адресанта на собственных действиях и несущественность (опять-таки для адресанта) впечатлений, мнений и оценок адресата, которые также могут варьироваться в весьма широких пределах от ироничного отношения к самолюбованию собеседника до индифферентного или даже эмпатийного отношения к его речевым действиям.

Второй вариант, напротив, демонстрирует альтруистический тип коммуникативного поведения: в таких контекстах говорящий испытывает удовольствие в силу того, что осуществляемое им коммуникативное действие позитивно (полезно, релевантно) для адресата: говорящий выбирает интересную для собеседника тему, сообщает важную для адресата информацию, помогает слушающему нечто понять, узнать, осмыслить и т. п.:

*(10) Я уже почувствовал к этому вкус, тем более что мне **нравилось рассказывать** людям, делиться с ними тем, что я сам узнал, увидел...Надо признаться, что на мои выступления люди шли **с удовольствием**, поскольку тема была по тогдашним временам действительно необычная – до нас на папирусных лодках никто не пытался пересекать Атлантику, да еще в таком многонациональном составе (Юрий Сенкевич. Путешествие длиною в жизнь, 1999) [2].*

На первый взгляд контексты КГ альтруистического типа обнаруживают сходство с реципрокным вариантом КГ, но все же эти разновидности не идентичны: если в случае взаимного удовольствия от общения оба собеседника проявляют коммуникативную активность и демонстрируют паритетное владение коммуникативной инициативой, то в альтруистическом варианте субъект КГ занимает доминирующую позицию, в то время как роль адресата является пассивной.

Наконец, третий вариант представлен в ситуациях эмоционально-оценочного диссонанса между состояниями говорящего и слушающего и предполагает, что говорящий получает удовольствие, каузируя негативное эмоциональное и / или ментальное состояние адресата. Диапазон таких негативных состояний весьма широк: от легкого смущения, растерянности, неловкости, недоумения, непонимания до глубокой обиды, чувства оскорбленности, униженности и под.

В круге контекстов данного типа важно различать две разновидности.

В первом случае говорящий сознательно, расчетливо и целенаправленно предпринимает речевые действия, ставящие собеседника в уязвимое, неприятное, тяжелое положение (наиболее жесткие проявления такого типа коммуникативного поведения Н. А. Кубракова не без оснований называет «коммуникативным садизмом» [1, с. 14]):

(11) *Там, за самоваром, совершенно неожиданно для себя, я вдруг озлобленно и жестоко, наслаждаясь этим озлоблением, как местью, стал говорить, придравшись к какому-то пустяку, которого не помнил уже в середине разговора:*

– ... Не может быть два человека в плоть едину, это невозможно... Любовь приходит, и любовь уходит, как все, а нет конца желанию жить... А что они родят вместе ребенка, так это еще ничего не значит... (М. П. Арцыбашев. Жена, 1905) [2];

(12) *Он пришел с цветами, а мне хотелось мстить, кусать, наказывать за долгое двухлетнее молчание. И я весь вечер делала это с упоением. Самая большая страсть – это власть. И я наслаждалась ею в полной мере и видела, как его корежит от моих колкостей и издевательств* (Лидия Иванова. Искренне ваша грешница, 2000) [2].

Во втором случае говорящий не стремится нанести адресату какой-либо вред, но, когда оказывается, что его речевые действия уязвили, обидели, поставили собеседника в тупик, говорящий с удовольствием наблюдает за беспомощностью, растерянностью, смущением адресата, получая незапланированные, но приятные коммуникативные «бонусы»:

(13) *Лучше всего было немедленно извиниться и уйти, но Крылов продолжал стоять, все более смущаясь, и чем дольше он стоял, тем невозможнее становилось уйти. – Забыл вас поздравить. – Агатов помолчал, наслаждаясь его беспомощностью. – Как это вам удалось обработать старика? – Понятия не имею... уверяю вас... – пробормотал Крылов, еще сильнее смущаясь* (Даниил Гранин. Иду на грозу, 1962) [2];

(14) – Муж?! Странно. У нас иные сведения, – удивился мужчина.

– Сведения имеют свойство устаревать, – сказал я, **испытывая удовольствие от его растерянности** (Аркадий Мацанов. Бабник // «Ковчег», 2012) [2].

Ситуации, где в роли субъекта КГ выступает слушающий, включают две основные разновидности. Во-первых, это класс контекстов, в которых слушающий испытывает удовольствие от каких-либо аспектов речи собеседника-говорящего, причем в качестве объектов такой оценки выступает не менее широкий круг стимулов, чем и в случае с КГ эгоцентрического типа (за исключением, разумеется, артикуляционных характеристик речи):

(15) *Женщина чувствовала горьковатый запах туалетной воды, которой пользовался ее спутник. Ей **нравилось слушать** его тихий напряженный голос, его недосказанные многозначительные фразы...* (Александра Маринина. Стечение обстоятельств, 1992) [2];

(16) *Мне всегда очень **нравилось слушать** о том, как папа вернулся с войны в новом кителе и галифе, и за ним ходили толпы восхищенных мальчишек* (Елена Пашина. «Ба! Знакомые все лица!», 2002) // «Дело». Самара, 27.03.2002) [2].

Во-вторых, это ситуации аксиологического рассогласования, когда слушающий получает удовольствие, наблюдая за тем, как говорящий испытывает определенные коммуникативные затруднения: путается, неумело лжет, не может подобрать нужных слов и т. д.; подчеркнем, что данная разновидность КГ отличается от случаев, представленных в контекстах (11)–(14), тем, что коммуникативные проблемы собеседника не спровоцированы речевыми действиями субъекта КГ:

(17) – *...И вообще, я сто лет ни с кем не спала. В смысле... спала... то есть не спала... – она смутилась, – ну, то есть когда ложишься и спишь до утра.*

Он слушал с интересом. Она смутилась еще больше, вскочила и пошла к барной стойке, где в кофеварке булькал кофе (Татьяна Устинова. Персональный ангел, 2002) [2];

(18) *Мне не хотелось ее перебивать, и все же, мгновенно положив на одну чашу весов ее справедливое неудовольствие, а на другую – удовольствие вникать в ее путаные и наверняка фальшивые разъяснения, я приложил руку к груди и воскликнул...* (Андрей Волос. Недвижимость, 2000 // «Новый Мир», 2001) [2].

Таким образом, коммуникативные ситуации, в которых реализован феномен гедонизма, демонстрируют впечатляющую вариативность, сложность и нетривиальность воплощения эмоционально-оценочных смыслов и этических норм диалогического взаимодействия, которое, по меткому выражению Б. А. Гаспарова, представляет собой «броуновское движение бесконечных сближений и удалений, соприкосновений, конфронтаций, влияний, разрывов, взаимных адаптаций и коррекций» [8, с. 16]. Отраженное в анализируемых ситуациях переплетение принятия и отторжения, сближения и дистанцирования, эмпатии и противостояния позволяет рассматривать их как важный объект анализа, заслуживающий дальнейшего всестороннего изучения в рамках как лингвистической прагматики, так и других областей лингвистического знания (лингвистической аксиологии, лингвоэкологии, лингвокультурологии и др.).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кубракова, Н. А.* Коммуникативный гедонизм в жанре *чат* интернет-коммуникации : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Кубракова Наталья Алексеевна. – Саратов, 2013. – 19 с.
2. Национальный корпус русского языка. – URL: [https:// ruscorpora.ru](https://ruscorpora.ru) (дата обращения : 08.11.2024).
3. *Барт, Р.* Удовольствие от текста / Р. Барт // Избранные работы : Семиотика: Поэтика : пер. с фр. / Р. Барт ; сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. – М. : Прогресс, 1985. – С. 462–518.
4. *Мечковская, Н. Б.* Эстетические оценки языка и речи: генезис, диапазон, тенденции / Н. Б. Мечковская // Логический анализ языка. Языки эстетики: Концептуальные поля прекрасного и безобразного / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М. : Индрик, 2004. – С. 355–368.
5. *Якобсон, Р. О.* Лингвистика и поэтика / Р. О. Якобсон // Структурализм: «за» и «против» : сб. ст. – М. : Прогресс, 1975. – С. 193–230.
6. *Задворная, Е. Г.* Удовольствие от общения, или коммуникативный гедонизм: основные параметры анализа / Е. Г. Задворная // Лингвистика, лингводидактика, лингвокультурология: актуальные вопросы и перспективы развития : материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 19–20 марта 2024 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: Н. А. Куркович (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2024. – С. 12– 16. - 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
7. *Бушуева, Л. А.* Колкость как речевой поступок / Л. А. Бушуева // Известия Саратов. ун-та. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. – 2023. – Т. 23, вып. 4. – С. 329–334. – URL : <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-4-329-334>
8. *Гаспаров, Б. М.* Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования / Б. М. Гаспаров. – М. : Новое лит. обозрение, 1996. – 352 с.

Поступила в редакцию 10.12.2024

Лавицкий Антон Алексеевич

кандидат филологических наук,
доцент, заведующий кафедрой
правоведения и социально-
гуманитарных дисциплин
Витебский филиал
Международного университета
«МИТСО»
г. Витебск, Беларусь

Anton Lavitski

PhD in Philology, Associate Professor,
Head of the Department of Law, Social and
Humanitarian Discipline
Vitebsk Branch of the International
University «MITSO»
Vitebsk, Belarus
anton_lavitski@mail.ru

НАУЧНЫЙ АППАРАТ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТОЛОГИИ

SCIENTIFIC APPARATUS OF MODERN LINGUISTIC EXAMINATION

В статье критическому анализу подвергаются подходы к пониманию научного аппарата современной лингвистической экспертологии. В частности, рассматриваются такие метакатегории, как объект, предмет, цель и задачи. Обосновывается необходимость их понимания в аспекте дуальной сущности лингвистической экспертизы, то есть как интеграционного исследовательского направления и криминалистической процедуры, изучающих конфликтогенный текст с целью идентификации признаков вербального преступления или обстоятельств расследуемого дела. Предлагаются авторские формулировки указанных метаданных.

К л ю ч е в ы е с л о в а: юрислингвистика; лингвистическая экспертиза; вербальное преступление; конфликтогенный текст; речевой след; криминалистика.

The article critically analyzes approaches to understanding the scientific apparatus of modern linguistic examination. In particular, meta-categories such as object, subject, goal and tasks are considered. The necessity of their understanding in the aspect of the dual essence of linguistic expertise is substantiated, that is, as an integrative research direction and a forensic procedure that studies a conflictogenic text in order to identify signs of a verbal crime or the circumstances of the case under investigation. The author's formulations of the specified metadata are proposed.

Key words: legal linguistics; linguistic examination; verbal crime; conflictogenic text; speech trace; criminology.

Современная лингвистическая экспертология (СЭЛ) считается относительно молодым исследовательским направлением. Однако наличие внушительного количества теоретических трудов, касающихся этой сферы, и богатого практического опыта позволили в достаточной мере сформировать научный аппарат, в частности метаданные, формализующие лингво-экспертологию как самостоятельную подотрасль правовой лингвистики.

К метаданным в этом случае мы относим научные категории объекта, предмета, цель, комплекс задач, понятийный тезаурус и методы исследования. Два последних аспекта не будут рассмотрены в данной статье, так как уже аналитически описаны нами в ряде работ.

Подходы ученых к концептуальному пониманию метаданных лингвистической экспертологии имеют некоторые отличия, разнятся, как следствие, и их формулировки. Это обусловлено в первую очередь дуализмом лингвистической экспертизы: одни специалисты пытаются таким образом приблизить ее к юридической сфере, другие указывают на необходимость осмысления лингвоэкспертной деятельности в исследовательской парадигме языкознания. Полагаем, что следует выделить еще и третий подход, в рамках которого предпринимаются попытки уравновесить две предыдущие позиции, представив изучаемые метаданные как уникальные и эксплицирующие в себе лингвистическое и криминалистическое начало.

Такое расхождение в подходах очевидно прослеживается при определении объекта лингвистической экспертизы текста. Хотя, думается, это и не является фатальным для всей отрасли, однако в определенной мере сдерживает дальнейшее укрепление ее позиций и как научного знания, и как прикладного направления.

Имплицитно указывая на подчинительные отношения судебной лингвистической экспертологии криминалистической отрасли, отдельные специалисты выдвигают предложение рассматривать в качестве ее объекта *речевые следы*, которые «содержат криминогенную речевую агрессию» [1, с. 133]. В современных реалиях актуальность подхода обосновывается активной дигитализацией деструктивной коммуникации, для криминалистической идентификации которой используется понятие цифрового следа. «Речевой след» же предлагается использовать по отношению к содержанию деструктивной информации [1, с. 131]. Однако категория речевого следа имеет больше метафорического, нежели научного: в словарях и справочниках такое понятие отсутствует. Кроме того, цифровой след рассматривается в современной экспертологии как «криминалистически значимая компьютерная информация о событиях или действиях ...» [2, с. 35]. Иными словами, категория цифрового следа относится к роду компьютерно-технических судебно-экспертных исследований.

Интересным в аспекте изучаемой проблемы видится подход Государственного комитета судебных экспертиз (ГКСЭ), который определяет в качестве *объекта* лингвистической экспертизы *информационные мате-*

риалы и речевые коммуникации [3]. Первый из обозначенных объектов дает отсылку к криминалистической области. Понятие же *речевые коммуникации*, по-видимому, используется для акцента на языковом компоненте лингвистической экспертизы. Суммируя взгляды ученых на речевую коммуникацию, можно заключить, что это комплексное явление включает не только текст как средство общения, но и ситуацию, прагматику взаимодействия, характеристики коммуникантов и т. д. [4, с. 50]. Следовательно, рассматривая речевые коммуникации как объект лингвистической экспертизы, ГКСЭ логично полагает невозможным упускать в процессе проведения специальных исследований ряда значимых экстралингвистических характеристик речевой деятельности.

И все же предложенная ГКСЭ позиция, по нашему мнению, не является компромиссной, то есть способной воплотить дуализм лингвистической экспертологии. Во-первых, наличие двух исследовательских объектов, представленных как равнозначные, но в то же время обособленные друг от друга, лишает единства понимания лингвистической экспертизы как оформившейся научной подотрасли. Во-вторых, информационные материалы фактически являются речевой коммуникацией, так как содержат все указанные выше характеристики (наличие текста, адресата, адресанта, ситуацию взаимодействия и т.д.).

В одной из распространенных трактовок лингвистической экспертизы указывается, что она являет собой «процессуально регламентированное исследование устного высказывания, речевого оборота, письменного текста...» [5, с. 133]. Таким образом, правовая сторона экспертизы закрепляется через ее процессуальный характер, а лингвистическая – через объекты исследования (устное высказывание, речевой оборот, письменный текст). Однако последнее очевидно не приемлемо для эксперта, так как не соответствует терминологическому аппарату языкознания (речевой оборот не зафиксирован как понятийная единица), а равно не отвечает и принципам целостности исследовательского объекта (устное высказывание не всегда равно тексту). По этой же причине неудачной следует признать и следующее определение объекта лингвистической экспертизы: «единицы языка и речи, устные, письменные, электронные тексты, зафиксированные на любом материальном носителе» [6, с. 8].

Наиболее распространенным является подход, в котором актуализируется языковая основа лингвистической экспертизы: в качестве ее объекта называют продукты речевой деятельности [7, с. 80–81]. Такое понимание объекта лингвистической экспертизы нельзя назвать оптимальным в научном плане. Действительно, высказывания «экспертиза продуктов речевой деятельности», «судебное исследование продуктов

речевой деятельности» и т.д. повсеместно распространены, однако, как правило, «речевая деятельность» используется как контекстуальный синоним понятия текста. Здесь следует уточнить, что объект лингвистической экспертизы должен отвечать принципам смысловой цельности. Не всякий продукт речевой деятельности (например, звук) соответствует этому требованию, в отличие от текста, который являет собой «результат говорения или письма, <...> обладает <...> относительной законченностью, связностью...» [8, с. 339]. Таким образом, мы считаем наиболее верным рассматривать в качестве объекта лингвистической экспертизы текст.

Актуальным видится конкретизация типологии текста, направляемого для исследования. В экспертной практике сложилось два подхода. Приверженцы первого не дают терминологической номинации тексту, который изучает специалист, акцентируя внимание на отсутствии требований к его жанровой принадлежности и форме реализации (устные, письменные [9, с. 66]). Согласно второму подходу, изучаемый на экспертном уровне текст принято рассматривать как особую понятийную единицу. С этой целью чаще всего используется термин «спорный текст» (см., например, материалы, внесенные ГКСЭ в Реестр методических материалов в сфере судебно-экспертной деятельности). Но очевидно, что такой подход не лучшим образом эксплицирует юридический компонент понятия, ведь не каждый спор является предметом правового разбирательства.

В режиме синонимической замены ученые также оперируют номинацией «конфликтный текст». Это понятие активно используют А. Н. Баранов, К. И. Бринёв, Г. Г. Слышкин и др. В теории экспертологии отсутствует и общеупотребительная трактовка понятия конфликтного текста. Фактически эта категория понимается широко как источник коммуникативного конфликта [10, с. 64].

Как полный синоним понятия спорного и конфликтного текста в теории лингвоправовых исследований, а также в практике экспертной работы используется и термин «конфликтногенный текст». С нашей точки зрения, именно он является более предпочтительным для лингвоправовой сферы в целом и определения объекта лингвистической экспертизы в частности. Наша позиция обусловлена тем фактом, что словообразовательный компонент *-генный* (лат. *genos* 'связанный с происхождением') напрямую эксплицирует значение «порождающий конфликт» [11, с. 140]. Это соотносится с прикладным пониманием СЛЭ, ориентированной на изучение конкретного языкового материала. Понятие конфликтного текста

представляется более широким, так как может включать и тексты, спровоцировавшие конфликт и продуцируемые во время его и даже создаваемые вне конфликтной ситуации [12, с. 103].

Под конфликтогенным текстом как объектом лингвистической экспертизы нами понимается текст, в содержании которого потенциально содержатся признаки или сведения об обстоятельствах нарушения действующего законодательства (признаки или обстоятельства преступления). С юридической точки зрения каждый конфликтогенный текст является и предметом конкретного правового разбирательства, и источником доказательств по нему.

Предложенное определение дает прямую отсылку к еще одной важной метакатегории лингвистической экспертизы – ее *предмету*, в качестве которого мы предлагаем понимать *лингвистические признаки несоответствия содержания конфликтогенного текста правовым нормам или криминалистически значимые сведения об обстоятельствах преступления*. В научной и научно-методической литературе этому аспекту специалисты крайне редко уделяют внимание. В отдельных изданиях его определяют как «установление фактов и обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу, посредством разрешения вопросов, требующих специальных знаний в области лингвистики» [6, с. 8]. Такой подход не согласовывается с принципом юридической истины, по которому только суд может решить, является ли доказываемое фактом.

Более последовательной видится формулировка предмета лингвистической экспертизы, предлагаемая ГКСЭ: «Установление смыслового содержания текста, выявление содержащейся в тексте криминалистически значимой информации» [3]. В целом такое понимание рассматриваемой метакатегории соответствует фактической экспертной работе, но является неудачным с позиции теории терминологии, так как отражает исследовательский предмет как деятельность (установление, выявление).

Обращение к предмету исследовательского внимания лингвистической экспертологии заставляет нас далее сосредоточиться на ее цели. Рассматривая лингвоэкспертную работу в первую очередь как прикладное направление, ученые и специалисты-практики зачастую вообще не выделяют ее цель, детализируя содержание экспертной деятельности в решаемых задачах. Отдельные авторы предлагают приближенное к процессуальным аспектам, но отвлеченное от метаисследовательского поля понимание цели судебной экспертизы текста, например, «обеспечение адекватного судебного решения...» [13, с. 69]. Очевидно, что такой подход не соотносится с предметом лингвистической экспертизы и не позволяет полноценно выделить комплекс задач, воплощающих цель.

Отталкиваясь от обобщенного прикладного понимания лингво-экспертной работы – «установлении смыслового содержания текста» [14, с. 179], цель специального исследования конфликтогенного текста в научной литературе рассматривается как «определение соответствия (несоответствия) устных или письменных выражений нормам права» [15, с. 239].

В целом соглашаясь с представленными определениями, мы предлагаем схожую, но более широкую формулировку цели лингвистической экспертизы: *выявление наличия в конфликтогенном тексте лингвистических признаков несоответствия содержания конфликтогенного текста правовым нормам или криминалистически значимых сведений об обстоятельствах преступления.*

Разработанное нами определение видится оптимальным с точки зрения его соответствия исследовательскому предмету, а также корреляции с комплексом теоретических и прикладных задач лингво-экспертологии, система которых чаще всего оформляется автором в соответствии с собственным видением объекта, предмета и цели специального исследования. Перечень лингвоэкспертных задач не является закрытым и может пополняться по мере расширения компетентностных возможностей юрислингвистической подотрасли.

Анализ источников показывает, что здесь можно выделить два подхода. Согласно первому, авторы только отражают перечень типовых исследовательских задач лингвистической экспертологии [6, с. 9]. При описании комплекса задач представители второго подхода ориентируются на традиции криминалистики, где их принято группировать по функциональному признаку. Однако полифония имеющихся мнений и подходов не позволяет декларировать наличие унифицированной классификации экспертных задач. В общей теории криминалистики выделяют следующие задачи экспертизы (см., например, [16, с. 53]):

- общие (решение вопросов организации и проведения специального исследования);
- специальные/типичные (задачи, решаемые в отношении отдельных объектов);
- конкретные (задачи, относящиеся к конкретному виду экспертного исследования или поставленные для разрешения на конкретном этапе расследования (временные, по Р. С. Белкину).

Общие (фундаментальные) задачи судебно-экспертной работы лингвиста актуализованы на теоретическом уровне и включают описание и верификацию методологического исследовательского инструментария, вопросы нормализации терминологического аппарата и др. Специальные и

конкретные задачи, решаемые в рамках самостоятельного вида экспертизы, имеют статус прикладных и делятся на классификационные, идентификационные и диагностические (некоторые исследователи дополнительно выделяют ситуационные [17, с. 39] и др.).

Прикладные задачи лингвистической экспертизы зачастую конкретизируют вопросы, ставящиеся органами следствия и дознания, судом, перед специалистом. Так, диагностические задачи решаются при установлении пространственно-временных характеристик коммуникативного взаимодействия, механизмов его реализации (например, наличие в содержании текста призывов к разжиганию вражды и розни). Идентификационные задачи лингвистической экспертизы эксплицируются в изучении семантики конфликтогенного текста (например, наличие негативной характеристики личности). Классификационные задачи экспертной работы связаны с вопросами принадлежности языковых единиц к определенному классу (например, соответствие лексемы приличной форме). Ситуационные задачи разрешаются при описании способа совершения вербального преступления (например, установление характеристики открытости/закрытости канала речевого взаимодействия).

Анализируя предлагаемые подходы к пониманию метаданных лингвистической экспертизы, можно сделать вывод о том, что в отдельных случаях неудачно используются терминологические формулировки, в других обнаруживаются проблемы несогласованности научных категорий друг с другом, в третьих авторское видение абстрагировано от конкретных явлений исследовательского поля, др.

Нами, в свою очередь, предложена цельная система описания метаданных лингвистической экспертологии, которая учитывает специфику научной отрасли, то есть не противоречит теории языкознания и соотносится с ее правовым статусом. Так, в качестве объекта предлагается рассматривать конфликтогенный текст как текст, в содержании которого потенциально содержатся признаки или сведения об обстоятельствах нарушения действующего законодательства (признаки или обстоятельства преступления).

Объект лингвистической экспертизы конкретизируется в предмете (лингвистические признаки несоответствия содержания конфликтогенного текста правовым нормам или криминалистически значимые сведения об обстоятельствах преступления). Формулировка научного предмета коррелирует с исследовательской целью (выявление наличия в конфликтогенном тексте лингвистических признаков несоответствия содержания конфликтогенного текста правовым нормам или криминалистически

значимых сведений об обстоятельствах преступления), которая реализуется в комплексе решаемых задач. Их разнообразие, в свою очередь, типологизируется в традициях криминалистики на общие, типичные и конкретные. Первые связаны с разработкой и верификацией методологического инструментария, нормализацией терминологического тезауруса, регулированием вопросов проведения специального исследования конфликтного текста и т.д. Среди общих и типичных задач выделяются диагностические, идентификационные, классификационные и ситуационные. Конкретизируются они в вопросах, ставящихся на разрешение эксперту.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Никишин, В. Д.* Цифровые и речевые следы в аспекте обеспечения информационной (мировоззренческой) безопасности в Интернет-среде / В. Д. Никишин // Судебная экспертиза. – 2020. – № 1(61). – С. 131–139.
2. *Россинская, Е. Р.* Проблемы использования специальных знаний в судебном исследовании компьютерных преступлений в условиях цифровизации / Е. Р. Россинская // Вестн. ун-та им. О. Е. Кутафина. – 2019. – № 5(57). – С. 31–44.
3. Лингвистическая экспертиза // Государственный комитет судебных экспертиз Республики Беларусь. – URL : https://sudexpert.gov.by/ru/lingvo_exp.html (дата обращения 17.11.2024).
4. *Нагорняк, А. А.* Структура речевой коммуникации / А. А. Нагорняк // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2014. – № 6 – С. 49–52.
5. *Галяшина, Е. И.* Судебная лингвистическая экспертиза материалов экстремистско-террористической направленности : квалификация и компетенции судебного эксперта-речевода / Е. И. Галяшина, В. Д. Никишин // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 4(89). – С. 130–139.
6. *Ярощук, И. А.* Лингвистическая экспертиза : учеб. пособие / И. А. Ярощук, Н. А. Жукова, Н. И. Долженко. – Белгород : ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ», 2020. – 96 с.
7. *Никишин, В. Д.* Объекты судебной лингвистической экспертизы : новые вызовы криминогенной Интернет-коммуникации / В. Д. Никишин // Вестн. ун-та им. О. Е. Кутафина. – 2020. – № 6(64). – С. 79–88.
8. *Азимов, Э. Г.* Новый словарь методических терминов и понятий. Теория и практика обучения языкам / Э. Г. Азимов, А. Н. Щукин. – М. : Рус. яз. Курсы, 2018. – 496 с.

9. *Галяшина, Е. И.* Назначение, производство и оценка заключения судебной лингвистической экспертизы : метод. рекомендации / Е. И. Галяшина // Цена слова : Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации / Гильдия лингвистов-экспертов по док. и информ. спорам. ; Фонд защиты гласности ; авт.-сост.: А. Н. Баранов [и др.] ; отв. ред., авт. предисл. М. В. Горбаневский. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Галерея, 2002. – 419 с
10. *Ли, В. С.* Лингвистическое исследование конфликтного текста в юридической практике / В. С. Ли, Р. Д. Карымсакова, Р. Б. Тапалова. – Алматы : Казах. нац. ун-т им. аль-Фараби, 2008. – 146 с.
11. *Макаренко, Г. С.* О соотношении понятий «конфликтогенный» и «конфликтный» текст в рамках изучения юрислингвистики / Г. С. Макаренко // Научное наследие В. А. Богородицкого и современный вектор исследований казанской лингвистической школы : тр. и материалы междунар. конф. / под общ. ред. К. Р. Галиуллина, Е. А. Горобец, Э. А. Исламовой. – Казань : Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2018. – Т. 1. – С. 139–142.
12. *Белоус, Н. А.* Конфликтный дискурс vs конфликтный текст / Н. А. Белоус, Н. В. Осколкова / Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 9. – 2007. – Вып. 4. – Ч. II. – С. 96–107.
13. *Кара-Мурза, Е. С.* Лингвистическая экспертиза как процедура политической лингвистики / Е. С. Кара-Мурза // Политическая лингвистика. – 2009. – № 1(27). – С. 47–71.
14. *Дединкин, А. Л.* Правовое и научно-методическое обеспечение судебной лингвистической экспертизы в Республике Беларусь: состояние, проблемы и пути их решения / А. Л. Дединкин // Учен. зап. УО «ВГУ имени П.М. Машерова». – 2023. – Т. 37. – С. 177–181.
15. *Горбатенко, О. Г.* Виды лингвистической экспертизы в юриспруденции: цель и результаты / О. Г. Горбатенко, Т. В. Василёва // Проблемы экономики и юридической практики. – 2016. – № 1. – С. 239–243.
16. *Общая теория судебной экспертизы : учеб. пособие / Д. Ю. Вельможко [и др.].* – Ростов н/Д : Аспект, 2018. – 96 с.
17. *Майлис, Н. П.* Введение в судебную экспертизу : учеб. пособие / Н. П. Майлис. – 2-е изд. – М. : ООО «Издательство «Юнити-Дана», 2016. – 159 с.

Поступила в редакцию 10.12.2024

Маліцкі Юрый Вячаслававіч

кандыдат філалагічных навук,
дактарант Інстытута мовазнаўства
імя Якуба Коласа
Цэнтр даследаванняў беларускай
культуры, мовы і літаратуры
Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі
г. Мінск, Беларусь

Yury Malitski

PhD in Philology,
Post-PhD Researcher of the Institute
of Linguistics named after Yakub Kolas
Center for Research of Belarusian
Culture, Language and Literature
National Academy of Sciences of Belarus
Minsk, Belarus
sp-sm@mail.ru

ФАРМІРАВАННЕ СУБ'ЕКТА І АБ'ЕКТА
МАСАВАЙ КАМУНІКАЦЫІ
Ў БЕЛАРУСКІХ АНАНІМНЫХ ГУТАРКАХ ХІХ ст.

FORMATION OF THE SUBJECT AND OBJECT
OF MASS COMMUNICATION
IN BELARUSIAN ANONYMOUS CONVERSATIONS
OF THE 19th CENTURY

У артыкуле разглядаюцца асаблівасці фарміравання структуры суб'екта і аб'екта камунікацыі ў беларускіх ананімных белетрызаваных літаратурна-публіцыстычных творах ХІХ ст. (гутарках). Вывучаюцца маўленчыя, моўныя і прагматычныя элементы канцэпцыі асобы адрасанта і адрасата маўлення ў сферы масавай камунікацыі.

К л ю ч а в ы я с л о в ы: *масавае камунікацыя; публіцыстычнае маўленне; беларускія ананімныя гутаркі ХІХ ст.; суб'ект маўлення; аб'ект маўлення.*

The article examines the features of the formation of the structure of the subject and object of communication in Belarusian anonymous fictionalized literary and publicistic works of the 19th century (conversations). Speech, language and pragmatic elements of the concept of the personality of the addresser and addressee of speech in the sphere of mass communication are studied.

К e y w o r d s: *mass communication; publicistic speech; Belarusian anonymous conversations of the 19th century; subject of speech; object of speech.*

Камунікацыя – працэс глабальнага маштабу. Агульная плынь маўленчых зносін па прычыне вялізнай колькасці суб'ектаў і сітуацыйна-хаатычнага характару іх узаемадзеяння цяжка паддаецца аналізу і сістэматызацыі з пункту погляду дакладна акрэсленых крытэрыяў. “Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы” (2016) вызначае семантыку слова *камунікацыя* як ‘паведамленне, абмен думкамі, перадача інфармацыі пры дапа-

мозе мовы' [1, с. 338]. Разуменне камунікацыі як акта перадачы інфармацыі пры дапамозе сродкаў маўлення фіксуюць таксама замежныя лексікаграфічныя выданні і рэсурсы, напрыклад, Cambridge International Dictionary of English [2], The Concise Oxford Dictionary [3], «Большой толковый словарь русского языка» [4] і інш.

Фарміраванне розных па інфармацыйным нападуненні функцыянальных адзінак маўленчых зносін у большасці выпадкаў адбываецца падчас штодзённых побытавых і сацыяльных кантактаў. Разам з тым існуе і спецыяльна арганізаваная вытворчасць інфармацыйных паведамленняў, разлічаная на масавага спажыўца. Вылучаюць два пласты масавай інфармацыі: адзін ствараецца і стыхійна распаўсюджваецца самімі масамі праз міжасобасныя зносіны, другі фарміруецца спецыялістамі і распаўсюджваецца па спецыяльных агульнадаступных каналах [5]. Адпаведна, сфера масавай камунікацыі разглядаецца як адкрытая не толькі для суіснавання інфармацыйных прадуктаў розных тыпаў і ўзроўняў, але і для дзейнасці розных суб'ектаў інфармацыйнай вытворчасці – інстытуцыяналізаваных і неінстытуцыяналізаваных. Так, сёння мы назіраем сітуацыю, калі «ў медыякамунікацыйным асяроддзі адбываецца інтэнсіўнае фарміраванне шматсуб'ектных адносін, якія характарызуецца тым, што ў вытворчасць і распаўсюджванне кантэнтнага ўцягнуты разнастайныя суб'екты – прафесійныя СМІ, “новыя прафесіяналы” сацыяльных медыя і аўдыторыя» [6, с. 11]. Аднак полісуб'ектны характар арганізацыі медыяпрасторы – з'ява ўніверсальная, яна існавала задоўга да лічбавай эпохі і часу так званых новых медыя. Нават у сітуацыях абмежаваных магчымасцей у плане фарміравання і распаўсюджвання інфармацыйнага прадукту ў розныя перыяды перманентна рабіліся спробы парушыць манаполію інстытуцыяналізаваных суб'ектаў грамадскай камунікацыі.

Адным з вызначальных тэкстаўтваральных фактараў у адносінах да функцыянальных адзінак грамадскага інфармацыйнага абмену выступае дыялагічны характар працэсу камунікацыі. Аснову дыялагічнасці складаюць сацыяльны напрамак працэсу мыслення, а таксама камунікатыўная роля мовы. Класічная лінгвістыка, грунтуючыся на згаданым сацыяльна-камунікатыўным пункце погляду на мову, вызначае дыялагічнасць як “маўленчатэкставую катэгорыю, зместам якой з'яўляецца ўзаемадзеянне адрасанта з іншай асобай (іншымі асобамі)” [7, с. 91]. У такім разуменні дыялагічнасць уяўляецца тэкставай катэгорыяй, якая на сістэмным узроўні арганізоўвае ўзаемную дзейнасць камунікантаў з мэтай вызначэння суадносін зместавых пазіцый адрасанта і адрасата маўлення і акрэслівае прынцыпы адбору моўна-маўленчых сродкаў у працэсе камунікацыі.

Даследчыкі па праву называюць XIX ст. пачаткам новай беларускай літаратуры. Філасофска-эстэтычны вектар развіцця айчыннага мастацтва ў гэты час вызначаўся тэндэнцыямі эпохі Асветніцтва. У літаратурным працэсе гэта праяўлялася ў тым, што класічныя жанры і формы атрымлівалі рамантычнае ідэйна-зместавае напаяненне. Папулярнасцю карысталіся балады, лірычныя вершы, паэмы, заснаваныя, між тым, на рэальным гістарычным матэрыяле і выразных фальклорных рэмінісцэнцыях. Асноўнай прыкметай беларускай літаратуры ў гэты перыяд стаў зварот да народных спосабаў рэпрэзентацыі карціны свету, шырокае выкарыстанне гутарковых маўленчых сродкаў.

Заканамерная змена эстэтычных густаў у адпаведнасці з павевамі часу стала прычынай перагляду мастацкай актуальнасці класічных літаратурных жанраў і іх ідэйна-зместавага напаянення. “Мяняўся ракурс бачання свету – мяняліся суадносіны ўмоўнасцей яго адлюстравання ў жанравых формах. У баладзе тэмп аповеду пачаў запавольвацца, а драматычная напружанасць – падаць. Менавіта ў той час, калі стылёвая эвалюцыя рамантычнай балады скіроўвалася ў бок гутарковай апавядальнасці, набыў інэрцыю да развіцця жанр гавэнды” [8, с. 98]. Гавэндамі (або размовамі, гутаркамі) называліся белетрызаваныя, пераважна вершаваныя, апавяданні, у якіх, у форме дыялогу, абмяркоўваліся надзённыя пытанні грамадскага жыцця. У айчынным літаратуразнаўчым дыскурсе за творамі такога тыпу замацаваўся тэрмін **гутарка**.

Згодна з фальклорным звычаем, аўтарства гутарак, як правіла, не пазначалася, таму іх прынята называць ананімнымі. Асноўнымі іх персанажамі былі сяляне або іншыя прадстаўнікі беларускага вясковага насельніцтва.

Балансуючы на мяжы літаратурнага твора і публіцыстычнага артыкула, гутаркі спалучалі народную сюжэтную і моўна-вобразную базу з вострасацыяльным зместам. Яны прама або іншасказальна закраналі надзённыя палітычныя праблемы, давалі трапную характарыстыку прадстаўнікам розных грамадскіх слаёў, распавядалі аб цяжкім жыцці сялян пад прыгонам, актуалізавалі ўяўленні беларускага сялянства і дробнай шляхты аб пажаданым спосабе дзяржаўнага і эканамічнага ўладкавання. Мова гутарак была максімальна набліжанай да беларускай сялянскай гаворкі з характэрнымі рэгіянальна-дыялектнымі асаблівасцямі. Ва ўмовах абмежаванага выкарыстання беларускай мовы важнасць гэтага факта наўрад ці магчыма пераацаніць. “Менавіта гутарка пацвердзіла ў першай палове XIX ст. жыццядзейнасць, жыццятворнасць беларускамоўнага развіцця беларускай літаратуры” [8, с. 127].

Публіцыстычнае гучанне беларускіх сялянскіх гутарак абумовіла грамадска-палітычная і маральна-этычная праблематыка, а таксама высокая ступень рэалістычнасці і актуальнасці прадстаўленага факталагічнага матэрыялу. Гутаркі закраналі тэмы сацыяльнай несправядлівасці (“Гутарка Данілы са Сцяпанам”, “Гутарка пана з селянінам”, “Речь старовойта”, “Гутарка Кузьмы з Апанасам”, “Гутарка ў карчме, спісаная Кандрасем з-пад Докшыц”, асобныя апавяданні “Рассказов на белорусском наречии” і інш.), барацьбы за рэлігійнае і нацыянальна-культурнае самавызначэнне беларусаў (“Гутарка двух суседаў”, “Гутарка старога дзеда”, “Крыўда і праўда”, “Перадсмяротны разговор пустэльніка Пятра, каторы жыў у пушчы дзевяцьдзсят лет, а памёр маючы сто сорок лет” і інш.), паводзін людзей у грамадстве і сям’і (“Вось цяпер які люд стаў”, “Гутарка Паўлюка” і інш.).

Пашыраныя ў вуснай форме або ў выглядзе “спісаў” гутаркі надалі беларускаму слову, па аб’ектыўных абставінах выцесненаму на перыферыю грамадскай камунікацыі, сацыяльнае гучанне і сфарміравалі камунікатыўную прастору, у межах якой быў усталяваны кантакт паміж сялянствам, нацыянальна арыентаванай шляхтай, творчай інтэлігенцыяй, іншымі слямі беларускага грамадства.

Дыялагічная форма арганізацыі як уласна мастацкага твора, так і яго камунікатыўна-зместавага кантэксту мае глыбокія традыцыі ў айчыннай літаратуры. Тут можна згадаць і ўзоры рэлігійнай палемікі Сярэднявечча (некаторыя з іх маюць вельмі паказальныя назвы – напрыклад, “Розмова берестянина з братчыком” аўтарства Іпація Пацея, 1603), і сатырычна-публіцыстычныя помнікі эпохі Барока (“Прамова Мялешкі”, “Ліст да Абуховіча”). У пачатку XIX ст. глебу для шырокай папулярнасці гутарак падрыхтавалі і польскамоўныя літаратары беларускага паходжання – Ян Баршчэўскі (як мяркуюць спецыялісты, ён можа быць аўтарам “Размовы хлопцаў”, напісанай у 1812 г. [8]), Уладзіслаў Сыракомля (яго дэбютная балада “Пашталён” мела падзаглавак “Народная гавэнда”) і інш.

Анталагічныя, аб’ектыўна-гістарычныя і логіка-храналагічныя акалічнасці развіцця феномена масавай камунікацыі перыядычна ўзнаўляюць дыскусію аб характары ўзаемаадносін ключавых актараў грамадскага інфармацыйнага ўзаемадзеяння: таго, хто генерыруе адпаведны прадукт, і таго, каму ён прызначаны.

Асоба **суб’екта** масавага маўлення неаднаразова трапляла ў цэнтр увагі прадстаўнікоў розных філалагічных дысцыплін. Найважнейшым аспектам грамадскай функцыянальнасці публіцыстычнага тэксту даследчыкі лічаць асаблівасці ўспрымання зместу, а таксама яго інтэрпрэтацыі ў плане выбудоўвання персанальных і сацыяльных паводзін (лакутыўна-

ілакутыўна-перлакутыўны аспект). Шырокія магчымасці канвертацыі публіцыстычнай інтэнцыі ў індывідуальныя і грамадскія ўчынкі вызначаюць напрамкі развіцця жанру, яго сутнасныя рысы і, у рэшце рэшт, саму неабходнасць яго існавання. Дзейнасць аўтара, накіраваная на моўную фармалізацыю ўласнай прагматычнай інтэнцыі, дае даследчыкам падставы разглядаць асобу суб'екта маўлення як ключавы фактар тэкстатворчасці, а тэматыка-камунікатыўныя паказчыкі гэтай інтэнцыі – лічыць падставай для вызначэння структуры вобраза стваральніка публіцыстычнага тэксту. Так, Р. Я. Салганік, гаворачы пра характар адлюстравання і кваліфікавання з'яў рэчаіснасці ў журналісцкім тэксце, вылучае такія базавыя дыхатамічныя элементы канцэпцыі асобы аўтара, як “чалавек прыватны” і “чалавек сацыяльны” [9]. Такое спалучэнне сутнасных характарыстык выяўляецца ў тым, што індывідуальнае маўленчае дзеянне (лакутыўны акт) у кантэксце твораў публіцыстычнага жанру – іх тэматыкі і аўтарскіх камунікатыўных задач (ілакутыўны акт) – набывае характар грамадскага ўчынку, рэзананс якога фарміруе сацыяльную практыку і сацыяльны вопыт (перлакутыўны акт). Іншымі словамі, якія б прыватныя тэмы ні закранаў публіцыст у сваім выказванні, яно заўсёды будзе мець сацыяльнае гучанне і будзе накіравана на фарміраванне грамадскага рэзанансу, рэалізаванага ў кагнітыўным і/ці ў эмпірычным плане. На аснове названай дыхатаміі В. І. Іўчанкаў вылучае прыватныя кампаненты структуры сукупнай моўнай асобы, «выражанай канцэптуальным “чалавекам” (“думаючы”, “дзеючы”, “успрымаючы” і “пішучы”, “сацыяльны”, “прыватны”) і кантэкстуальнымі макрастратэгіямі» [10, с. 194].

Колькасныя і якасныя паказчыкі масіву тэкстаў ананімных сялянскіх гутарак XIX ст. даюць падставы канстатаваць з'яўленне ў беларускай літаратурна-камунікатыўнай прасторы прынцыпова новай асобы аўтара, якая выразна сумяшчае ў сваёй структуры адзнакі “чалавека прыватнага” і “чалавека сацыяльнага”. Калектыўны аўтар сялянскіх гутарак XIX ст. адкрыта і шчыра дзеліцца ўласнымі назіраннямі, пачуццямі, меркаваннямі, але пры гэтым выступае выразнікам думак і памкненняў цэлага сацыяльнага класа, аб'яднанага эканамічнымі, рэлігійнымі, нацыянальна-культурнымі і іншымі інтарэсамі. Цеснае перапляценне “прыватнай” і “грамадскай” сфер у тэкстах гутарак абумоўлівае задуму і асноўную ідэю жанру: простае мовай расказаць аб праблемах дзяржаўнага маштабу, змясціць звычайнага чалавека ў кантэкст актуальных гістарычных працэсаў, сцвердзіць беларускае сялянства ў якасці паўнапраўнага ўдзельніка палітычнага жыцця.

Імкненне аўтараў да надання голасу беларускага селяніна сацыяльнага гучання найчасцей рэалізуецца праз такое маўленчае дзеянне персанажаў, як пераход на іншы ўзровень абстракцыі. Так, напрыклад, у “Гутарцы пана з селянінам” на звычайнае побытавае і абсалютна канкрэтнае пытанне пана (– *Чаму твая Дарота / Не пшыходзі да мяне на работа? / Сушыць, грабіць пільна трэба, / Дам пянёндзы, дам і хлеба*) селянін адказвае словамі, гучанне якіх паводле ўзроўню абстрагавання і шырыні абагульнення можна разглядаць як сапраўдную палітычную заяву: – *Ужэ панскі хлеб надакучыў, / Як пан нас добра мучыў: / Добра паны гандлявалі, / Слугі на сабакі мянялі!* [11, с. 590]. Такі адказ селяніна – выразнае дэклараванне актыўна-дзейснай пазіцыі героя. Ён не згодны больш цярпець здзек і падман (*панскі хлеб надакучыў*), адкрыта аб гэтым заяўляе і дзейнічае ў адпаведнасці з прынятым рашэннем. Гэтыя словы тэкстуалізуюць агенсную (дзеючую) кантэкстуальную макрастратэгію, паводле В. І. Іўчанкава, што адпавядае аўтарскай інтэнцыі да менавіта такой рэпрэзентацыі героя.

Нягледзячы на тое, што семантыка слова *гутарка* (*размова*) прадугледжвае дыялагічную форму арганізацыі маўлення – ‘слоўны абмен звесткамі, думкамі’ [1, с. 682], – размеркаванне камунікатыўных роляў у адпаведных літаратурна-публіцыстычных творах рэдка з’яўлялася парытэтным. Як правіла, у гутарках функцыянальна вылучаюцца два тыпы персанажаў: “Апавядальнік” і “Слухач”. “Апавядальніку” належыць вядучая роля ў размове. Менавіта ў яго вусны аўтар укладвае асноўны факталагічны і ідэйны змест твора. У тэксце ён паўстае як мудры, паважаны і вопытны, нярэдка пажылы, чалавек, дасведчаны ў самых розных пытаннях – ад дзяржаўнай палітыкі да выхавання дзяцей. Ён гаспадарлівы і ўмелы селянін, дбайны гаспадар. У развагах кіруецца здаровым сэнсам і народнай кемлівасцю.

Маналог “Апавядальніка” складае ядро тэксту гутарак. Такая структура абумоўлена камунікатыўна-прагматычнымі задачамі аўтара: канцэнтравана, без адцягвання ўвагі на мастацка-фармальныя ўмоўнасці данесці да чытача галоўную ідэю і думку твора. Размова ад першай асобы, уключанасць у камунікацыю, фармалізаваная зваротам да калектыўнага слухача пры дапамозе дзеясловаў першай і другой асобы адзіночнага ці множнага ліку, вербалізаваная адпаведнымі назойнікамі-апелятывамі і дзеясловамі-экспрэсівамі суб’ектыўная ацэначнасць, спосаб аргументацыі, заснаваны на асабістым вопыце і ўласных перажываннях, – вось асноўныя рысы моўна-маўленчага партрэта адрасанта маўлення (аўтара) беларускай сялянскай гутаркі XIX ст.

Названыя тэкставыя камунікатыўныя характарыстыкі, назапасіўшы крытычную масу, сфарміравалі своеасаблівую, агульную для твораў, стылістыка-маўленчую танальнасць. Яе базавым экстралінгвістычным элементам выступаюць акалічнасці камунікатыўнай сітуацыі – прастадушны расповед звычайнага, але дасведчанага чалавека, яго па-сяброўску прыязны зварот да такога самага, простага, чалавека. Персанажы гутарак маюць адзін сацыяльны статус, характарызуюцца блізкімі эканамічна-маёмаснымі паказчыкамі, валодаюць аднолькавым культурным і эмпірычным базісам. Сюжэтная вызначаная спрыяльная ўмовы зносін (*Кузьма, сядзеўшы з Апанасам, / Яму гаворыць добрым часам* [11, с. 601]; *Святога дня і харошае пагоды, Даніла са Сцяпанам / Сашліся разам і селі сабе пад парканам* [12, с. 1047] і г.д.) разам з фармалізаваным адпаведнымі моўнымі сродкамі прызна-добрачылівым, часам спагадлівым, стаўленнем (*дзядзька дарагенькі, мілыя дзеткі, мой каханы, кум/куме, нябожа* і г.д.) актуалізуюць бачанне субяседніка (і, адпаведна, чытача) – як сябра, добрага знаёмага, суседа, земляка.

Катэгорыя **аб'екта** (адрасата) маўлення і феномен адрасаванасці тэксту на працягу многіх дзесяцігоддзяў з'яўляюцца краевугольным каменем літаратуразнаўчых, стылістычных і медыялінгвістычных даследаванняў. На падставе вывучэння тэкстаў вядучых расійскіх перыядычных выданняў Т. Л. Камінская вылучыла і апісала асноўныя тыпы адрасатаў медыяпаведамленняў на мяжы XX і XXI стст. У аснову класіфікацыі пакладзены такія катэгарыяльныя прыкметы, як «наяўнасць у тэксце апазіцыі “свой – чужы”, арыентацыі на маўленчы вопыт аўдыторыі, элементаў карціны свету, якія рэпрэзентуюць стыль жыцця і сацыяльны статус адрасата» [13]. У адпаведнасці з заяўленымі крытэрыямі даследчыца вылучае ў сучасных медыятэкстах тры тыпы адрасатаў: “інтэлігентная меншасць”, “прадстаўнік узорнага асяроддзя” і “просты чалавек”. “Найменні вобразаў, змешчаныя ў двукоссі, па сутнасці, уяўляюць метафары, запачычаныя з саміх тэкстаў пры характарыстыцы імі сваіх мэтавых аўдыторый” [13].

Як паказваюць назіранні, дыферэнцыяльныя крытэрыі, а таксама атрыманыя Т. Л. Камінскай вынікі рэлевантныя і тэкставаму матэрыялу сялянскіх гутарак. У ананімных творах XIX ст. з апорай на асаблівасці маўленчай практыкі адпаведнай сацыяльнай групы адлюстраваны акалічнасці супрацьстаяння беларускага народа з антаганістычнымі, рэакцыйнымі грамадска-палітычнымі сіламі, пададзена панарама працы і побыту тагачаснага сялянства, вызначана яго месца ў агульнай структуры

грамадства. Паводле сюжэтна-кантэкстуальных, камунікатыўных і моўных характарыстык персанажы гутарак цалкам упісваюцца ў гэтую аперацыянальную парадыгму і адпавядаюць такой класіфікацыйнай нішы адрасата медыяпаведамлення, як “просты чалавек” (*людзі паспалітыя*).

У дыспрапарцыянальнай камунікатыўнай схеме з тыпізаванымі персанажымі катэгорыямі “Апавядальніка” і “Слухача” актыўнасць апошняга ў дыялогу ніжэйшая. Аднак значэнне не меншае. Як можна меркаваць, ён увасабляе персаніфікаваны вобраз суб’екта сацыяльнага жыцця – народа, да якога звяртаецца аўтар вуснамі “Апавядальніка”. Менавіта такая роля абумоўлівае высокі гуманістычны і дэмакратычны пафас слоў Данілы – персанажа вершаванай “Гутаркі Данілы са Сцяпанам” (*«Будзе тое, браце, дажджом, мой Сцяпане, / Што пан на нас скажэць: “Мой каханы пане!” / Мы на іх глянем і шапкі не знімем. / Хоць блізка нас будзец, не скланіўшысь мінем»* [12, с. 1048]) або дыдактычнасць звароту Свяшчэнніка да Парафіяніна ў празаічных “Расказах на беларусском наречии” (*“Дась Бог, нашы дзеці будуць лепшы; толькі няхай яны вучацца. Самі толькі не псуйце іх ... паважайце адзін другога, і дзеці вас паважаць будуць, у харошых бацькоў – добрыя і дзеці”* [11, с. 583]).

Сітуацыя шчырай размовы персанальна і сацыяльна блізкіх людзей абумовіла выбар моўна-маўленчых сродкаў, неабходных для фарміравання паведамлення, адпаведнага аб’ектыўным (або тым, што суб’ектыўна ўспрымаюцца аўтарам як аб’ектыўным) якасцям рэцыпіента тэксту. Такі характар мэтавай накіраванасці маўлення праяўляецца найперш у зваротках. Замацаванае ў канкрэтных фармальных адзінках эмацыяна пазітыўнае стаўленне да адрасата, успрымання яго ў якасці аднадумца або як мінімум сацыяльна блізкага чалавека было настолькі трапным і ўдалым, што моўныя маркеры выпрацаванай у тэкстах гутарак танальнасці атрымалі пашырэнне і ва ўзорах пазнейшай беларускай мастацкай літаратуры і публіцыстыкі (*хлопцы ў Я. Баршчэўскага, брат/братцы/брацця ў В. Каратынскага і іншых; пане-браце ў Я. Лучыны; мужычок у А. Гурыновіча; добрыя людзі, просты народ у А. Ельскага; мілыя дзеці зямлі-маткі маёй у Ф. Багушэвіча; дзецюкі – у тэкстах “Мужыцкай праўды” і г.д.*).

Дыспрапарцыянальная будова з размежаваннем камунікатыўных роляў гаворыць аб тым, што аўтары беларускіх сялянскіх гутарак разглядалі аўдыторыю сваіх твораў як непасрэдных рэцыпіентаў паведамлення. Функцыянальная дыхатамія такога кшталту дае падставы канстатаваць суб’ект-аб’ектную мадэль камунікацыі з выразным вылучэннем адрасанта і адрасата паведамлення. Вастрыня і высокая грамадская значнасць закра-

нутых праблем, задачы стваральнікаў, звязаныя з папулярызаванай адпаведных ідэй і пастулатаў, вызначылі характар аўтарскай прагматыкі – устаноўку на адназначнае ўспрыняцце сэнсу твора і разлік на канкрэтны перлакутыўны эффект. Кіруючы маналог як цэнтральны зместавы і кампазіцыйны элемент размовы бачыўся найбольш прыдатнай формай рэалізацыі такой інтэнцыі. Названы спосаб тэкставай арганізацыі дазволіў эфектыўна трансліраваць аўтарскія думкі і меркаванні, фармуляваць высновы, актуалізаваць сацыяльна-палітычныя, культурна-рэлігійныя і іншыя наратывы.

У XIX ст. гістарычныя ўмовы выявілі вострую патрэбу ў выпрацоўцы ўласнага погляду беларусаў на сябе як на нацыю, а палітычныя падзеі гэтага часу абвастрылі і паскорылі крышталізацыю нацыянальных рыс. Ананімныя сялянскія гутаркі па сваёй глыбокай народнай сутнасці сталі менавіта той сферай, дзе працэс канцэптуалізацыі беларускай нацыі атрымаў сваё асэнсаванне, а тэкстуалізаваныя вобразы камунікантаў і адпаведны часу характар іх узаемадзеяння заклалі асновы айчыннай публіцыстыкі. Літаратурна-публіцыстычны жанр беларускай ананімнай гутаркі ў XIX ст. стаў паўназначнай формай масавай камунікацыі. Дзякуючы яму беларускі селянін, і беларус увогуле, набыў магутны голас, звернуты і да аднадумцаў, і да антаганістаў, што выявіла яго сапраўднай сацыяльна-палітычнай сілай.

ЛІТАРАТУРА

1. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы : больш за 65 000 слоў / уклад.: І. Л. Капылоў [і інш.] ; пад рэд. І. Л. Капылова. – Мінск : Беларус. энцыкл. імя Петруся Броўкі, 2016. – 968 с.
2. Cambridge International Dictionary of English. – URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/essential-british-english/communications>. (дата звароту: 15.01.2025).
3. The Concise Oxford Dictionary. – URL: <https://www.oed.com/search/dictionary/?scope=Entries&q=communication>. (дата звароту: 15.01.2025).
4. Большой толковый словарь русского языка [А-Я] / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед. ; [рук. проекта, гл. ред. д-р. филол.н. С. А. Кузнецов]. – СПб. : Норинт, 2004. – 1534 с.
5. Лазутина, Г. В. Журналистский текст как знание оперативного назначения / Г. В. Лазутина // Вестн. МГУ. Сер. 10, Журналистика. – 2012. – №5. – С. 50–58.

6. *Вартанова, Е. Л.* Цифровая журналистика как новое поле академических исследований / Е. Л. Вартанова // Меди@льманах. – 2021. – № 6 (107). – С. 8–14.
7. *Матвеева, Т. В.* Полный словарь лингвистических терминов / Т. В. Матвеева. – Ростов н/Д : Феникс, 2010. – 562, [1] с.
8. Гісторыя беларускай літаратуры XI–XIX стагоддзяў : у 2 т. / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т літ. імя Я. Купалы. – Мінск : Беларус. навука, 2007. – Т. 2: Новая літаратура: другая палова XVIII–XIX стагоддзе; / навук рэд. тома У. І. Мархель, В. А. Чамярыцкі.– 582 с.
9. *Солганик, Г. Я.* Автор как стилеобразующая категория публицистического текста / Г. Я. Солганик // Вестн. МГУ. Сер. 10, Журналистика. – 2001. – №3. – С. 22–29.
10. *Іўчанкаў, В. І.* Дыскусія беларускіх СМІ. Арганізацыя публіцыстычнага тэксту / В. І. Іўчанкаў. – Мінск : БДУ, 2003. – 257 с.
11. Літаратура другой паловы XIX стагоддзя : у 2 ч. / уклад. Л. Г. Кісялёвай, Н. М. Сенкевіч ; камент. Л. Г. Кісялёвай ; навук. рэд. С. Л. Гаранін. – Мінск : Маст. літ., 2013. – Ч. 1. – 847 с.
12. Літаратура першай паловы XIX стагоддзя / уклад. і камент. М. В. Хаўстоўіча ; навук. рэд. С. Л. Гаранін. – Мінск : Маст. літ., 2012. – С. 1048. – 1086 с.
13. *Каминская, Т. Л.* Автор и адресат в современных медиатекстах / Т. Л. Каминская // Вестн. Санкт-Петерб. ун-та. Сер. 9. – 2008. – Вып. 2. – Ч. II. – С. 314 – 319. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/avtor-i-adresat-v-sovremennyh-mediatekstah/viewer> (дата обращения: 15.01.2025).

Поступила в редакцию 17.01.2025

Стефанова Елена Валентиновна

магистр филологических наук,
старший преподаватель кафедры
теории и практики перевода
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Elena Stefanova

MA in Philology,
Senior Lecturer
Translation & Interpreting Theory
and Practice Department
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
anelena.ya@yandex.by

ТИПЫ И ФУНКЦИИ ВИЗУАЛЬНЫХ ИНСЕРЦИЙ
В ВЫСТУПЛЕНИЯХ TED TALKS

TYPES AND FUNCTIONS OF VISUAL INSERTIONS
IN TED TALKS

В статье внимание фокусируется на типах и функциях визуальных инсерций в научно-популярных сериях (выделены 12 типов инсерций и описаны 8 функций). В исследовании представлена формула расчета показателя плотности визуальных инсерций. Описано возможное расположение визуальных инсерций на экране, зависящее от нескольких факторов, включая личные предпочтения выступающего и тип презентации.

На основании проведенного анализа сформулированы рекомендации по эффективному использованию визуальных инсерций, играющих значимую роль в передаче научной информации. Рассматриваемое явление представляет собой важный инструмент в арсенале создателей научно-популярных видео, позволяющий эффективно передавать информацию и поддерживать интерес аудитории.

Ключевые слова: визуальные инсерции; показатель плотности; научно-популярные серии; типы инсерций; функции инсерций.

The article highlights the types and functions of visual insertions in popular science series (12 types of insertions are identified and 8 functions are described). The study presents a formula for calculating the density index of visual insertions. The possible arrangement of visual insertions on the screen (depending on several factors, including the personal preferences of the speaker and the type of presentation) is described.

Based on the analysis, recommendations for the effective employment of visual insertions, which play a crucial role in communicating scientific information, are formulated. Visual insertions represent a crucial tool within the arsenal of popular science video creators allowing them to effectively convey information and maintain audience interest.

Key words: visual insertions; density index; popular science series; insertion types; insertion functions.

Визуальные инсерции в научно-популярном выступлении представляют собой использование визуальных средств, таких как диаграммы, графики, фотографии, видео, необходимых для поддержки устного изложения информации, усиления ключевых моментов презентации, визуализации сложных концепций и обеспечения лучшего понимания материала аудиторией. Под визуальными инсерциями понимаем вставку отдельных графических или динамичных элементов непосредственно в основной видеоряд научно-популярного выступления.

Важным мотивом использования визуальных инсерций в научно-популярном дискурсе является стремление к простоте и ясности. Например, диаграммы и графики должны быть легко читаемыми и понятными, чтобы максимально ясно и быстро передать представляемые в выступлении сведения. В то же время визуальные инсерции должны быть тщательно подобраны и адаптированы к контексту выступления для результативного сопровождения речевой информации.

Эффективное применение визуальных инсерций также предполагает оптимизацию времени презентации. Например, наличие анимации или видеороликов может помочь передать большой объем информации за короткий период, что особенно важно в случае ограниченного времени выступления.

Описывая способы усиления рациональной аргументации, Т. Н. Савчук ссылается на использование «несловесных (визуальных) форм представления конститuentов аргументации» – таблиц, схем, графиков, рисунков и фотографий [1, с. 24] – и отмечает: «На метатекстовом уровне рациональное усиление научной аргументации осуществляется за счет разного рода типографических средств, участвующих в оформлении печатного речевого продукта. Значительная их часть относится к метаграфемике – вспомогательной функционально-адаптивной системе письменной сферы коммуникации, объединяющей неязыковые семиотические единицы» [1, с. 26].

Цель проведенного исследования – установить типы и функции визуальных инсерций в научно-популярных сериях. Материалом для исследования послужили 6 серий TED-проекта *In the Green: The Business of Climate Action* ‘Зеленый вектор: бизнес по борьбе с климатическими изменениями’ общей продолжительностью 20 минут 68 секунд.

Научно-популярные серии данного проекта сфокусированы на важности ведения бизнеса в контексте климатических изменений и устойчивого развития, в частности, затрагивается проблема сокращения углеродных выбросов. В них главы и руководители отделов различных организаций представляют опыт и инновации своих компаний для

решения данного вопроса. В сериях активно используется метод майевтики. Согласно «Философскому энциклопедическому словарю», *майевтика* (от греч. *maieutike*) – «предложенное Сократом искусство извлекать скрытое в человеке правильное знание с помощью искусных наводящих вопросов» [2], то есть донесение информации посредством наводящих вопросов. Указанный метод находит отражение, в частности, в выстраивании диалога со зрителями в научно-популярных сериях. Майевтика предполагает активное взаимодействие собеседников, что создает пространство для аргументации. Вопросы помогают выявить слабые стороны в аргументах и способствуют более глубокому пониманию темы. Майевтический метод содействует развитию критического мышления и способности к анализу аргументов, что важно как в индивидуальной, так и в коллективной аргументации и, наконец, позволяет постепенно уточнять и развивать обоснование через диалог.

Исследуя особенности восприятия графической информации, О. В. Пескова отмечает, что «наше восприятие стремится к целостности образа: простоте (тенденция воспринимать любую неоднозначную группу объектов самым простым образом, отдавая предпочтение симметричным, упорядоченным формам с наименьшим числом элементов), близости (расположенные рядом друг с другом объекты воспринимаются как одна единица), схожести (если объекты выглядят одинаково, они воспринимаются как группа), замкнутости (тенденция дополнять фигуру до целостного объекта, даже если графически он не полон), непрерывности (близко расположенные объекты воспринимаются как группа, если их можно потенциально соединить прямой линией или сглаженной кривой), смежности (объекты, движущиеся в одном направлении, кажутся объединенными в группу) и осведомленности (если в результате группировки объектов получается осмысленная или уже знакомая картина, то объекты воспринимаются как единая группа» [3, с.169–170]. Все вышеперечисленное относится к гештальт-принципам. Данная целостность образа в научно-популярных сериях достигается как раз за счет различных типов визуальных инсерций, наглядно демонстрирующих сказанное выступающим.

Цель всех серий проекта заключается в том, чтобы показать, как предприниматели, компании и организации могут не только минимизировать негативное воздействие на окружающую среду, но и использовать климатические инициативы как стратегическое преимущество. В прагматическом фокусе можно выделить следующие задачи указанных научно-популярных серий: 1) *повысить осведомленность* (серии информируют

широкую аудиторию о том, как климатические изменения влияют на бизнес и общество в целом); 2) *привлечь внимание к разработкам и инновациям компаний* (в сериях представлены примеры успешных бизнес-моделей и технологий, которые помогают справляться с климатическими вызовами); 3) *вдохновить других предпринимателей* (проект стимулирует другие компании на внедрение разработок и инноваций); 4) *создать сообщество* (формирование сообщества заинтересованных лиц может привести к сотрудничеству между различными секторами бизнеса).

Прагматический посыл проекта (воздействие на аудиторию, информирование об инновациях) *In the Green: The Business of Climate Action* 'Зеленый вектор: бизнес по борьбе с климатическими изменениями', находящий отражение в задачах, перечисленных выше, состоит в том, что бизнес может играть ключевую роль в борьбе с климатическими изменениями, а устойчивое развитие не только возможно, но и может быть выгодным, поскольку компании в силах не только снизить свои затраты, но и повысить свою конкурентоспособность на рынке.

Для подкрепления аргументации и повышения убедительности сказанного авторы научно-популярных выступлений активно используют следующие коммуникативные тактики. 1. *Активное использование научных данных (цитирование авторитетных источников)*: применение данных различных исследований, статистики для обоснования приводимых утверждений с целью акцентирования серьезности поднимаемой проблемы. 2. *Сопоставление (примеры успеха других компаний из отрасли)*: другие компании, которые успешно внедрили устойчивые практики и добились значительных результатов, – это весомый аргумент. 3. *Эмоциональная вовлеченность (экономические выгоды)*: внимание акцентируется на том, что устойчивые практики могут привести к снижению затрат, повышению эффективности и созданию новых рынков. 4. *Обращение к аудитории (социальная ответственность)*: важность социальной ответственности прослеживается в том, что таким образом компании могут улучшить свою репутацию и укрепить доверие клиентов; также активное взаимодействие с аудиторией позволяет выступающему адаптировать свое сообщение в зависимости от реакции аудитории, а обращение к конкретным интересам и потребностям слушателей делает аргументацию более релевантной и убедительной. 5. *Использование примеров и аналогий (инновации и технологии)*: акцент на инновациях и современных технологиях означает внедрение экологически чистых решений и переход к устойчивому будущему.

Ранее нами были выделены *проблемный, аргументативный и оценочный* структурно-семантические типы научно-популярных выступлений по критерию «превалирование нарративного или аргументативного компонента». Проанализированные серии можно отнести к *проблемному* структурно-семантическому типу: они направлены на привлечение внимания аудитории к конкретной проблеме, в сериях используются научные данные и экспертное мнение для объяснения и анализа проблемы, а также предлагаются возможные решения; выступающие стремятся вдохновить аудиторию на действия, приводя примеры из реальной жизни, истории успеха или неудачи. При этом стоит отметить очевидное преследование коммерческих интересов: они представляют данные таким образом, чтобы создать впечатление о необходимости использования своих продуктов или услуг. Сериям присущ сенсационизм: выступающие утверждают, что имеют революционное открытие или решение для сложной проблемы.

Нами был рассчитан показатель плотности визуальных инсерций для каждой серии проекта, а также установлены типы визуальных инсерций. Для расчета показателя плотности визуальных инсерций была применена следующая формула:

$$DI = 100\% / GD \cdot NVI,$$

где *DI (density index)* – показатель плотности, *GD (general duration)* – общая продолжительность серии в секундах; *NVI (number of visual insertions)* – количество визуальных инсерций.

Максимальная продолжительность серии проекта составляет 4 минуты 3 секунды, минимальная – 3 минуты 60 секунд. В ходе исследования отмечено, что серия меньшей длительности имеет второй по величине показатель плотности визуальных инсерций (первый показатель плотности принадлежит серии с наибольшим количеством инсерций). Отсюда приходим к выводу, что показатель плотности визуальных инсерций может быть связан с продолжительностью серий, то есть чем меньше продолжительность серии, тем меньше времени есть у выступающего, чтобы воздействовать на аудиторию, и тем большее количество визуальных инсерций он стремится использовать. Кроме того, различные значения показателя плотности визуальных инсерций могут быть обусловлены степенью сложности информации, а также личными предпочтениями говорящего.

Частотным является многократное использование одного и того же объекта для демонстрации масштабов описываемого феномена. Встретившиеся в сериях визуальные инсерции представлены следующими типами:

1) ключевые фразы/слова; 2) повтор вопроса выступающего; 3) формулы (вербальная формула); 4) логотипы; 5) статичное изображение (без надписи/с надписью); 6) динамичное изображение (смена одного изображения другим, приближение/отдаление); 7) круговорот изображений; 8) изображение-трансформер (одно изображение трансформируется в другое); 9) график; 10) числовые показатели (числовые показатели сами по себе и числовые показатели на изображении); 11) счетчик (промотка числового ряда); 12) гибридный формат (одновременное нахождение на экране выступающего и визуальных инсерций: расположение спикеров на экране и справа/слева от них расположение цифровой/вербальной информации/изображения). Отмечаем, что гибридный формат задействован всеми выступающими, однако частотность варьируется (из 6 серий в трех сериях гибридный формат используется 2 раза и еще в трех – 1 раз).

В Серии 1 (S1) вербальная формула *Micromobility = small, lightweight transportation* 'Микромобильность=небольшой, легкий транспорт' сопровождает реплику выступающего *Micro-mobility is dramatically more green than alternatives* 'Микромобильность значительно экологичнее альтернатив'. Визуальная инсерция сопровождает аргументацию выступающего.

В Серии 2 (S2) на экране дублируется вопрос выступающего: *We tried to think about how are we going to power this new campus with 100 percent renewable energy?* 'Мы постарались подумать о том, как обеспечить новый кампус на 100 процентов возобновляемой энергией'. Визуальная инсерция дополнительно акцентирует внимание на сказанном.

В Серии 3 (S3) сначала на экране появляются 7 знаковых обозначений режимов, при этом выступающий произносит: *The problem with these various modes, they are not integrated with one another* 'Проблема в том, что эти различные режимы не интегрированы друг с другом'. Затем на экране наблюдаем повтор реплики выступающего *Change does not typically occur quickly* 'Изменения, как правило, не происходят быстро'. Посредством использования визуальных инсерций выступающий демонстрирует негативные стороны процесса.

В Серии 4 (S4) на экране возникают знаковые изображения снежинки, батареи и лампочки, которые сливаются в одно изображение, затем появляется формула $kWh + \$$, при этом выступающий произносит: *All of those things together add up to a very significant energy load and a big cost* 'Все это в совокупности приводит к очень значительной энергетической нагрузке и большим затратам'. Формула служит средством привлечения внимания к проблеме.

В Серии 5 (S5) сначала на экране сверху логотипов появляются изображения бытовых приборов и счета за услуги (выступающий отмечает: *Energy Star is a partnership at the EPA and department of Energy in the US to set a standard to develop the most energy efficient product* ‘Энерджи Стар – это партнерство Агентства по охране окружающей среды и Министерства энергетики США с целью установления стандарта для разработки наиболее энергоэффективных продуктов’. *How can you make this thing work its best but consume the least amount of energy in that process?* ‘Как сделать так, чтобы это работало как можно лучше, но при этом потребляло как можно меньше энергии?’), затем на экране наблюдаем круговорот изображений электроприборов (выступающий продолжает: *Circularity is what we need to get to* ‘Цикличность – это то, к чему мы должны прийти’). Визуальные инсерции в данном случае служат маркером авторитетности сказанного выступающим.

В Серии 6 (S6) на экране видим отдельные ключевые фразы *create a factory* ‘создать фабрику’, *positive impact* ‘положительное влияние’, при этом выступающий произносит: *Could we create a factory that has a positive impact?* ‘Можем ли мы создать фабрику, оказывающую положительное влияние?’ Затем на экране появляется повтор вопроса выступающего: *What’s your carbon negative carpet tile?* ‘А у вас какая ковровая плитка с отрицательным содержанием углерода?’. Здесь визуальные инсерции необходимы для воздействия на аудиторию и внушения, что производство нового типа – это благо.

Визуализация служит вспомогательным средством, направленным на улучшение понимания и распространения научно-популярной информации. Проведенные многочисленные исследования содержат вывод о том, что значительно лучше усваивается и запоминается визуальная информация. Каждый вид памяти (иконическая, рабочая и долгосрочная) может быть усилен различными способами визуализации [3, с. 159–160].

Представленная вербально информация, по мнению И. В. Вашуниной, не может быть идентичной информации, представленной визуально, поскольку «процесс визуализации образа является процессом его редукции (признаки, например, цвет, пространственное расположение и т. д. подвергаются редукции)» [4, с. 40].

«Отсутствие однозначного соответствия между вербальной и визуальной единицами подтверждает предположение о различном членении действительности в процессе обработки вербальной и визуальной информации». По словам И. В. Вашуниной, результат обработки – единицы и

структуры, которые будут отличаться по содержанию. Также «невозможно существование вербальных и визуальных единиц идентичного содержания» [4, с.41].

Так, была отмечена интересная особенность в отношении гибридного формата, а именно место размещения визуальных инсерций на экране, которое зависит от нескольких факторов, включая личные предпочтения выступающего и тип презентации. Как было установлено нами, наиболее популярный способ подачи визуальных инсерций – справа от выступающего, затем слева от него и, наконец, одновременное расположение и справа, и слева от выступающего. Расположение визуальных инсерций справа от выступающего неслучайно, поскольку за обработку и генерацию эмоциональных реакций отвечают несколько областей мозга, однако правое полушарие доминирует (в его задачу входит пространственное мышление и обработка изображений).

Расположение визуальных инсерций слева может объясняться тем, что при этом фокус внимания больше остается на выступающем.

В ходе исследования были установлены 8 функций визуальных инсерций.

1. *Иллюстрирование и визуализация*: визуальные инсерции помогают лучше понять абстрактные концепции и процессы, делают информацию более доступной, могут использоваться для объяснения конкретных аспектов обсуждаемой темы. Специфическим маркером указанной функции является фраза выступающего, например, *To illustrate this point..* ‘Чтобы проиллюстрировать это...’; *Let me give you an example...* ‘Позвольте приведу пример...’. Визуальные инсерции позволяют продемонстрировать реальные или моделированные результаты экспериментов, образцы материалов, которые зачастую сложно или невозможно показать в материальной форме (*As shown in this graph...* ‘Как показано на этом графике...’; *The table reveals a clear trend...* ‘В таблице прослеживается четкая тенденция...’).

2. *Улучшение организации информации*: визуальные инсерции служат средством не только организации, но и структурирования информации, акцентирования весомой информации, а также установления логических связей и последовательностей (*First, let's discuss...* ‘Во-первых, давайте обсудим...’; *Next, we will explore...* ‘Далее мы изучим...’).

3. *Создание контекста*: визуальные инсерции создают контекст или фон для обсуждаемой темы (например, при описании исторических событий происходит вставка архивных фотографий, документов, карт): *Historically speaking, ...* ‘Исторически сложилось так, что...’; *To set the stage...* ‘Чтобы подготовить почву...’.

4. *Улучшение понимания*: визуальные инсерции уточняют и объясняют ключевые идеи, показывают отношения между различными фактами и демонстрируют причинно-следственные связи (*In simpler terms...* ‘Проще говоря...’; *What this means is...* ‘Это означает, что...’).

5. *Поддержка запоминания*: визуальные инсерции помогают создать связь между абстрактными идеями и конкретными образами, что способствует запоминанию информации (*Remember this key point...* ‘Запомните этот ключевой момент...’; *Let’s take a moment to recap...* ‘Давайте немного вспомним...’).

6. *Поддержка аргументации*: визуальные инсерции могут служить для подкрепления аргументов или данных, представленных выступающим (*Research shows that...*, ‘Исследование показывает, что...’; *This evidence suggests that...* ‘Эти данные свидетельствуют о том, что...’).

7. *Акцентирование и удержание внимания*: визуальные инсерции помогают создать визуальный интерес и удерживают внимание аудитории, что делает выступление более запоминающимся. Акцент может быть сделан с помощью цветового выделения, увеличения размера текста, анимации и т.д., что служит своего рода «ориентирами», способствующими выделению важных идей и направлению фокуса восприятия аудитории на определенные моменты. Акцентирование содействует созданию контекста (*Let me draw your attention to...*; ‘Позвольте мне обратить ваше внимание на...’, *I want to emphasize that...* ‘Я хочу подчеркнуть, что...’).

8. *Создание и усиление эмоциональной связи*: визуальные инсерции могут вызывать эмоциональные реакции, помогая усилить воздействие выступления (*Have you ever experienced...* ‘Вы когда-либо...’; *This issue resonates with us, with you, because...* ‘Этот вопрос волнует нас и вас, так как...’).

Вышесказанное позволяет сформулировать следующие рекомендации по эффективному использованию визуальных инсерций, играющих значимую роль в передаче научной информации, в научно-популярных сериях (при ограниченной продолжительности серии до 5 минут). 1. *Стремление к простоте и ясности*: избегание перегруженных графиков или сложных диаграмм. 2. *Оптимизирование времени презентации*: использование визуальных инсерций, которые можно быстро и эффективно показать (например, анимация или видеоролик могут помочь передать большой объем информации за короткое время). 3. *Усиление ключевых моментов*: визуальные инсерции акцентируют ключевые моменты выступления для лучшего

структурирования информации с целью ее последующего более легкого восприятия аудиторией. 4. *Сопровождение вербальной информации*: визуальные инсерции должны сопровождать значимую, весомую информацию, но не заменять ее, поскольку нахождение на экране любого визуального средства в отрыве от речевого потока не может быть интерпретировано корректно в нужном контексте.

Эффективное применение визуальных инсерций в сочетании с четким и лаконичным изложением информации позволит максимально эффективно использовать ограниченное время выступления для передачи научной информации.

Частота появления визуальных инсерций в выступлении зависит от контекста и целей выступающего. Целесообразно их применение при представлении сложных концепций, статистических данных или графиков. Однако нужно учитывать, что чрезмерное использование визуальных инсерций, приводящее к перегрузке выступления, может отвлечь аудиторию и затруднить восприятие информации. Ввиду этого необходим баланс, служащий средством обеспечения успешной коммуникации с аудиторией. Изучение особенностей визуальных инсерций наряду с механизмом их функционирования позволяет более эффективно их использовать в образовательном контенте.

Выявление типов и функций визуальных инсерций имеет практическую значимость, позволяя лучше понять механизмы коммуникации и восприятия информации. Определение того, какие визуальные инсерции наиболее эффективны для передачи различных типов информации, может способствовать созданию целенаправленных и результативных материалов, а также разработке более действенных стратегий коммуникации.

Таким образом, визуальные инсерции характеризуются спектром разнообразных функций, связанных с различными аспектами устных публичных выступлений и охватывающих как их рационально-формальные стороны, так и субъективные авторские характеристики. К первой группе относятся функции, направленные на привлечение и удержание внимания аудитории, оптимизацию логики изложения, убеждение путем аргументации, экземплификации, контекстуализации. Ко второй группе следует причислить функции, ориентированные на создание диалога и эмоциональной связи с аудиторией. Данный подход к использованию визуальных инсерций свидетельствует о дублировании всех прагматически значимых компонентов семантической структуры дискурса на уровне его визуального сопровождения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Савчук, Т. Н.* Способы рационального усиления аргументации в письменном дискурсе гуманитарных наук (описание и оценка) / Т. Н. Савчук // Журнал Белорусского государственного университета. Серия : Филология. – 2022. – № 1. – С.16-29.
2. *Майевтика.* – URL: https://dic/academic/ru/dis.nsf/enc_philosophy/2661/ Майевтика (дата обращения: 06.08.2024).
3. *Пескова, О. В.* О визуализации информации / О. В. Пескова // Вестн. МГТУ им. Н. Э. Баумана. Серия: Приборостроение. – 2012. – № 4. – С.158–173.
4. *Вашунина, И. В.* Особенности визуального способа представления информации / И. В. Вашунина // Вестн. Университета Российской академии образования. Серия : Филология и журналистика. – 2008. – №3 – С. 39–43.

Поступила в редакцию 13.09.2024

Сулима Екатерина Сергеевна

аспирант, старший преподаватель
кафедры теории и практики
китайского языка
Минский государственный
лингвистический университет,
г. Минск, Беларусь

Katsiaryna Sulima

PhD Student, Senior Lecturer of the
Department of Theory and Practice
of the Chinese Language
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
sulima.katerina@yandex.by

СИМВОЛИКА НАИМЕНОВАНИЙ ПТИЦ
В РАЗДЕЛЕ «НРАВЫ ЦАРСТВ»
ДРЕВНЕКИТАЙСКОЙ «КНИГИ ПЕСЕН» («ШИЦЗИН»)

BIRDS' NAMES SYMBOLISM IN THE PART "AIR OF THE STATES"
OF THE ANCIENT CHINESE "BOOK OF SONGS" ("SHIJING")

В статье рассматриваются иероглифические знаки с семантикой наименования птиц, их символика и образность в произведениях раздела «Нравы царств» древнекитайской «Книги песни» («Шицзин»).

К л ю ч е в ы е с л о в а: «Нравы царств»; «Книга песен»; «Шицзин»; семантика; символика; наименования птиц; фасцинация.

The article examines hieroglyphic signs with the semantics of birds' names, their symbolism and imagery in the works of the part "Air of the States" of the ancient Chinese "Book of Songs" ("Shijing").

Key words: "Air of the States"; "Book of Songs"; "Shijing"; semantics; symbolism; names of birds; fascination.

«Книга песен» («Шицзин») – уникальный памятник древней литературы, первый в истории Китая сборник поэтических произведений. Несмотря на то, что эта книга, будучи одной из основных в конфуцианском каноне, постоянно находится под пристальным вниманием китайских исследователей, объем научной информации о ней в русскоязычном пространстве крайне ограничен.

В песнях «Шицзин» количество образов, связанных с миром флоры и фауны, поражает воображение. Согласно предварительным подсчетам, в сборнике упоминается 77 видов трав, 43 вида деревьев, 39 видов птиц, 26 видов насекомых, 24 вида млекопитающих, 16 видов рыб. Необходимо отметить, что помимо названий реально существующих представителей фауны, также присутствуют и наименования мифологических существ.

Цель работы – рассмотреть символику и образность, которую приносят в поэтическое произведение иероглифы со значением наименований птиц. Материалом исследования послужили оригиналы текстов первого раздела «Книги песен» 《国风》 («Нравы царств»). В данный раздел включены 160 поэтических текстов 15-ти царств, в 30 песнях 14-ти царств фигурируют 23 наименования птиц (общее количество упоминаний – 35).

Далее приводятся результаты детального изучения текстов песен, содержащих иероглифические знаки с семантикой наименования птиц, и комментариев китайских ученых к ним, а также выявленные символические значения.

В первой песне сборника 《关雎》 («Выезд невесты» (I, I, 1)¹) мы столкнулись с проблемой трактовки названия 雎鳩 [jū jiū], так как до сих пор существуют разногласия в вариантах понимания того, как выглядела эта птица [2; 3; 4; 5, с. 290–295]. Наиболее распространенные варианты – скопа (водный орел) [3, с. 2–3], утка (кряква) [4, с. 80], разновидность водоплавающей птицы [2, с. 2]. А. А. Штукин пишет: «селезень с уткой в Китае с древности являются символом супружеской любви и целомудрия» [1, с. 315]. Такой же точки зрения придерживаются и китайские специалисты.

Классическим символом супругов, свадьбы в китайской культуре является образ сороки. Наименование этой птицы фигурирует и в текстах «Шицзин». Однако в песне 《鹊巢》 («Выезд невесты» (I, II, 1)) пару ей составляет не птица того же вида, как мы наблюдали в предыдущем примере, а 鳩 [jiū]: в древности этот иероглиф кодировал наименования пяти различных видов птиц, современные китайские исследователи утверждают, что здесь подразумевается ‘кукушка’ [2, с. 24; 3, с. 24]).

维鹊有巢，	Сорока свила для себя гнездо –
维鳩居之。	Голубка поселится в нем.
之子于归，	В пути новобрачная, сто колесниц
百两御之。	Встречают ее с торжеством.

¹ Здесь и далее перевод названий и текстов песен дается в соответствии с переводом А. А. Штукина, прилагается также нумерация: первый символ – название раздела, второй – подраздела, третий – номер текста песни [1, с. 342–351]. Отметим, что приведенный перевод не является единственным (полный перевод сборника на русский язык также осуществил В. П. Абраменко). Перевод дается для удобства восприятия материала статьи, семантический анализ песни осуществлялся исключительно на основе оригинальных китайских текстов.

Большинство специалистов полагают, что это свадебная песня, которая исполнялась в качестве пожелания знатной невесте счастливого брака. По словам Ли Шичжэня, кукушка сама гнездо не вьет, а занимает гнездо сороки. Таким образом, сорока является символом жениха, совершившим все приготовления для приезда невесты, а кукушка – символом невесты. Однако некоторые специалисты утверждают: это песня-жалоба благородной женщины о том, что ее муж приводит в дом другую невесту (видимо, наложницу, заключает повторный брак или союз, не соответствующий принятым нормам). И хотя Ван Сюэмэй не видит в радостном настроении песни оттенков горести, нам эта трактовка кажется более достоверной. Известная поговорка 鳩居鵲巢 ‘горлица своего гнезда не строит, живет в гнезде сороки’ (о жене, перешедшей в дом мужа) [7, с. 522] происходит именно из этой песни. Ван Сюэмэй отмечает: первоначальное значение песни потом расширилось до «занимать чужой дом, чужое место» [2, с. 23], что также может подтверждать наши предположения.

Иероглиф 鳩 [jiū] присутствует и в песне 《氓》 («Ты юношей простым пришёл весной» (I, V, 4)), но трактуется как ‘горлица’. Это песня-предупреждение женщины, подвергшейся жестокому обращению с ней супруга. Существует поверье, что горлицы любят плоды шелковицы, но, наевшись, могут опьянеть [2, с. 121]. Таким образом, горлицы символизируют девушек, которым нужно быть осторожнее в выборе спутника.

Наименование птицы 鸚鳩 [shījiū] видим в одноименной песне 《鸚鳩》 («На той шелковице голубка сидит» (I, XIV, 3)). Китайские исследователи утверждают, что это ‘кукушка’, и отмечают, что в данной песне этот образ является мужским. В тексте говорится, что у кукушки есть семь птенцов (в значении ‘много’). В древнем Китае люди верили, что у кукушки отношение ко всем птенцам одинаково справедливое [2, с. 295], в данной песне это выражение используется в качестве метафоры, показывающей успехи и влияние не только правителя, благородного мужа, но и его детей.

Вернемся к образу сороки, который также фигурирует в тексте 《防有鵲巢》 («Вьёт гнездо сорока на плотине» (I, XII, 7)). Лейтмотив песни – сокрушение влюбленного человека (супруга или супруги) о том, что другие люди посредством обмана и клеветы сеют раздор в паре:

防有鵲巢，	Вьёт гнездо сорока на плотине;
邛有旨苕。	На горе хорош горошек синий.
谁俯予美？	Кто сказал прекрасному неправду？
心焉忉忉。	Сердце скорбь наполнила отныне.

Как уже было сказано, сорока в Китае является символом супружеского счастья, однако в данной песне первые две строки каждой строфы описывают неправдоподобные факты: сороки вьют гнезда на деревьях, а не на плотине, а камыш (есть разные варианты перевода, однако это наименование растения, произрастающего во влажной почве) растет не на горе, а возле водоема¹.

Иероглиф 鵲 ‘сорока’ также встречается в зачине к песне 《鵲之奔奔》 («Четой перепёлки кружат у гнезда» (I, IV, 5)):

鵲之奔奔，	Четой перепелки кружат у гнезда;
鵲之彊彊。	Четую повсюду сороки кружат.
人之无良，	Недобрый он был человек, говорят,
我以为兄。	А мной почитался как старший мой брат.

По поводу смысла данного текста есть разногласия, однако все исследователи единодушны в том, что в нем осуждается, высмеивается недоброе поведение правителя царства Вэй. Но и в этой песне 鵲 ‘сороки’ и 鵲 ‘перепелки’, летающие парами, – символы супругов.

В песне 《燕燕》 («То ласточки» (I, III, 3)) ласточки, парящие парами, являются знаком совместности, который выступает контрастом вынужденного расставания женщины с ее сестрой. Это первое в истории китайской литературы произведение о горести прощания.

В песне 《伐檀》 («Удары звучат далеки, далеки» (I, IX, 6)) 鵲 ‘перепелка’ упоминается как название добычи для пропитания, однако акцентируется внимание на постепенном уменьшении размера добычи (сначала иероглиф 貍 ‘барсук’, затем 特, в контексте данной песни обозначающий ‘крупное животное’, и 鵲 ‘перепел’), что говорит о жадном, но ленивом хозяине, который хочет завладеть всем, не прилагая никаких усилий [2, с. 218].

Наименование птицы 雀 [què] ‘воробей’ встречается единожды в 《行露》 («Песня невесты, отвергающей жениха» (I, II, 6)). В ней женщина говорит о том, что она отказывается от нежеланного брака или брака, заключенного вразрез с принятыми нормами. А. А. Штукин дает следующий комментарий: «воробьи живут под пробитою кровлей, но это не значит, что у них есть рога, <...> наш брачный обряд не был закончен, и твоё обращение в суд не является доказательством существования брака между нами, как и пробитая кровля – доказательством наличия рогов у воробья» [1, с. 316]².

¹ Видимо, появление в переводе несуществующего «синего горошка» – дань строгому соблюдению определенной рифмы и количеству слов в строке.

² Обращаем внимание, что символика воробья в контексте «Книги песен» не раскрывается.

Наименование еще одной маленькой птицы 黄鸟 [huáng niǎo] ‘иволга, канарейка’ – одно из наиболее частотных в «Книге песен» (во всем сборнике по частотности уступает только гиперониму 鸟 ‘птица’). В разделе «Нравы царств» упоминается в песнях: 《葛覃》 («Стебли простерла далеко кругом конопля» (I, I, 2)), 《凯风》 («Песнь о сыновьях, которые не сумели покоить старость матери» (I, III, 7)) и 《黄鸟》 («Там иволги» (I, XI, 6)).

По словам Ван Сюэмэй, 《葛覃》 («Стебли простерла далеко кругом конопля» (I, I, 2)) – песня добродетельной замужней женщины, собирающейся в дорогу, чтобы навестить своих родителей. Это очень редкое и радостное событие, требующее большой подготовки, этапы которой четко прослеживаются в тексте, а именно: сбор конопли (использовалась в древнем Китае в качестве сырья для изготовления ткани), отваривание, изготовление полотна, пошив, оценка удобства такой одежды) [2, с. 4–6]. В качестве зачина используется описание природы, в которой фигурируют 黄鸟 [huáng niǎo] ‘иволги’ (о множественном числе птиц свидетельствует строка 集于灌木 ‘сели на кусты и деревья’).

Проанализировав содержание поэтического текста, можно предположить, что иволги символизируют женщин, поющих и собирающих растения, или женщин одной семьи, которые, выйдя замуж и находясь далеко от дома, наконец имеют возможность встретиться. Как сказано в тексте, пение иволги 啾啾 ‘гармонично, мелодично’, что также добавляет ощущения радости и красоты.

В песне 《凯风》 («Песнь о сыновьях, которые не сумели покоить старость матери» (I, III, 7)) 黄鸟 ‘иволга’ и ее пение также связаны с радостью, однако основной мотив звучит печально, несколько обреченно. Текст песни принадлежит сыну, обвиняющему себя в том, что не смог воздать своей матери достойную брагодарность за труды. Песня завершается параллелизмом, усиливающим фасцинационное¹ воздействие произведения: образу иволги противопоставляются образы семи сыновей, прекрасному пению – невозможность утешить мать.

В тексте песни 《黄鸟》 («Там иволги» (I, XI, 6)) описано недовольство народа древним обычаем захоронения приближенных к правителю царства людей в случае его смерти. В «Цзо чжуань» (《左传》) записано: Му Гун, правитель царства Цинь, умер, и народ, оплакивая преданных погребению вместе с покойником трех благородных чиновников и сыновей рода Цзы Цзюя (Янь Си, Чжун Хана и Чжэнь Ху), описал эти события

¹ Подробнее о разграничении информации и фасцинации см. работу Ю. В. Кнорозова «К вопросу о классификации сигнализации» [6, с. 28–39].

в песне «Иволги»¹. В двухтомнике «Шицзин» авторства Ван Сюэмэй сказано, что согласно трактату «Исторические записки (Основные записи царства Цинь)» вместе с Му Гуном погребли 177 человек [2, с. 256]. Пение иволги выступает как усилитель: на его фоне ощущение радости становится еще ярче, а чувство печали, учитывая контраст, становится невыносимым.

Ван Сюэмэй [2, с. 257] и Ло Юймин [3, с. 230] отмечают: иволги слетаются на разные деревья – символ 不得其所 ‘напрасной смерти, погребения не должным образом’. Ван Сюэмэй добавляет, что существует другой, требующий внимания, вариант трактовки, в котором каждое наименование дерева обладает двойным значением (возникает своего рода семантическая и фонетическая метафора: визуальный ряд строится на образе дерева, аудиальный – на соотнесенности с определенной эмоцией. – Е. С.): «棘, 指紧急; 桑, 指悲伤; 楚, 指痛楚» [2, с. 257], что можно перевести как ‘терновник (jì) обозначает тревогу, чрезвычайность, напряженность [ситуации] (jǐnjí); тутовое дерево или шелковица (sāng) – печаль, горе (bēishāng), прутья (chǔ) – боль, страдания (tòngchǔ)’. Сказанное позволяет сделать вывод: в этом тексте образ иволги является положительным, птицы символизируют людей добродетельных, но напрасно погибших.

Примером образа недобродетельного чиновника может быть 鶡 ‘пеликан’. Встречается это наименование птицы в песне 《侯人》 («Ходят они на приёмы» (I, XIV, 2)) и символизирует новых чиновников, не соответствующих занимаемой должности, однако живущих в роскоши, словно пеликаны, сидящие на заколе, но не удосужившиеся в поисках рыбы замочить ни крылья, ни клювы. В песне для создания большего контраста говорится о бедности простого народа. Стоит обратить внимание на перевод наименования птицы. Согласно китайским источникам правильным будет перевод ‘пеликан’, однако в Большом китайско-русском словаре приводится значение ‘баклан’: «鶡翼 бакланье крыло (обр. о негодном сановнике, незаслуженно занимающем доходный пост, не принося пользы государству; по метафоре в песне 侯人 из «Шицзина» 维鶡在梁, 不濡其翼 Там на плотине баклан сидит, он крыльев не замочит – не нырнёт за рыбой)» [7, с. 519].

Одной из песен-жалоб простого народа на нелегкую долю является 《鶡羽》 («Гуси» (I, X, 8)). В ней поется о многочисленных тяготах солдат, отправленных в дальние края нести службу, о том, что такая жизнь совсем не соответствует природе человека, о желании поскорее вернуться домой и быть опорой для родителей.

¹ 《左传》载：秦穆公卒，“以子车氏之三子奄息、仲行、鍼虎为殉，皆秦之良也。国人哀之，为之赋《黄鸟》” [3, с. 230].

肃鸨羽，
隼于苞栩。
王事靡盬，
不能蓺稷黍，
母何怙？

То дикие гуси крылами шумят,
К могучему дубу их стаи летят –
На службе царю я усерден, солдат.
Я просо не сеял, забросил свой сад.
Мои старики без опоры... Мой взгляд ...

Наименование птицы 鸨 переводится как «дрофа», в народе эту птицу называют «дикий гусь». Как отмечает Ван Сюэмэй, у этих птиц на лапах отсутствует задний (противопоставленный остальным) коготь, что не позволяет им держаться на дереве [2, с. 234]. Более того, у дроф очень мощные ноги, они предпочитают перемещаться по земле, гнезда строят также на земле, в листве. Поэтому вполне понятна ассоциация данной птицы, не приспособленной к дальним полетам, с человеком, привыкшим вести крестьянскую оседлую жизнь. Можно заключить, что образ дроф в этой песне символизирует мужчин, вынужденных отправиться в дальние края нести службу.

Образ же именно птицы ‘гусь’ передается иероглифом – 雁 [yàn]. По сравнению с другими текстами «Шицзин», композиция песни царства Чжэн 《女曰鸡鸣》 («Жена сказала» (I, VII, 8)) очень необычна. Автор песни вводит словами 女曰 ‘женщина (жена) говорит’ и 士曰 ‘мужчина (муж) говорит’ начало утреннего диалога между супругами. Эта песня – дуэт, теплый разговор любящей пары об их планах: о походе на охоту, приготовлении еды, встрече гостей; символизирует благополучный брак. В первой строфе мы видим сразу наименования трех птиц: 雁 [yàn] ‘гусь (гуменник)’, 鳧 [fú] ‘дикая утка’, 鸡 [jī] ‘петух’:

女曰：“鸡鸣。”

Жена сказала: «Петух пропел».

士曰：“昧旦。”

Ей муж ответил: «Редет мрак».

“子兴视夜，
明星有烂。”

«Вставай, супруг мой, и в ночь взгляни,
Рассвета звезды горят, пора!

“将翱将翔，
弋鳧与雁。”

Спешите на охоту, супруг, живей –
Гусей и уток стрелять с утра!»

Как и в другой песне-дуэте 《鸡鸣》 («Слышу, давно уж пропел петух» (I, VIII, 1)), в этом тексте пение петуха означает наступление утра, в отличие от песни 《君子于役》 («Тоска о муже» (I, VI, 2)), в которой куры, вернувшиеся на насест, символизируют наступление вечера. Однако необходимо дать более подробный анализ приведенного выше текста и его перевода. Судя по переводу, строки 3–6 являются репликами супруги, однако в оригинале ей принадлежат только строки 3 и 4, а 5 и 6 – ответная реплика мужа. Песня состоит из трех строф, в переводе на русский язык только в первой строке есть реплика мужа “Редет мрак”, однако в

оригинале первая строфа – последовательное чередование реплик женщины и мужчины, весь второй куплет исполняет женщина, а весь третий – мужчина. Это кардинальным образом меняет смысл песни: воспринимаемая носителем русского языка как женская песня-восхваление супруга, она изначально являлась дуэтом-признанием во взаимных глубоких чувствах.

Перевести буквально реплику мужа из первого куплета можно так: «Птицы скоро поднимутся в небо, // [Пойду] постреляю уток и гусей». На первый взгляд в данной песне гуси и утки – лишь наименование дичи, используемой для пропитания. Однако подношение гуся было первым из этапов “六礼” – шести свадебных обрядов древности, который именуется “纳采” ‘посылка первого подарка в дом невесты в знак помолвки’. Традиция посылать в дом невесты гуся берет начало от указа Чжоу Гуна (около XI в. до н. э.), а сам гусь является символом не только предстоящей свадьбы, но и супружеской верности (эта птица моногамна, в случае гибели партнера союза повторно не создает), а также, согласно китайской философии, символом “阴趋阳” ‘инь стремится к ян’ (как гуси обычно летят с севера на юг, стремятся к теплу, так и жена следует за своим мужем). Более того, в древности “婚礼” ‘свадебная церемония’ также именовалась “奠雁礼” ‘церемония (обряд) подношения гуся’ [8]. Таким образом, упоминание знака 雁 ‘гусь’ в песне 《女曰鸡鸣》 («Жена сказала» (I, VII, 8)) может символизировать любовь и верность супругов, счастливую жизнь в браке.

Такое же символическое значение названия птицы 雁 ‘гусь’ наблюдается и в другой песне «Шицзин» – 《匏有苦叶》 («У тыквы зелёные листья горьки» (I, III, 9)). По словам китайских исследователей, эта песня, которую поет девушка осенним утром на берегу реки 济 ‘Цзи’. Она надеется, что ей удастся встретить достойного жениха и до наступления весны (таяния льда на реке) выйти замуж [2, с. 65–66].

В упомянутой выше песне встречается наименование птицы 雉 [zhì] ‘фазан’, являющейся в «Шицзин» символом человека благородного, честного и порядочного, в некоторых песнях есть иероглифы, обозначающие самца и самку фазана. Такой образ, как 雉 ‘самка фазана’, есть символ девушки, ожидающей жениха. Использование образа гусей говорит о том, что другим девушкам их посылают в качестве знака помолвки, а героиня песни все еще одна. Следует подчеркнуть, что в оригинале строка 迨冰未泮 [dài bīng wèi pàn] переводится как ‘поторопись (воспользуйся случаем) пока лёд не растаял’ (в древнем Китае осень и зима являлись наиболее благоприятными сезонами для проведения свадьбы).

В песне 《雄雉》 («Как пёстрый фазан далеко улетает» (I, III, 8)) мы видим образ 雄雉, что значит ‘самец фазана’. Женщина поет о том, как скучает по мужу, который уехал нести службу, фазан представляет образ супруга.

Что касается песни 《兔爰》 («Заяц медлителен» (I, VI, 6)), то в ней под таким образом, как 雉 ‘фазан’, подразумевается сам автор, чувствующий себя в безвыходном положении во время смуты в царстве. Здесь необходимо отметить неточность перевода: согласно комментариям китайских специалистов [2, с. 142–143], автор песни говорит о том, что во времена, когда он родился, в царстве был мир и порядок, а после его рождения начала разрастаться смута, повсюду стали разгораться войны, и он настолько подавлен горем, что не хочет жить (в отличие от перевода, в оригинале нет указания на то, что автор совершил что-то такое, о чем сейчас сожалеет).

Обратимся еще раз к образу птицы, именуемой «гусь». В «Книге песен» этот образ также обозначается иероглифом 鸿 [hóng] ‘гусь гуменник, лебедь’ и присутствует в двух песнях. Однако в одной из них иероглиф 鸿 действительно обозначает вышеназванных птиц, а в другой тот же самый иероглиф может иметь значение ‘жаба, лягушка’¹. Поэтому прокомментируем только текст песни 《九罭》 («С девятью кошелями поставлена сеть» (I, XV, 6)). Согласно переводу, это песня женщины, не желающей расставаться с мужчиной. Среди китайских исследователей существует также другая трактовка: данный текст – восхваление народом Чжоу Гуна, которому во время военного похода на восток удалось примирить четыре царства и принести мир народу царства 邠 ‘Бинь’ [2, с. 318–319]. Люди не хотели отпускать правителя Чжоу Гуна, чрезвычайно важного и дорогого гостя, что и отразили в тексте песни. Кроме того, А. А. Штукин дает такой комментарий к строке «Мы увидели князя – был выткан дракон»: «изображениями дракона могли украшаться только парадные одежды царя и его высших советников. Царская одежда украшалась изображениями взлетающего и опускающегося дракона, а

¹ Комментарий к песне 《九罭》 («С девятью кошелями поставлена сеть» (I, XV, 6)): «鸿, 天鹅, 或大雁 ‘鸿 обозначает «лебедь» или «гусь»’ [3, с. 298]; «鸿: 大雁, 一说天鹅 ‘鸿 обозначает «гусь» или по другой версии «лебедь»’ [2, с. 319]. Комментарий к песне 《新台》 («Новая башня» (I, III, 18)): «鸿就是虾蟆 ‘鸿 это «лягушка, жаба»’ [2, с. 87]; «鸿, 虾蟆 ‘鸿 «лягушка, жаба»’ [3, с. 77].

одежда советника только изображением опускающегося дракона» [1, с. 325]. В данном контексте гуси, летящие далеко и высоко, символизируют высокопоставленного гостя, возвращающегося на запад (поход Чжоу Гуна был на восток, более того, эта песня, фиксирующая факт благополучного похода, не единственная¹). Есть также версия, что это просто песня радушного хозяина, не желающего отпускать дорогих гостей.

Еще одно произведение, в котором присутствуют наименования птиц, повествует о возвращении из военного похода Чжоу Гуна, однако уже от лица солдата. В песне 《东山》 («Возвращение из похода» (I, XV, 2)) мужчина поет о том, что долго не был в родных краях, думает о жене, представляет, как сейчас выглядит его родина. В этой песне упоминаются 鸛 [guàn] ‘аист’ и 仓庚 [cāng gēng] ‘иволга’. В тексте очевиден параллелизм: аисты (в переводе А. А. Штукина «цапли») печально кричат – женщины вздыхают дома, а иволги летают, сверкают прекрасным оперением, символизируют радость, свадьбу.

Иволга также упоминается в первой песне царства 幽 ‘Бинь’ – 《七月》 («Песня о седьмой луне» (I, XV, 1)). В тексте образ поющей иволги выступает фоном к описанию девушки, занятой сельскохозяйственной работой и опечаленной мыслью о возможном замужестве (в древности это могло быть обусловлено расставанием с родителями) [3, с. 273].

В этой песне мы видим название еще одной птицы 鷓 [jú] ‘сорокопут (ифрита)’.

七月鸣鷓，	Кричит балабан о седьмой луне.
八月载绩。	В восьмую – за пряжу садиться жене.
载玄载黄，	Мы черные ткани и желтые ткem,
我朱孔阳，	А ту, что сверкает багряным огнем,
为公子裳。	Что ярче всех и красивей всех,
	Мы княжичу в дар на халат отдаем.

В китайском оригинале «сорокопут» был заменен в переводном тексте на «балабан» (также встречается написание «балобан»). Интересно, что далее упоминаются цвета тканей: черный, желтый, багряный (ярко-красный), – именно те цвета, которые присутствуют в оперении птицы сорокопут, балабан же выглядит как сокол. Поэтому, исходя из текста песни, можно предположить, что образ птицы сорокопут коррелирует с образом правителя княжества. Стоит указать, что эта птица хищная.

¹ См. 《破斧》 («О походе князя Чжоу на восток» (I, XV, 4)).

В разделе «Нравы царств» также присутствуют наименования таких хищных птиц, как 晨风 [chén fēng] ‘сокол, ястреб’, 鸱 [xiāo], 鸱鸢 [chī xiāo] и 流离 [liú lí] – ‘сова’.

Буквальный перевод иероглифических знаков 晨风 – ‘утренний ветер’, однако в одноименном тексте «Книги песен» 《晨风》 («Тоска по мужу» (I, XI, 7)) обозначает ястреба (сокола). С древности и до сих пор существует множество интерпретаций этой песни, но из текста оригинала можно сделать единственный достоверный вывод – образ сокола коррелирует с образом мужчины (мужа, чиновника).

Птица, в современном китайском языке обозначаемая как 猫头鹰 [māotóuyīng] ‘сова’, в «Книге песен» представлена древними вариантами: 鸱 [xiāo] и 鸱鸢 [chī xiāo]. В одной из песен поясняется, что 流离 [liú lí] – это тоже сова (приводится иллюстрация [3, с. 287]), однако есть версия, что данные иероглифы можно трактовать как «странники».

Иероглиф 鸱 ‘сова’ встречается в песне 《墓门》 («У врат могильных» (I, XII, 6)). Согласно комментарию Ван Сюэмэй, древние китайцы считали, что эта птица приносит несчастье [2, с. 274]. Лейтмотив песни – обличение человека в дурных поступках, в которых сам он не раскаивается, за чем неизбежно последует беда. Судя по оригиналу песни, образы могильных врат и слетевшихся сов являются символами несчастья, гибели. Наименование 鸱鸢 ‘сова’ можно увидеть в песне 《鸱鸢》 («О ты, сова» (I, XV, 2)), полностью построенной на иносказании. Ло Юймин, комментируя наименование птицы в обеих песнях, пишет, что она – символ зла, несчастья, плохого человека [3, с. 250, 286]. Этот же ученый прилагает изображение птицы 流离 ‘сова’ к песне 《旄丘》 («Возросла конопля над пологим холмом» (I, III, 12)). Ван Сюэмэй трактует эти иероглифы как «странники, скитальцы» [2, с. 307].

Наименование птицы 乌 [wū] ‘ворона’ упоминается в тексте 《北风》 («Северный ветер» (I, III, 16)). В песне описывается мрачная обстановка, сложившаяся в царстве, текст пропитан ощущением приближающейся беды, тревоги. Строку “莫黑匪乌” можно перевести как ‘не бывает в мире ворон не чёрного цвета’, под этим метафорически подразумеваются темные замыслы правителей того времени или теневые политические игроки.

Таким образом, можно сделать следующие выводы о символическом значении наименований птиц в разделе «Нравы царств» древнекитайской «Книги песен»:

- 雌鳩 [jū jīu] кодируют наименования самца и самки скопы (рыбного орла) или, по другой версии, селезня и утки, которые являются символом пары, супружеской любви;
- 鳩 [jiū] ‘кукушка’ представляет образ женщины, которая выходит замуж, переезжает в дом будущего супруга; ‘горлица’ – образ молодой девушки, которой необходимо быть осмотрительной в выборе спутника;
- 鸚鳩 [shī jiū] ‘кукушка’ символизирует правителя, успехи и влияние благородного мужа и его детей;
- 鵲 [què] ‘сорока’ в разных интерпретациях и песнях может кодировать образ супруги, жениха, пары;
- 鶉 [chún] ‘перепел’ – символ пары; большое количество перепелок, приобретенных без труда, олицетворяют жадность хозяина или правителя;
- 燕 [yàn] ‘ласточка’, парящие парами, – символ совместности, общих дел; радости на фоне грусти;
- 黃鳥 [huáng niǎo] ‘иволга, канарейка’ – символ радости встречи, совместной деятельности женщин; добродетельных, но напрасно погибших, благородных людей;
- 倉庚 (鸛鷓) [cāng gēng] ‘иволга’, красивое и трогательное пение этой птицы символически связывается с душевными переживаниями;
- 鶡 [tí] ‘пеликан’ – символ чиновника, не соответствующего занимаемой должности;
- 鶡 [bǎo] ‘дрофа’ символизирует мужчин-крестьян, вынужденных отправиться в дальние края нести службу;
- 鷄 [jī] ‘петух’ символизирует наступление утра, ‘куры’ – вечера;
- 鳧 [fú] ‘дикая утка’, «дичь»; может символизировать супружество;
- 雁 [yàn] ‘гусь’ – символ помолвки, супружеской любви и верности;
- 鴻 [hóng] ‘гусь, лебедь’ символизирует высокопоставленную особу, дорогого гостя;
- 雉 [zhì] ‘фазан’ – символ благородного, достойного человека;
- 鶴 [guàn] ‘аисты’ символизируют женщин, оставшихся дома ожидать мужей из дальних военных походов;
- 鴟 [jú] ‘сорокопут’ может символизировать правителя;
- 晨風 [chén fēng] ‘сокол, ястреб’ – символ мужчины, чиновника;
- 鴞 [xiāo], (鸛鴞) [chī xiāo], 流离 [liú lí] ‘сова’ – символы зла, несчастья, плохого человека;
- 烏 [wū] ‘ворона’ – символ людей с темными замыслами, приближающейся беды.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шицзин: Книга песен и гимнов / пер. с кит. А. Штукина ; подгот. текста и вступ. ст. Н. Федоренко ; коммент. А. Штукина. – М. : Худож. лит., 1987. – 351 с.
2. 诗经 / 王秀梅译注. – 北京 : 中华书局, 2015. – 829 页. = Шицзин / Ван Сюэмэй ; пер. и коммент. Ван Сюэмэй. – Пекин : Китайское книгоиздательство, 2015. – 829 с.
3. 诗经 / 骆玉明解注 ; (日) 细井徇撰绘. – 西安 : 三秦出版社, 2017. – 990 页. = Шицзин / Ло Юймин ; коммент. Ло Юймин ; иллюстр. Си Цзинсюнь (Яп.). – Сиань : Издательство Саньцинъ, 2017. – 990 с.
4. 诗经析读: 全文增订插图本 / 李山著. – 北京 : 中华书局, 2018. – 905 页. = Чтение и анализ «Шицзин» : полный текст с исправлениями, дополнениями, иллюстрациями / Ли Шань. – Пекин : Китайское книгоиздательство, 2018. – 905 с.
5. Кобзев, А. И. Старые проблемы и новый перевод «Ши цзина» / А. И. Кобзев // Общество и государство в Китае. – 2018. – № 2. – С. 261-331. – URL : <http://cyberleninka.ru/article/n/starye-problemy-i-novyy-perevod-shi-tszina> (дата обращения: 02.04.2023).
6. Кнорозов, Ю. В. Избранные труды / Ю. В. Кнорозов. – СПб. : МАЭ РАН, 2018. – 594+II с. ; портрет.
7. Большой китайско-русский словарь : в 4 т. / редкол.: И. М. Ошанин (гл. ред) [и др.]. – М. : Наука, Главная редакция восточной литературы, 1983–1984. – Т. 3. – 1984. – 1104 с.
8. Шесть свадебных обычаев древности : статья / Электронный портал Sohu.com. – URL : https://www.sohu.com/a/214993935_266006 (дата обращения: 13.10.2024).

Поступила в редакцию 13.01.2025

Фань Вэйци

аспирант кафедры языкознания
и лингводидактики
Белорусский государственный
педагогический университет
имени Максима Танка
г. Минск, Беларусь

Fan Weiqi

Postgraduate Student of the Department
of Linguistics and Linguodidactics
Belarusian State Pedagogical University
named after Maxim Tank
Minsk, Belarus

ПРИГЛАГОЛЬНЫЕ СРАВНИТЕЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ
В РОМАНЕ ЮЙ ХУА «ЖИТЬ» И ЕГО ПЕРЕВОДАХ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

ADVERBIAL COMPARATIVE CONSTRUCTIONS
IN YU HUA'S NOVEL "LIVE" AND ITS TRANSLATIONS
INTO RUSSIAN LANGUAGE

В статье рассматриваются сравнительные конструкции в романе Юй Хуа «Жить» и его переводах на русский язык. Характеризуются структуры сравнительных конструкций, включающие наименования людей, животных, артефактов, предметов домашнего обихода и инструментов. Определяются глаголы, непосредственно предвещающие сравнительные конструкции. Выявляются расхождения в тексте китайского оригинала и его переводах на русский язык, которые сводятся к замене сравнительного оборота с союзом *как* на творительный сравнения, а также к введению или пропуску союза *как* в оригинальном тексте и его переводе.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *союз как; сравнительная конструкция; глагол; перевод; русский язык; китайский язык; роман Юй Хуа «Жить».*

Comparative constructions in Yu Hua's novel "To Live" and its translations into Russian are considered. The structures of comparative constructions are characterized, including names of people, animals, artifacts, household items and tools. The verbs that immediately precede comparative constructions are determined. Discrepancies are revealed in the text of the Chinese original and its translations into Russian, which boil down to the replacement of a comparative phrase with a conjunction *like* to an instrumental comparison, as well as to the introduction or omission of a conjunction *like* in both the original text and its translation.

K e y w o r d s: *conjunction like; comparative construction; verb; translation; Russian language; Chinese language; Yu Hua's novel "To Live".*

Сравнительные конструкции являются одним из основных компонентов человеческого познания, национальной языковой картины мира. Они обеспечивают преемственность национальных представлений и осмыслений окружающей действительности посредством сопоставления предметов и явлений действительности и выделения в них как общих, так и различительных признаков.

Современная лингвистическая наука оперирует такими понятиями, как сравнение, сравнительный оборот, сравнительная конструкция, компаратив, в основе которых – логическое мышление и логические операции по установлению сходств сравниваемых предметов и явлений. В сравнениях отражается система устойчивых образов-эталонов, отражающих культурно-национальную специфику этноса.

Многосторонние связи, зависимости и уподобления различных объектов действительности, их представленность в сравнительном аспекте образуют функционально-семантическую категорию компаративности. Главным компонентом такой категории является сравнительная конструкция, включающая три основных элемента:

а) то, что сравнивается (компарат, субъект, предмет, тема, референт сравнения); б) то, с чем сравнивается предмет или явление (компарат, предмет, аналог, образ сравнения); в) основание для сравнения, общие сравниваемые признаки и качества (модуль, база, посредник сравнения) [1; 2; 3, с. 7; 4; 5, с. 2].

Кроме того, выделяется четвертый компонент сравнения, который в качестве структурного элемента сравнительных конструкций представлен союзами *как, будто, словно, точно* и др. В китайском языке также используются многочисленные союзы.¹

Арсенал сравнительных конструкций и видов сравнений во многом зависит от личности автора, его понятийного и абстрактного мышления, мировоззренческих позиций, умения преломить через себя широкий и многогранный мир объективной реальности. Безусловно, использование сравнительных конструкций и других композиционных, стилистических и образно-выразительных средств зависит от содержания романа, поднятых в нем проблем, от особенностей описания происходящих событий, связанных с культурными константами народа, его историей, обычаями, нравами.

¹ Русскому союзу *как* соответствуют китайские союзы 如、像、似、跟、得、一样、那样、犹如, союзу *словно* – 如同、犹如、像、跟, союзу *будто* – 像、仿佛、如同、跟...似的.

В романе известного китайского прозаика Юй Хуа 余华 «Жить 活着» сравнения высвечивают фрагмент бытия китайского народа 60-х годов XX века в его непосредственной связи с окружающей реальностью, той эпохой и тем временем, в котором живут герои повествования. Посредством сравнений автор дает неброские, но меткие характеристики внешнего вида персонажей, их возраста, профессиональной деятельности: *可是后来, 当她三个强壮如牛的哥哥走过来时。 – Но тут показались трое ее старших братьев, могучих, как вола; 有庆正在长身体, 没有粮食吃, 人瘦得像根竹竿。 – Он тогда сильно вытянулся и от голода был худой как щенка; 年纪都快到六十岁了, 眼睛还和猫眼似的贼亮。 – Ему было уже под шестьдесят, но взгляд у него был цепкий, как у кота; 那一年的整个夏天, 我如同一只乱飞的麻雀, 游荡在知了和阳光充斥的村舍田野。 – Все лето я, словно бездомный воробей, странствовал по деревням среди хижин и просторов.*

Главный герой романа – обычный китайский крестьянин Фугуй, образ которого отражается в непосредственной связи с волом (его тоже зовут Фугуй), который символизирует выносливость, терпение, крепость, привязанность к человеку. В начале романа Фугуй обращается к волу: *«Ты знаешь вола, который не пашет? Это древний обычай, и не нам с тобой его менять».* Из этого можно понять, какое важное место занимал вол в крестьянской жизни китайцев: он выполнял тяжелые физические работы, его было легко кормить, он был недорогим, сильным и послушным, и его нельзя было заменить лошадьми, свиньями или другим домашним скотом. Поэтому вол, как и Фугуй, занимает центральное место в повествовании.

В романе даются описания внешнего вида вола, его каждодневного труда:

此刻那头老牛蹲在池塘泛黄的水中, 只露出脑袋和一条长长的脊梁, 我看到池水犹如拍岸一样拍击着那条黝黑的脊梁。 – Старый вол погружился в по-желтые воды пруда, торчали только башка и длинный черный хребет, вода билась о них, как о берег; 牵着它去水边吃草, 就跟拉着个孩子似的。 – И к пруду его [вола] водишь, как ребенка.

В канву повествования включаются темы, отражающие быстротечность жизни человека, мудрость его жизненного опыта: *这辈子想起来也是很快就过来了。 – Жизнь пролетела, как один день; 我们这辈子也算经历了不少事, 人也该熟了, 就跟梨那样熟透了该从树上掉下来。 – Мы на своем веку много повидали. Как груши созревают и падают с ветки, так и мы созрели; 我看到老人的脊背和牛背一样黝黑,*

两个进入垂暮的生命将那块古板的田地耕得哗哗翻动，犹如水面上掀起的波浪。 – Спины у старика и вола были одинаково черные. Оба они уже вступили в осень жизни, но вспаханное ими черствое поле вздымалось волнами, словно река.

Особенно впечатляет заключение романа, в нескольких предложениях которого описывается разговор Фугуя с волом, создается картина уходящего дня и наступления ночи, где земля как бы защищает всех тружеников бескрайних полей, оберегает их под своим покровом, как мать ребенка:

老人说着站了起来，拍拍屁股上的尘土，向池塘旁的老牛喊了一声，那牛就走过来，走到老人身旁低下了头，老人把犁扛到肩上，拉着牛的缰绳慢慢走去。两个福贵的脚上都沾满了泥，走去时都微微晃动着身体。我听到老人对牛说... – Старик поднялся, отряхнулся и поздравил вола. Тот подошел и наклонил голову, чтобы на него надели ярмо. Два Фугуя медленно зашагали по грязи, покачиваясь на ходу. Я слышал их разговор....

我知道黄昏正在转瞬即逝，黑夜从天而降了。我看到广阔的土地袒露着结实的胸膛，那是召唤的姿态，就像女人召唤着她们的儿女，土地召唤着黑夜来临。 – Бескрайние поля засыпали. Опускалась ночь. Земля открывала ей навстречу свою крепкую грудь, как женщина ребенку.

Спецификой сравнений при глаголах является акциональность процессов и действия, непосредственно относящихся к героям романа и их характеристикам. Такие действия в романе «Жить» указывают на:

а) зрительные и слуховые представления: *смотреть (看), гудеть (嗡嗡响), стучать (敲), смеяться (笑), охать (叹气);*

б) особенности движения человека и его отдельных частей: *ковылять (蹒跚), прыгать (跳), мотаться (摆动), бросаться (扑去), подхватить (抬起);*

в) месторасположение: *восседать (端坐);*

г) определенные действия и состояния: *работать (工作, 劳动), устать (疲倦), спать (睡觉).*

Употребление таких глаголов предполагает расшифровку за счет обстоятельств способа совершения действия, степени проявления действия и места (как? каким образом).

К числу наиболее частых объектов сравнения относятся названия животных и птиц, которые составляют зооморфный код, репрезентирующий образы животных и их поведение через призму деятельности человека. Образы животных в определенной степени отражают эталоны сравнений и стереотипные представления о человеке. В компаративных конструкциях используются субстантивы *мышь, кобыла, кошечка:*

我骑在妓女身上经过他的店门时，我丈人身手极快，像只耗子呼地一下窜到里屋去了。 - Когда я шагом ехал на девке мимо лавки, он, как **мышка**, юркал в глубь дома;我经常让她背着我去逛街，我骑在她身上像是骑在一匹马上。 - Я часто ездил на ней по улицам, как **на кобыле**; 凤霞睡着后像只小猫。 - Она спала тихо, как **кошечка**.

Нередко в структуру сравнительного оборота включаются уточняющие прилагательные и существительные: 我重新站起来，像只瘟鸡似的走出了青楼。 - Я опять поднялся на ноги и вышел из «Зеленого терема», ковыляя, как **больной петух**; 被我爹揍死，总比在外面像野狗一样吊死强。 - Пусть уж лучше отец убьет, чем висеть где-нибудь, как **бродячая собака**; 这一看把他吓得傻站在那里一动不动，像只夜里的麻雀一样让连长瞄准。 - Слуга оглянулся и от испуга застыл на месте, словно **ночной воробышек**; 雇工长根就跑起来，我在上面一颠一颠的，像是一只树梢上的麻雀。 - И батрак Чангэнь бежал, а я восседал на нем, как воробей **на верхушке дерева**.

В качестве компонентов сравнительных конструкций включаются наименования человека и частей тела: 丝毫没有离开的想法，我像个哨兵一样在那棵树下守着他。 - Фугуй с волом отдохнули и пошли работать в поле, а я ждал их под деревом, **будто часовой**; 他像个穷人一样恭敬地说：“不用，不用，进屋喝口茶吧。 - Он почти-точно ответил, как **бедняк**: «Что вы, что вы. Испейте чаю»; 他还以为我是被那些女人给折腾的，他不知道我破产了，我和一个雇工一样穷了。 - Он думал, что меня измотали женщины, не знал, что я разорен, беден, как **батрак**; 一条毛巾挂在身后的皮带上，它像尾巴似的拍打着我的屁股。 - На голове у меня была широкополая соломенная шляпа, на ногах тапки, сзади с ремня свисало полотенце, хлопавшее по заду, **точно хвост**.

В идиостиле Юй Хуа встречаются компаративы с субстантивированными прилагательными: 仆人这时才突然明白似的，一转身就疯跑起来。 - Тут слуга вдруг понял, что надо делать, понесся как **угорелый**; 当我站起来告辞时，突然发现自己像个孕妇一样步履艰难了。 - Я стал прощаться, поднялся и вдруг ощутил, что меня, как **беременную**, не держат ноги; 那手像是煮熟了一样，烫得吓人。 - Она была горячая, будто **вареная**.

Нередко уподоблению подвергаются названия артефактов, утвари, предметов домашнего обихода, овощей и фруктов (фонарь, бубенчики, помидор, вата, мешок риса, сноп соломы): 她走路时两片大屁股就像挂在楼前的两只灯笼，晃来晃去。 - При ходьбе ее зад мотался, как два **фонаря** у входа в «Терем»; 家珍的脑袋像是拨郎鼓那样摇晃了几下。 - Ее голова мотнулась туда-сюда, как **бубенчики**; 那天凤霞被迎出屋去时，脸蛋红得跟番茄一样。 - По улице

она так и шла с опущенной головой и красная, как **помидор**; *那时还下着雪, 凤霞身上像是盖了棉花似的差不多全白了。* – Снег укутал ее, словно **вата**; *脑袋昏昏沉沉像是肩膀上扛了一袋米。* – Голову было так же тяжело таскать на плечах, как **мешок риса**; *家珍身上一点肉都没有了, 扶着她就跟扶着一捆柴禾似的。* – Поднимать ее было легко, словно **сноп соломы**.

К числу индивидуально-авторских следует отнести включение в состав сравнительных оборотов словосочетания *осиное гнездо, капли дождя, лодка на речных волнах, вода из таза, выплеснутая вода*: *脑袋里空空荡荡, 像是被捅过的马蜂窝。* – Голова гудела, как **осиное гнездо**; *高跟鞋敲在石板路上, 滴滴答答像是在下雨。* – Ее высокие каблуки стучали по камням, как **капли дождя**; *压在我的上就像睡在船上, 在河水里摇呀摇呀。* – В постели я колыбался на ней, как **лодка на речных волнах**; *眼看着桌上小山坡一样堆起的钱, 像洗脚水倒了出去。* – Я проиграл несколько раз подряд, глядя, как горка монет на столе утекает, словно **вода из таза**; *可是想想嫁出去的女儿就是泼出去的水。* – Замужняя дочь – что **выплеснутая вода**.

Не так часто в романе представлены образные сравнения поучительного характера, включающие несколько субстантивных единиц: *赌博全靠一双眼睛一双手, 眼睛要练成爪子一样, 手要练成泥鳅那样滑。* – В игре вся сила в глазах и руках. Глаза должны **хватать, как когти**, а руки **скользить, как угри**.

Из приведенных примеров видно стремление переводчика Романа Шапиро воссоздать картину описываемых событий, не упустить из зоны внимания художественные детали и способы создания образных характеристик героев романа, правдиво отразить их эмоциональное состояние. В сравнениях необходимо учитывать специфику образно-выразительных средств языка, которые используются автором не только под влиянием своего жизненного опыта, но и фактов истории и культуры, особенностей менталитета китайского народа. При сравнении оригинала и перевода текста романа выявлены некоторые трансформации контекстов со сравнительными конструкциями, которые в определенной степени влияли на точность репрезентации эмоциональности и оценочности текста. Укажем на некоторые из них:

1. Вставка в русский перевод сравнительного оборота с союзом *как*, отсутствующего в оригинале романа. Примеры такого включения представлены в табл. 1.

Вставка в переводной текст сравнительного оборота

Китайское выражение и его перевод на русский язык	Трансформации исходного текста
<p>这辈子想起来也是很快就过来了。 – Жизнь пролетела, как один день.</p>	<p>В оригинальном тексте говорится о том, что <i>жизнь проходит очень быстро</i> (словосочетание <i>один день</i> отсутствует).</p>
<p>想想自己才挑了一天的钱就累得人都要散架了。 – Подумать только, я таскал деньги всего один день и устал, как кляча.</p>	<p>В китайском тексте выражение 散架 означает ‘развалиться на части’, ‘валиться с ног, падать от усталости’ (слово <i>кляча</i> отсутствует).</p>
<p>人要是累得整天没力气, 就不会去乱想了。 – Когда человек устает, как собака, ему не до дурных мыслей.</p>	<p>В фрагменте оригинала 人要是累得整天没力气 повествуется о том, что человек настолько устал, что у него нет сил работать целый день (в перевод вводится слово <i>собака</i>).</p>
<p>好几个人都端起枪来打他, 连长哇哇叫着跳来跳去在雪地里逃远了。 – С капитана слетела вся важность, он заохал, запрыгал, как заяц, и затерялся в снежной равнине.</p>	<p>В оригинале 跳来跳去 идет речь о движении в разные стороны (<i>прыгать туда-сюда</i>), сравнение со словом <i>заяц</i> не используется.</p>
<p>我一看那颗骰子果然是七点, 脑袋嗡了一下。 – Когда я увидел, что и вправду выпало «семь», голова загудела, как котёл.</p>	<p>Выражение 脑袋嗡了一下 означает, что <i>голова загудела</i> (в китайском тексте слова <i>котел</i> не используется).</p>
<p>谁知道凤霞看着看着竟然走了上去。走到新娘旁边, 痴痴笑着和她一起走过去。 – И вдруг она засмеялась, как дурочка, и пошла за невестой, продолжая на нее пялиться.</p>	<p>В китайском контексте 痴痴笑着 и 和她一起走过去 описывается ситуация, когда <i>женщина идет с глупой улыбкой</i> (сравнение <i>как дурочка</i> в тексте оригинала не приводится).</p>
<p>我心里咚咚乱跳, 不知道该怎么办? – Сердце у меня заколотилось, я стоял, как потерянный.</p>	<p>В тексте оригинала 不知道该怎么办 говорится, что [человек] <i>не знает, что делать</i> (сравнение <i>как потерянный</i> в тексте оригинала не приводится).</p>
<p>我们三个人去扛了几袋米回来, 铺在坑道当睡觉的床, 这样躺着就不怕子弹打得身体难受了。 – Мы втроем притащили несколько мешков риса и стали спать на них, как на матрасах – теперь пули нам не мешали.</p>	<p>В оригинале 铺在坑道当睡觉的床 означает, что <i>используется как кровать для сна в окопе</i> (сравнение <i>как на матрасах</i> в тексте оригинала не приводится).</p>
<p>个头比凤霞矮的二喜一把将凤霞抱到了车上。 – Эрси, хотя был ниже ее на голову, подхватил ее, как пушинку, и мигом усадил.</p>	<p>В оригинальном тексте выражение 二喜一把将凤霞抱到了车上 означает, что Эрси отнесла Фэнся к тележке (сравнение <i>как пушинку</i> не приводится).</p>

2. Наличие в тексте оригинала сравнительного оборота и его отсутствии в переводном тексте (см. табл. 2).

Таблица 2

Отсутствие в тексте перевода сравнительного оборота

Текст оригинала	Перевод на русский язык
拿一把他们递过来的扇子, 尝尝他们 和盐一样 (как соль) 咸的咸菜 。	Я обмахивался чьим-нибудь веером, ел их соленья <u>солонее соли</u> .
他脑袋垂着, 眼睛却 跟钉子似的 (как гвозди) 钉在龙二那双手上 。	Опустив голову, он <u>буравил</u> глазами руки Лун Эра.
那两条腿就和鸟爪一样 (как птичьи когти) 有劲 。	И даже в шестьдесят с лишком мог подолгу просиживать над корытом на своих <u>жилистых птичьих лапках</u> .
我爹打着饱嗝, 那声响 和青蛙叫唤差不多 (почти как крик лягушки), 走出屋去, 慢吞吞地朝村口的 粪缸 走去。	Каждый день под вечер отец, рыгая, <u>почти квакая</u> , от сытости, выходил из дома и неспешно направлялся к отхожему корыту за околицей.
我丈人当时的脸就 和松花蛋一样 (как консервированные яйца)。	Лицо тестя принимало цвет тухлого яйца.

3. Вместо сравнительного оборота с союзом как в тексте перевода используется конструкция с творительным падежом существительного: *殷勤地替我打上来一桶水, 随后又**像耗子一样** (как мышь) 窜进了屋里。* – *Заботливо набрал целую бадью, после чего **мышью** юркнул обратно в дом.*

4. Замена в сравнительных конструкциях слов на их синонимические соответствия. Так, в китайском тексте в сравнительном обороте используется существительное *вода (如同水一样 – как вода)*. В переводе вместо *вода* используется субстантив *море*: *看上去是那么的广阔, 天边无际, 在夕阳之中**如同水一样**泛出片片光芒。* – *Теперь они казались бескрайними и сверкающими, словно **море**.*

Такая же ситуация наблюдается при переводе фрагмента текста с зоонимами. Так, в оригинале текста употребляется сравнение с зоонимом *скотина (牲畜 – скотина)*, в переводе существительное *скотина* заменено на *зверь*: *好在那时飞机不再往下投大米, **改成投大饼, 成包的大饼一落地, 弟兄们像牲畜一样**扑上去乱抢。* – *С самолетов начали сбрасывать галеты, солдаты бросались на них, как **звери**.* Используемое в романе сравнение *做牛做马 (работать как вол)* в переводе заменено на сравнение с субстантивом *скотина* с более широким гиперонимическим значением: *想看看那户人家是不是让凤霞**做牛做马地**干活。* – *Не заставляют ли ее там работать, как **скотину**.*

В китайском тексте используется словосочетание *вываренные остатки (остаток после отвара традиционной китайской медицины) (成药渣了 – как вываренные остатки)*. В переводе используется *выварить в кипятке*: *瞧你这样子, **都成药渣了**。* – *«Ну и вид у вас – будто **выварили в кипятке**».*

Таким образом, сравнительные обороты в романе Юй Хуа «Жить» демонстрируют индивидуальный стиль автора, его мировоззрение, способ мышления, ассоциативный характер восприятия действительности и в определенной степени отражают национальную специфику китайского народа, особенности его культуры и истории. В идиостиле Юй Хуа сравнительные конструкции используются не так часто (выявлено чуть более 20 иллюстраций). В структуру сравнительных конструкций включаются наименования представителей животного мира, которые выступают в качестве эталонов сравнений и стереотипных представлений образа человека. Периферию составляют конструкции, в структурах которых актуализируются названия человека, а также артефактов, предметов домашнего обихода, инструментов и других сфер.

Глаголы, непосредственно предваряющие сравнительные конструкции, указывают на зрительные и слуховые представления (*смотреть, гудеть, стучать, смеяться, охать*), особенности движения человека и его отдельных частей (*ковылять, прыгать, мотаться, бросаться, подхватить*), месторасположение (*восседать*), определенные действия и состояния (*работать, устать, спать*).

В процессе перевода наблюдаются структурные и семантические трансформации текста. В переводном тексте могут опускаться какие-либо сравнительные конструкции или, наоборот, в переводной текст вводятся отсутствующие в китайском тексте сравнительные описания. Сравнительный оборот с союзом *как* может заменяться творительным сравнения. Выявлены случаи замены китайских зоонимов и наименований водных пространств на синонимические соответствия русского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Девятова, Н. М.* Сравнение в динамической системе языка / Н. М. Девятова. – М. : Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 320 с.
2. *Захарова, Т. В.* Концепт сравнения и его репрезентация в немецком и русском языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Татьяна Владимировна Захарова ; Башк. гос. ун-т. – Уфа, 2009. – 24 с.
3. *Камышова, А. Е.* Сравнение и его функции в структуре прозаического текста : На материале прозы В. Брюсова : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.08 / Анна Евгеньевна Камышова ; Санкт-Петербург. гос. ун-т. – Санкт-Петербург, 2006. – 23 с.
4. *Маслова, В. А.* Человек в зеркале сравнения / В. А. Маслова // Лингвокультурология. – М. : Издат. центр «Академия», 2001. – С. 142–191.
5. *Черемисина, М. И.* Сравнительные конструкции русского языка / М. И. Черемисина. – М. : КомКнига, 2006. – 272 с.

Поступила в редакцию 22.08.2024

Филимонова Марина Сергеевна

кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры теории и практики
китайского языка
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Marina Filimonova

PhD in Pedagogy, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Theory and Practice
of the Chinese Language
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
marinfill@yandex.ru

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ГЕОМЕТРИЯ КИТАЙСКОЙ ЛОГОГРАММЫ

SEMANTIC GEOMETRY OF THE CHINESE LOGOGRAMS

В данной статье осуществляется анализ геометрии китайской логограммы, которая реализуется на уровне ее пространственной и семантической структуры. Исследуется семантическая геометрия китайских логограмм на примере иероглифов 道、德、经, входящих в название классического канона даосизма «Дао Дэ Цзин».

К л ю ч е в ы е с л о в а: китайский язык; логограмма; семантическая геометрия; семантическая структура; пространственная структура.

This article reveals the analysis of the semantic geometry of the Chinese logograms which realizes on the levels of logogram's semantic structure as well as space structure. The author, taking as an example such logograms as 道、德、经 demonstrates the semantic structure of the Chinese logograms.

Key words: Chinese language; logogram; semantic geometry; semantic structure; space structure.

Геометрия китайской логограммы проявляется на уровне *пространственной структуры* и на уровне *семантической структуры*.

В русской философии идея геометризации предмета или явления как механизм символизации нашла свое отражение в исследованиях П. А. Флоренского и легла в основу его словаря графических символов. Согласно ученому, графический знак есть схематическая имитация того или иного образа и поэтому отождествляется с ним. Например, имитация солнца – круг, а зерна – точка, проросшего зерна – вертикальная линия и т.д. [1].

Пространственная геометрия китайской логограммы

Основополагающей категорией китайской даосской философии является универсальная оппозиция *инь* и *ян* – основных понятий даосизма, – которая также находит свое проявление в пространственной структуре иероглифа. Пространственная композиция китайской логограммы характеризуется расположением двух порядков: порядка *Прежнего неба* (ян, мир «до форм», изначальная пустота, чистая структура) и порядка *Позднего неба* (инь, динамичный мир форм, развертывающийся вовне) [2].

Символом Прежнего неба является круг, Позднее небо отождествляется с квадратом, который, будучи описанным вокруг круга, символизирует внутреннюю прямоу человека, осуществляемую вовне. В сорок первой главе даосского трактата «Дао Дэ Цзин» эта идея выражается в образе квадрата, не имеющего углов. Данная идея также воплощается в пространственной геометрии китайской логограммы, которая традиционно вписывается в квадрат, «но всегда тяготеет к кругу» [2].

Карту Прежнего и Позднего неба часто изображают в виде квадрата, разделенного на девять мини-квадратов (так называемых «Девять двorcов»), при этом угловые квадраты считаются «иньскими», а квадраты, образующие центральную крестовину, – «янскими», отражая фиксацию изменений направления энергии ци [3; 4], а также матрицу представления древних китайцев о форме земной суши, состоящей из девяти континентов [3].

В порядке Прежнего неба (существующего изначально, до проявленных форм окружающего бытия) вверху располагается Небо (Высший Абсолют, сосредоточение непроявленного Дао), а внизу – Земля [2].

Переход Прежнего неба к Позднему осуществляется через центральный квадрат из девяти («Срединный Дворец»), который является одновременно вратами между Прежним и Поздним небом. Ян Прежнего неба смешивается с инь Позднего неба, образуя «правильное» и «дополнительное» положение пяти движений (вода, дерево, огонь, земля, металл) [2].

Данная концепция заложена в пространственную структуру логограммы, где незаполненное поле над ней представляет Небо, а поле под ней – Землю [5]. Основной, базовой, линией логограммы является горизонтальная, символизирующая сакральную границу между Небом и Землей, вертикальная же линия символизирует Человека, погруженного в общий поток Неба и Земли (ян и инь, то есть непроявленного и проявленного Дао) [2].

Вписанная в девятиклеточный квадрат китайская логограмма обозначает «ситуацию» бытия, «процесс различной скорости протекания» [6]. К физическому центру иероглифа стягивается весь знак. Таким образом, при написании логограммы «иньские» клетки, расположенные в углах квадрата, как правило, остаются пустыми, формируя пространство вокруг нее [2].

Китайская логограмма выражает проявленный мир, ее форма традиционно ассоциируется с «телом» человека, так как именно Человек является каналом, по которому Прежнее небо реализуется в «посленебесном» измерении. Форма китайской логограммы описывается в таких терминах, как гу («костяк»), цзинь («жилы»), жоу («мышцы») и сюэ («кровь»). «Костяк» формируется кончиком кисти при написании черт, «жилы» и «мышцы» появляются за счет нажима и поворота кисти, а «кровь» проявляется в туши и ее густоте [4].

Согласно П. Ни, при сохранении основных принципов пространственной геометрии есть все-таки некоторые отличия в написании и расположении иероглифа при письме каллиграфами, принадлежащими к различным философским направлениям Китая. Так, черты логограммы конфуцианца твердые, без торчащих острых углов, что указывает на сдержанность и отсутствие намерения возвыситься над другими; движение кончика кисти по центру штриха выражает идею праведности и срединности. Даос «отдает предпочтение меньшему, а не большему; светлому, а не тёмному; чистому, а не изощренному; простому, а не сложному»; естественное движение кисти дает ощущение «воды, текущей по протекающей стене». Каллиграфия буддиста выглядит «холодной и простой», содержит много пустого пространства, вызывая ощущение отрешенности от мирских дел [7].

С IV в. до наших дней в Китае широко используются прописи с разметкой в виде девяти квадратов, разделенных вертикалью, горизонталью и двумя диагоналями, отражающие пространственную геометрию китайской логограммы. Однако исследование примеров написания иероглифов в прописи показали, что линии иероглифа часто не совпадают с линиями разметки (горизонталь передается с некоторым наклоном, откидные выгнуты по дуге, правая часть логограммы может не быть зеркальным отражением левой части и т.д.) [4; 8].

Это несовпадение обусловлено тем, что фон (пустота) и черты логограммы представляют два разных измерения бытия («прежне-небесное» – фон и «посленебесное» – черты). Черты и фон (пустота) взаимодополняют друг друга, пустота иероглифа возникает только вместе с его чертами. Дугообразные контуры черт придают фону (пустоте) иероглифа «твердость, уплотненность». В свою очередь, фон (пустота) иероглифа имеет форму сферы, в которую под разными углами «входят» его черты [3].

Таким образом, пространственная геометрия китайской логограммы выстраивается в соответствии с принципами Прежнего (центрированность, четкость внутренних связей, «уплотненность» пустоты) и Позднего неба (принципы написания черт логограммы), а их взаимодействие на уровне китайской логограммы, вписанной в девятиклеточный квадрат, позволяет реализовать ситуацию бытия, отражаемую данной логограммой.

Семантическая геометрия китайской логограммы

Входящие в состав логограммы компоненты, выполняющие различные функции, располагаются не в произвольном порядке, а в соответствии с принципом семантической геометрии.

Рассмотрим данное утверждение на примере трех иероглифов: 道、德、经, которые входят в название известного даосского трактата, классического канона даосизма («Дао Дэ Цзин» «Книга о пути и силе»). Традиционная точка зрения гласит, что текст был создан Лао-цзы в VI в. до н.э. – именно той личностью, о которой упоминает историк эпохи древнего Китая Сыма Цянь в своих исторических заметках. Существует утверждение, что «Дао Дэ Цзин» занимает второе место (после Библии) в мире по числу иностранных переводов.

Начнем с анализа семантической геометрии логограммы 道.

Этимологическое значение логограммы 道 供行走的道路 ‘путь, дорога’. Анализ этимологии логограммы 道 показал, что она является фоно-идеограммой и по принципу простой рекурсии (согласно словарю «Шовэнь цзецзы») раскладывается на идеограф 辵 ‘идти и останавливаться, идти (бежать) с остановками’ и фонетик 首 ‘голова’. В словаре «Шовэнь цзецзы» также дается более ранний вариант логограммы, компонентами которой были знаки 首 ‘голова’ и 寸 ‘вершок’ (древнее изображение правой руки с точкой, указывающей на место пульса) [9, с. 49]. Однако наиболее древней формой логограммы 道 является изображение 行 ‘перекресток (современное значение ‘идти’)’, внутри которого присутствовал знак 首 ‘голова’ и знак, который большая часть исследователей отождествляет с иероглифом 止 ‘ступня (современное значение ‘останавливаться’)’ [10, с. 103; 11, с. 509; 12, с. 46], а некоторые – с иероглифом 又 ‘правая рука’ [13, с. 723]. К. В. Карасёва считает, что в древней логограмме внизу был именно иероглиф 又 ‘правая рука’, что подтверждается как различными вариантами логограммы 道 в надписях Цзиньвэнь (XIII–IV вв. до н. э.), так и наличием разнописи этой логограммы, зафиксированной в словаре «Шовэнь цзецзы» (1 в. н.э.) [9, с. 49]. Впоследствии произошло искажение формы знака 又 ‘правая рука’ и он неверно был отождествлен со знаком 止 ‘ступня’. Вследствие чего логограмма приобретает следующее значение: ‘человек указывает рукой дорогу другому человеку’. Ядро значения логограммы – ‘гид, проводник; вести за собой’. Актуализатором в логограмме является знак 又 ‘правая рука’, а модификатором – система знаков 行 ‘перекресток’ и 首 ‘голова’ [14].

Если рассмотреть эту логограмму как ядерную семантическую цепочку, то мы увидим, что *субъект* (инициатор акции) – это *некто* (человек) (субъект опущен, но может быть восстановлен с опорой на модель мира), *акция* – *указывать* (акция опущена, но также может быть восстановлена с опорой на модель мира), *инструмент* – *правая рука*, *объект* – *перекресток (путь)*. *Ситуация* разворачивается следующим способом: *кто-то указывает правой рукой путь на перекрестке*.

Впоследствии значение логограммы путем метафорического переноса расширяется до 道 'Дао', являющегося основополагающим понятием китайской философской мысли. Термин Дао присутствует практически во всех канонических текстах древнего и средневекового Китая. Его смысл пытались понять представители различных философских течений, включая не только самих даосов, но и конфуцианцев, моистов и буддистов [15]. Согласно Л. С. Васильеву, как философская категория Дао появился в древнекитайских текстах не ранее середины I тысячелетия до н.э., выводя на передний план Небо как Высший, Божественный Абсолют, средоточие Дао [16]. До сих пор отсутствует точное семантическое значение этой философской категории, и, хотя во всем мире общепринятым переводом этого термина считается понятие «Путь», этот термин разными переводчиками передается по-разному исходя из контекста [15].

Результаты анализа семантической геометрии древнего изображения логограммы показали, что голова человека с указующей рукой располагается как раз в нижней части перекрестка, который как бы открывается перед нашими глазами, то есть предстает именно в том ракурсе, как это открылось бы нам, если бы мы находились позади человека, указывающего нам путь (рис. 1).

Рис. 1. Семантическая геометрия логограммы 道

Анализ семантической геометрии логограммы 德 привел к следующим результатам. Значение 德 – ‘Дэ, одна из фундаментальных категорий китайской философии, отражение Дао во внутреннем мире человека; добродетель, нравственность, безупречность’, иногда отождествлялась с индийской кармой (что значит путь к спасению, причинно-следственная связь между нашими действиями, решениями и их результатом, нравственное поведение, ведущее к освобождению от перерождений).

Этимологическим значением логограммы 德 является 登高, 攀登 ‘совершать восхождение, подниматься на гору’, ‘подниматься, взбираться; лезть вверх, карабкаться’. В «Комментариях к “Изъяснению письмен и толкованию иероглифов”» появляется значение 迁 ‘изменять(ся)’ [17]. По верованиям последователей даосизма, как уже было сказано выше, Небо является Высшим Абсолютом, сосредоточением непроявленного Дао. Горы, в свою очередь, представляют на земле Небо и Путь к Небу, «тот “верх”, откуда лилось на землю само Время (прошлое в китайском метафизическом представлении обозначалось глаголом 上 ‘верх’)» [18]. Путешествие на гору представляет собой приближение к Дао, высшему закону бытия, может заканчиваться освобождением (от мирских уз), возвращением в изначальное Дао. Известный поэт Древнего Китая Ли Бо в одном из своих стихотворений писал: «Поднимусь на Тяньму, и по осени я / Там возлягу среди скал, отойдя от забот». Соответственно, в конечном итоге значение ‘совершать восхождение, подниматься на гору’ получило метафорическое переосмысление ‘Дэ – отражение высшего закона Дао в мире и человеке, как результат духовного восхождения, добродетель, нравственность, безупречность’.

Анализ этимологии логограммы 德 показал, что она является фоно-идеограммой и по принципу простой рекурсии раскладывается на идеограф 彳 ‘медленно шагать’ и фонетик 德 (dé) ‘1. подниматься, восходить; повышаться, возвышаться; 2. добродетель’. На самом деле изначально в письменах Цзягувэнь эта логограмма имела вид без 心 ‘сердце’, в древности трактовалась следующим образом: 行正、眼正 ‘прямое, искреннее поведение; правильная, трезвая точка (угол) зрения’. Позже в письменах Цзиньвэнь внизу в логограмме появляется 心 ‘сердце’, в результате чего возникла новая трактовка: 行正、眼正、心正 ‘прямое, искреннее поведение; правильная, трезвая точка (угол) зрения; прямодушный в мыслях’. Дело в том, что в китайском мирознании 心 помимо значения ‘сердце’ также имеет значение ‘разум, интеллект; мысль’, таким образом представляя собой место сосредоточения мыслей и идей.

Если рассмотреть эту логограмму как ядерную семантическую цепочку, то мы увидим, что *субъект* (инициатор акции) – *некто* (человек) (субъект опущен, но может быть восстановлен с опорой на модель мира),

акция – двигаться, медленно идти, объект – добродетель. Ситуация разворачивается следующим способом: кто-то медленно двигается по пути к добродетели.

На самом деле 德 является разнописью логограммы 德. Дальнейший рекурсивный анализ этимологии логограммы 德 показал, что это – идеограмма и по принципу простой рекурсии раскладывается на 直 со значениями 1. ‘не извилистый, не кривой’; 2. 正见 ‘правильное воззрение’ (впоследствии было заимствовано буддизмом, термин ‘самма диттхи (одна из ступеней Восьмеричного Пути)’ и 心 ‘сердце’. 直, в свою очередь, является идеограммой. В письменах Цзягувэнь она выглядит своеобразно, представляя собой сочетание 目 ‘глаз; смотреть’ и 一 ‘ровная линия’. Таким образом, в составе логограммы 德 есть компоненты 彳 ‘медленно шагать’, 目 ‘глаз; смотреть’, 心 ‘сердце’, 一 ‘ровная линия’. В письменах Цзиньвэнь логограмма 直 приобретает более сложный вид и состоит из L (yǐn) ‘скрытый; тайный’, 目 ‘глаз; смотреть’ и 十 ‘целиком, полностью; совершенно; весьма; очень’. Сюй Кай, автор комментариев и толкований словаря «Шовэнь цзецзы», сделанных во времена правления династии Тан, дает следующее толкование L (yǐn) : 隱也。今十目所見是直也。 ‘Скрытое, тайное, то, что можно увидеть лишь десятью глазами’.

При рассмотрении семантической геометрии логограммы 德 мы видим, что в левой позиции логограммы располагается компонент 彳 ‘медленно шагать’, в правой позиции сверху находится 目 ‘глаз; смотреть’ и от него вверх отходит – ‘ровная линия’, в правой позиции снизу, под глазом помещается 心 ‘сердце’. Семантическая геометрия логограммы является абсолютно обоснованной: сердце в теле человека находится ниже, чем глаза, что отражается в логограмме. Далее над глазом расположена ровная вертикальная линия, выражающая устремление взора вверх, к Небу. Позиция компонента 彳 ‘медленно шагать’ в левой части логограммы требует дополнительных пояснений.

彳 ‘медленно шагать’ в словаре «Шовэнь цзецзы» (1 в. н.э.) и в «Комментарии к “Изъяснению письмён и толкованию иероглифов”» (Дуань Юйцай, 1815 г.) также имеет значение 象人脛三屬相連也。三屬者，上为股，中为胫，下为足也。 ‘Соединение трех частей: сверху бедро, посередине голень, снизу ступня’. Если рассмотреть варианты изображения логограммы 德 в письменах Цзягувэнь, то обнаруживается, что ступня и голень располагаются в левой (или правой) нижней и в левой (или правой) средней части логограммы, бедро располагается выше. В физическом теле ступня и голень находятся именно в этой позиции по отношению к глазам. Также у 彳 есть значение

与行走、行为和道路有关 ‘связанный с движением, поведением и действиями, намерениями’. То есть имеет как прямое, так и переносное значение, располагается чаще всего в левой позиции.

Фундаментальной категорией даосизма является концепция 阴阳 ‘инь и ян’, выражающая идею универсальной дуализированности мира и реализующаяся в целом ряду оппозиций: темное и светлое, женское и мужское, пассивное и активное, смерть и жизнь, земля и небо и т.д. Согласно трактату «Дао Де Цзин», «Дао рождает одно, одно рождает два (инь и ян), два рождают три, а три рождают все существа. Все существа носят в себе инь и ян, наполнены *ци* и образуют гармонию» [19].

В соответствии с данным учением жилища в Древнем Китае строились фасадом на юг, в результате левая сторона оказывалась восточной, ассоциируясь с солнцем, светом, теплом, жизнью, мужским началом в природе (всем тем, что соотносится с понятием 阳 ‘ян’), правая же сторона оказывалась западной, соотносимой с мраком, смертью, женским началом в природе, т. е. с понятием 阴 ‘инь’[20].

Помимо этого, в мифе о Пань Гу говорится о том, что перед кончиной с его телом произошли огромные изменения: его левый глаз превратился в яркое золотое солнце (Солнце – это манифестация ян), а правый – в серебристую луну (Луна – манифестация инь) Согласно другому мифу Богом Солнца был император-первопредок Фу-Си, а Богиней Луны – Нюйва, что также соотносится с манифестацией 阴阳 (женского и мужского начала) [21]. В конечном итоге данная концепция нашла свое отражение и в языке, например, 男左女右 ‘для мужчины – левая сторона, для женщины правая сторона’.

Необходимо отметить, что в китайской культуре на всех уровнях проявления существует так называемый гендерный перекося, который выражается в том, что мужское начало всегда предшествует женскому началу, движение всегда идет от мужского к женскому началу. Так, например, при сложении знаков для обозначения лиц мужского и женского пола знак, обозначающий лицо мужского пола, всегда будет предшествовать знаку, обозначающему лицо женского пола. Так и в каллиграфии существует правило начертания иероглифов слева направо, а не наоборот.

彳 располагается слева как более значимый компонент логограммы 德 именно благодаря своему значению, так как в китайской культуре поступки, действия 彳 важнее, чем кругозор, точка зрения и мысли: 行正、眼正、心正 ‘прямое, искреннее поведение; правильная, трезвая точка (угол) зрения; прямодушный в мыслях’ (рис. 2).

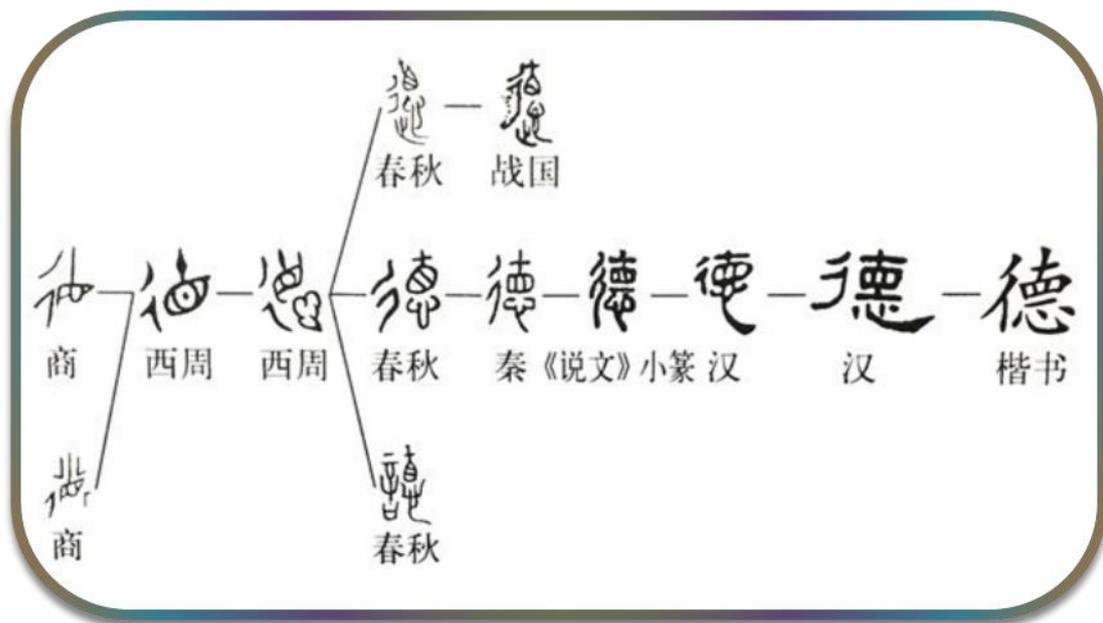

Рис. 2. Семантическая геометрия логограммы 德

Соответственно, 道德 имеет следующие значения: 1) нравственность; честность; добродетель; этика, мораль; 2) даос. дао (высший закон) и дэ (отражение его в мире и человеке); 3) конф. истина (возвещённая древними) и отражение ее (в конфуцианце).

И, наконец, логограмма 经 (jīng) ‘каноническая книга, классический (основополагающий) труд; классики; основополагающий трактат’. Этимологическое значение логограммы – 织物的纵线 ‘продольная линия ткани (основа)’. Анализ ее этимологии показал, что она является фоноидеограммой и по принципу простой рекурсии раскладывается на 糸 ‘нить’ и 罝 (jīng) ‘изображение рамки ткацкого станка с натянутыми на нее продольными нитями’.

Такой состав логограммы является обоснованным: бумага была изобретена в Китае лишь во II в. до н. э., а бумажные книги появились только в VII – VIII вв. Книги-свитки на шелке появились примерно в VII–VI веках до н.э., как раз в это время был создан трактат «Дао Де Цзин». Шелковая книга представляла собой длинный кусок ткани, изготавливаемой из нитей, натянутых на рамку ткацкого станка. Один конец этого длинного шелкового куска ткани крепился к деревянному стержню.

При рассмотрении семантической геометрии логограммы 经 необходимо учитывать, что самое древнее изображение 糸 имело вид нити, выходящей из клубка (или кокона тутового шелкопряда). Шелковые нити натягивались на рамку. Счет нитей основы осуществляется слева направо, а утка – снизу вверх [22]. Таким образом обусловлено расположение компонента 糸 ‘нить’ слева от 罝 ‘изображение рамки ткацкого станка с натянутыми на нее продольными нитями’, символизируя нити основы данного станка.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Флоренский, П. А.* Simbolarium (Словарь символов) / П. А. Флоренский // Труды по знаковым системам. – Тарту, 1971. – Вып. 284. – С. 521–527.
2. *Аганина, Н. С.* Иероглиф : между явленным и сокрытым / Н. С. Аганина, И. Л. Ильмуратова // Культура и искусство. – 2019. – №12. – С. 79–87.
3. *Малявин, В. В.* Пространство в китайской цивилизации / В. В. Малявин. – М. : Феория, 2014. – 372 с.
4. *Белозёрова, В. Г.* Искусство китайской каллиграфии / В. Г. Белозёрова. – М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2007. – 481 с.
5. *Yu, Yo.* Chuugoku shoho thukai / Yo. Yu, K. Yu. – Tokyo : Daishiju Publishing House and Zhejiang Fine Arts Press, 2017. – 217 p.
6. *Торчинов, Е. А.* Беззаботное скитание в мире сокровенного и таинственного : М. Хайдеггер и даосизм / Е. А. Торчинов // М. Хайдеггер : pro et contra : рецепция и трансформация идей Мартина Хайдеггера в русской философской мысли : антология. – СПб. : Изд-во Рус. христианской гуманитар. академии, 2020. – С. 501–534.
7. *Ni, P.* Moral and Philosophical Implications of Chinese Calligraphy / P. Ni // Grand Valley Review. – 1999. – № 20 (1). – P. 18–31.
8. *Shirokawa, Sh.* Jyoyojikai / Sh. Shirokawa. – Tokyo : Heibon-sha, 2012. – 359 p.
9. 许, 慎。说文解字 : 新版 / 许慎。 – 上海 : 上海教育出版社, 2003。 – 413页。
10. 叶, 柏来。解文说字 / 叶柏来。 – 广州 : 华南理工大学出版社, 2005。 – 372页。
11. 左, 民安。细说汉字 / 左民安。 – 北京 : 九州出版社, 2005。 – 574页。
12. 熊, 国英。图释古汉字 / 熊国英。 – 济南 : 齐鲁书社, 2006。 – 321页。
13. 汉字源流字典 / 谷衍奎编。 – 北京 : 华夏出版社, 2003。 – 863页。
14. *Карасёва, К. В.* Принципы декодирования китайских логограмм и реконструкция их семантики / К. В. Карасёва. – Минск : РИВШ, 2014. – 202 с.
15. *Коблякова, А. А.* Термин «Дао» – трудности перевода / А. А. Коблякова // Экономические стратегии. – 2015. – № 9. – С. 130–137.
16. *Васильев, Л. С.* Дао и Брахман : феномен изначальной верховной всеобщности / Л. С. Васильев // Дао и даосизм в Китае. – М., 1982. – С.134–158.
17. 段, 玉裁。说文解字注 / 段玉裁。 – 上海 : 上海古籍出版社, 1988。 – 1064页。
18. *Ли, Бо.* Пейзаж души : Поэзия гор и вод / Ли Бо ; пер. с кит. С. А. Торопцева. – СПб. : Азбука-классика, 2005. – 320 с.
19. *Лао, Цзы.* Дао Дэ Цзин / Лао Цзы. – СПб. : Азбука, 2023. – 144 с.
20. *Ван, Хуа.* Номинации сторон света в китайской и русской лингвокультурах / Ван Хуа, И. И. Бабенко // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. – 2021. – №3 (215). – С. 49–57.
21. *Стефановская, С. В.* Специфика коннотативных значений лексических единиц 右 право и 左 лево в китайской культуре / С. В. Стефановская // III Готлибовские чтения : Востоковедение и регионоведение Азиатско-Тихоокеанского региона в фокусе современности. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2019. – С. 389–397.
22. *Цветкова, Н. Н.* Искусство ручного ткачества / Н. Н. Цветкова. – СПб. : Изд-во СПбКО, 2014. – 217 с.

Поступила в редакцию 10.10.2024

Чжан Сьюй

аспирант

Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Zhang Siyu

Postgraduate Student

Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
siyuzhang53@gmail.com

СТРАТЕГИЯ УБЕЖДЕНИЯ И ТАКТИКИ ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ В ДИПЛОМАТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

STRATEGY OF PERSUASION AND TACTICS OF ITS IMPLEMENTATION IN DIPLOMATIC DISCOURSE

В статье осуществлен научный анализ лингвопрагматического знания о стратегии убеждения и тактиках ее реализации в дипломатическом дискурсе. По результатам контрастивного анализа установлены сходства и различия в реализации коммуникативной стратегии убеждения в дипломатических текстах вербальных нот Российской Федерации, Республики Беларусь и Китайской Народной Республики.

Ключевые слова: дипломатический дискурс; убеждение; персуазивное воздействие; стратегия убеждения; тактики убеждения; вербальные ноты Российской Федерации, Республики Беларусь и Китайской Народной Республики.

The article provides a scientific analysis of linguopragmatic knowledge about the strategy of persuasion and tactics of its implementation in diplomatic discourse. Based on the results of contrastive analysis, similarities and differences in the implementation of the communicative strategy of persuasion in diplomatic texts of verbal notes of the Russian Federation, the Republic of Belarus and China were established.

Key words: diplomatic discourse; persuasion; persuasion strategy; tactics of persuasion; verbal notes of the Russian Federation, the Republic of Belarus and China.

Современный мировой политический контекст актуализирует необходимость поиска эффективных дипломатических способов коммуникации для достижения мира, безопасности и равноправного сотрудничества. В данной связи коммуникативная стратегия убеждения в дипломатическом дискурсе выступает оптимальным инструментом, который позволяет достигать поставленных целей наиболее действенным образом. В дипломатическом дискурсе коммуникативная стратегия убеждения занимает особое место. Она предоставляет возможность не только донести позицию дипломата до оппонента, но и аргументированно ее обосновать посредством четко выверенных рациональных доводов [1].

Данная стратегия в дипломатическом дискурсе получает рассмотрение в работах Е. А. Вебер, М. В. Белякова, А. С. Кожетевой, Л. М. Терентия, В. Е. Чернявской и др. В политическом контексте стратегии убеждения уделяется внимание в трудах Д. А. Бокмельдера, С. Г. Мамайко,

Е. И. Шейгал и др. Авторы единодушны в том, что стратегия убеждения представляет собой особое рациональное речевое воздействие на собеседника, обусловленное прагматическими дипломатическими намерениями и культурными ценностями говорящего.

Стратегия убеждения реализует персуазивную сущностную характеристику дипломатического дискурса, которая в прагмалингвистике понимается как вид речевой деятельности, связанной с убеждением оппонента. А. В. Голоднов определяет персуазивность как «способ воздействия адресанта на ментальную сферу реципиента (его мнения и оценки) с целью регулирования поведения реципиента в интересах адресанта» [2, с. 8]. По мнению ученого, прототипическая персуазивная ситуация имеет ряд измерений: социальное, психологическое, физическое, информационное. Автор акцентирует внимание на психологическом измерении. Суть данного измерения заключается в том, что убеждение отлично от иных актов воздействия на сознание оппонента (внушение, приказ, угроза и др.), т. к. оно учитывает свободную волю оппонента и апеллирует к рациональным и волевым качествам, предполагая его активную роль в выработке консенсуса [2]. Подобной идеи также придерживается Е. В. Бочаров, который отмечает, что убеждение в дипломатическом дискурсе требует определенного способа мышления, предполагающего равноправную активную и творческую позицию адресата в отличие, скажем, от речевого воздействия угрозы, которая менее аргументативна и более экспрессивна [3]. Вместе с тем, по мнению Т. А. ван Дейка, убеждение как рациональный феномен также не исключает эмоционально-оценочного влияния. Ученый рассматривает убеждение как элемент целостного эмоционально-логического речевого воздействия, балансирующий полюса (манипуляция и аргументация) центр [4].

Цель стратегии убеждения в дипломатическом дискурсе – трансформировать либо модифицировать мнение оппонента, аргументированно поставить под вопрос его суждения, которые являются препятствием для решения дипломатических задач [5]. Убеждающие речевые акты востребованы, когда существует оппозиция в «картинах мира» коммуницирующих стран.

Специфика реализации коммуникативной стратегии убеждения и ее тактик в дипломатических вербальных нотах и письмах обусловлена 1) заданной трехкомпонентной структурой речевого акта убеждения, когда эксплицированы *тезис – аргумент – инференция*, где основанием для инференции служит принятое в высших политических кругах мнение по определенному вопросу с учетом ценностей, разделяемых в обществе, представителем которого является дипломат; 2) ярко выраженным интер-

текстуальным характером коммуникации, проявленным через наличие многочисленных взаимосвязей в определенном смысловом поле заявленной проблематики [6].

Предметом нашего исследования являлась реализация стратегии и тактик убеждения в дипломатической переписке Российской Федерации (РФ), Республики Беларусь (РБ) и Китайской Народной Республики (КНР) на материале вербальных нот и писем современного периода (XXI в.). Использовались тексты документов, представленные в цифровом формате в библиотеке ООН [7]. Для исследования методом случайной выборки было отобрано 150 русскоязычных (РФ, РБ) и 150 китайскоязычных вербальных нот. В результате контент-анализа было выявлено, что стратегия убеждения и реализующие ее тактики встретились в 88 русскоязычных (58,6 %) и 83 (55,3 %) китайскоязычных документах.

Анализ фактического материала позволил констатировать, что коммуникативная стратегия убеждения достаточно широко применяется в текстах вербальных нот и писем РФ, РБ и КНР. По результатам контент-анализа установлен ряд коммуникативных тактик убеждения, встречающихся в дипломатической переписке обеих стран. Количественная обработка данных представлена в таблице 1.

Т а б л и ц а 1

Количество случаев употребления коммуникативных тактик убеждения в русскоязычных и китайскоязычных вербальных нотах

Коммуникативные тактики убеждения	Вербальные ноты РФ и РБ, %	Вербальные ноты Китая, %
Тактика демонстрации фактов	77,3	75,9
Тактика указания на негативную перспективу	64,8	60,8
Тактика указания на положительные последствия действий	51,1	49,5
Тактика разъяснения причины	35,9	32,7
Тактика смещения прагматического фокуса	33,1	32,3
Тактика эмотивной оценки	32,4	11,8
Тактика опоры на экспертное мнение	30,6	29,7
Тактика самопрезентации авторитета	27,3	31,1
Тактика указания на путь решения проблемы	20,2	23,1
Тактика идентификации проблемы	16,7	18,3
Тактика апелляции к авторитетным источникам	9,4	11,4
Тактика апелляции к вечным ценностям	9,3	10,6

Согласно данным табл. 1, наиболее частотными тактиками убеждения в дипломатической переписке РФ, РБ и Китая являются: тактика демонстрации фактов (77,3 % и 75,9 %); тактика указания на негативную перспективу (64,8 % и 60,8 %); тактика указания на положительные последствия действий (51,1 % и 49,5 %); тактика разъяснения причины (35,9 % и 32,7 %); тактика смещения прагматического фокуса (33,1 % и 32,3 %); тактика эмотивной оценки (32,4 % и 11,8 %); тактика опоры на экспертное мнение (30,6 % и 29,7 %). Меньшая частотность выявлена в применении таких тактик, как самопрезентация авторитета (27,3 % и 31,1 %), тактика указания на путь решения проблемы (20,2 % и 23,1 %), тактика идентификации проблемы (16,7 % и 18,3 %), тактика апелляции к авторитетным источникам (9,4 % и 11,4 %) и тактика апелляции к вечным ценностям (9,3 % и 10,6 %).

Представленные данные позволяют констатировать, что частотность использования тактик в среднем равнозначна в русскоязычных и китайскоязычных вербальных нотах. Исключение составляет только тактика эмотивной оценки, которая значительно представлена в дипломатической переписке РФ и РБ (32,4 %) и слабо выражена в вербальных нотах КНР (11,8 %), что обусловлено ментальностью и культурой этих народов.

Рассмотрим наиболее частотные тактики убеждения, используемые в русскоязычных и китайскоязычных вербальных нотах. **Тактика демонстрации фактов** в рамках персуазивного воздействия позволяет адресанту иллюстрировать выдвигаемый тезис или аргумент, посредством указания на объективно существующее наблюдаемое событие, которое может быть подтверждено и проверено. Факты достоверны и не зависят от субъективных оценок и интерпретаций. Достижению максимальной объективности и фактологичности способствуют языковые средства, передающие хронотоп события (даты, названия мест и организаций), указывающие на участников, детали и последствия. Приведем примеры экспликации этой тактики. *На следующий день после определения результатов выборов Президента Российской Федерации в концертном зале «Крокус Сити Холл» (город Красногорск, Московская область) иностранными гражданами совершен кровавый террористический акт, повлекший гибель более ста сорока человек (A/78/863). 为推动防扩散领域国际与区域合作, 2019年10月, 中方与委员会在华联合举办第三期亚太地区执行第1540(2004)号决议协调人培训班* 'В целях содействия международному и региональному сотрудничеству в области нераспространения в октябре 2019 года Китай и Комитет провели в Китае совместно организованный третий учебный курс для контактных центров по вопросам осуществления резолюции 1540 (2004) в Азиатско-Тихоокеанском регионе' (S/2020/365). В указанных речевых

актах используются темпоральные конструкции, различные виды топонимов: ойконимы (*город Красногорск*), хоронимы (*Московская область, Российская Федерация, Китай*), эргонимы («*Крокус Сити Холл*»), квантитивы (*сто сорок человек*). Кроме этого, фактологичность достигается применением клишированных субстантивных (*по вопросам осуществления резолюции, в целях содействия, в области нераспространения*), адъективных (*международное и региональное сотрудничество*) и глагольных (*совершен террористический акт*) словосочетаний, а также экспрессивно-оценочных атрибутов (*кровавый террористический акт*).

Тактика указания на негативную перспективу направлена на побуждение (либо предостережение) адресата не предпринимать нежелательных для адресанта действий посредством демонстрации возможных неблагоприятных последствий, которые могут наступить в случае сохранения предлагаемой адресатом стратегии поведения. И. Н. Волкова отмечает, что данная тактика принадлежит к средствам «мягкой силы», т. к. имплицитно реализует угрозу [6]. Поэтому дипломаты во избежание конфликта используют митигативные средства, снижающие уровень категоричности и сохраняющие в переписке коммуникативный баланс.

В иллюстрирующих данную тактику речевых актах дипломатические пропозиции репрезентируются условными конструкциями, где в придаточном предложении называется условие, а в главном – негативная перспектива как следствие при невыполнении требований. *Если грузинское руководство не сможет создать зону безопасности в районе грузино-российской границы, будет и дальше игнорировать резолюцию СБ ООН 1373 от 28 сентября 2001 года, не положит конец бандитским вылазкам и нападениям на сопредельные регионы России, мы оставляем за собой право действовать в соответствии со статьей 51 Устава ООН, закрепляющей за каждым государством, членом ООН неотъемлемое право на индивидуальную или коллективную самооборону (S/2002/1012)*. Семантическое ядро условия репрезентируется такими лексическими единицами (*зона безопасности, игнорировать, положить конец, бандитские вылазки и нападения*), которые в данном контексте свидетельствуют о негативной оценке адресантом происходящего и намерениях предпринять решительные действия по защите своей территории. Использование будущего времени глаголов и модальных конструкций говорит о сформированной иллокутивной составляющей речевого акта. Следствие, заключающееся в неизбежности негативных для адресата ответных действий, выражено имплицитно с использованием дипломатических клише (*оставляем за собой право действовать, закрепляющей неотъемлемое право*) с опорой на авторитетный источник, которым является Устав ООН.

В китайском примере тактика указания на негативную перспективу выражена посредством эвфемистических замен. *将放射性核种污染的水排放到海洋中所造成的环境后果很难预测, 并且具有很大的不确定性* 'Экологические последствия от сброса загрязненной радионуклидами воды в океан труднопредсказуемы и характеризуются значительной неопределенностью' (SPLOS/33/14). Для выражения очевидного риска в сфере экологии дипломат-адресант использует в письме такие митигаторы (приемы), как *труднопредсказуемы* и *значительная неопределенность*, что смягчает экспликацию отрицательно оцениваемых последствий.

Тактика указания на положительные последствия действий обеспечивает демонстрацию образа благоприятной перспективы в случае реализации предлагаемых адресантом действий. Подобная апелляция к общим прагматическим интересам с акцентом на потенциальных преимуществах позволяет стимулировать желаемое для адресанта решение проблемы. Пример такой коммуникативной тактики реализуется в речевом акте белорусского дипломата по вопросу снятия санкций с белорусского калия. *Половина населения планеты получает продовольствие благодаря удобрениям, и восполнение дефицита удобрений на полях приведет к значительному повышению урожайности, при этом урожайность некоторых культур вырастет на 50 процентов* (A/77/809). Для этого используются отглагольные субстантивы и глаголы с семантикой достижения результативности (*восполнение, повышение, вырастет*), атрибутив в элятивном значении (*значительное повышение*), квантитатив (*на 50 процентов*), указывающий на степень эффективности такого действия. За счет лексического повтора субстантивов *удобрения* и *урожайность* происходит смысловое усиление, где адресант акцентирует внимание на семантическом ядре предложения, отражающем каузальную взаимосвязь данных лексических единиц.

Реализация данной тактики прослеживается также в китайских дипломатических речевых актах. *随着冲突钻石非法贸易的结束, 合法贸易产生的收入已被用于资助政府项目, 使钻石生产国能够更好地减少贫困和实现千年发展目标* 'После того, как незаконной торговле алмазами из зон конфликтов был положен конец, доходы, получаемые от законной торговли, начали использоваться для финансирования государственных программ, что обеспечивает алмазодобывающим странам благоприятные условия для снижения уровня нищеты и достижения целей в области развития' (A/57/298). В этом речевом акте персуазивный эффект достигается применением клишированной лексики с положительной коннотацией (*благоприятные условия, достижение целей, область развития*), противопоставленной негативной (*незаконная торговля, зона конфликтов*).

Тактика разьяснения причины направлена либо на аргументацию мотивов и логики предпринимаемых дипломатом действий, либо на разьяснение и обоснование демонстрируемой адресантом оценки ситуации. Проиллюстрируем данную тактику примерами из белорусских и китайских вербальных нот: 1) *Однако из-за незаконных запретов и ограничений (инициаторы которых называют их «санкциями»), наложенных на белорусский калий и его единственного производителя – ОАО «Беларуськалий» – Соединенными Штатами, Европейским союзом доля продукции ОАО «Беларуськалий» в мировом производстве и экспорте к концу первой половины 2022 года снизилась до 10 процентов (A/77/809);* 2) *海啸期间海水淹没了核电厂，地下水和雨水流经受损的反应炉核心，产生了大量含有放射性核种的污水* 'Ввиду того, что морская вода затопила электростанцию при цунами, и грунтовая и дождевая вода протекали через поврежденные активные зоны реакторов, в результате образовалось большое количество зараженной воды, содержащей радионуклиды' (SPLOS/33/14). В данных примерах персуазивное воздействие тактики реализуется использованием обстоятельства причины с союзом *из-за*, а также придаточного причины с союзными словами *ввиду того, что*, указывающими на причинно-следственные связи описываемых адресантом событий. Кроме того, в русскоязычном примере используется речевая тактика идентификации проблемы, реализуемая через эксплицитную негативную оценку санкций (*незаконные запреты и ограничения*). Также адресант заключает лексему «санкции» в кавычки (паравербальное средство), что передает саркастическое отношение дипломата и выступает дополнительным аргументом. При упоминании инициаторов «санкций» белорусский дипломат не пользуется аббревиатурами, а приводит названия полностью (*Соединенные Штаты, Европейский союз*), подчеркивая масштабность таких необоснованных запретов.

Тактика смещения прагматического фокуса заключается в изменении точки зрения адресата посредством переключения его внимания с одного аспекта ситуации на другой, реализующий прагматическую интенцию адресанта. В представленных примерах русский и китайский дипломаты смещают фокус внимания от проблем, требующих вуалирования в прагматических целях, на вопрос первостепенной важности для каждого государства – собственную безопасность. *Реальную озабоченность у государств-членов Организации Объединенных Наций должны вызывать не очередные фантазии киевских властей о «происках России», а сложившаяся вследствие политики Киева чрезвычайно тревожная ситуация в области безопасности на самой Украине (A/70/871–S2016/434).*

新疆问题本质上不在于民族、宗教、人权层面，而在于反恐怖主义、反分裂、干涉内政层面 ‘Синьцзянский вопрос по сути своей лежит не в этнической, религиозной или правозащитной плоскости, а скорее в плоскости противодействия терроризму, сепаратизму и вмешательству во внутренние дела’ (A/78/509). В частности, китайский дипломат указывает на приоритетность вопросов безопасности и суверенитета, затрагивающих интересы государства, в противовес этническим, религиозным и правозащитным вопросам, которые в большей степени связаны с правами личности и меньшинств. Прагматическая цель дипломатов реализуется через использование синтаксических конструкций с противопоставлением (*не фантазии, а безопасность; не этнические вопросы, а противодействие терроризму*). Само противопоставление построено на контрасте эмотивной оценки действий оппонента и собственной рациональной (прагматически обусловленной) оценки ситуации. Персуазивное воздействие достигается за счет применения лексической единицы *фантазии*, которая в данном контексте имеет экспрессивный оценочный характер и дискредитирует политику Киева как абсурдную, не заслуживающую серьезного внимания. Усиливает критику украинских властей устойчивое клише с имплицитной отрицательной оценкой (*«происки России»*), которое является производным от устойчивого *«происки врагов»*. Также репрезентации данной тактики служат клишированное субстантивное словосочетание с негативной коннотацией (*тревожная ситуация*) и адвербиальная лексема в элятивном значении (*чрезвычайно*).

Как показали результаты исследования, специфической особенностью реализации стратегии убеждения в вербальных нотах РФ и РБ, является выраженность эмоционального компонента. Суть **тактики эмотивной оценки** заключается в эмоциональном воздействии на оппонента с целью формирования определенного восприятия событий, политически выгодного адресанту. Данное воздействие достигается за счет использования слов с эмотивной оценочной семантикой. Приведем примеры таких речевых актов. *Содержащиеся в упомянутых документах антироссийские выпады носят голословный и надуманный характер. Они представляют собой попытки перевалить существующие проблемы «с больной головы на здоровую»* (E/2018/74). *所谓新疆存在著“强迫劳动”和“种族清洗”，完全是一个荒谬的谎言* ‘Существование так называемого «принудительного труда» и «этнических чисток» в Синьцзяне – это совершенно абсурдная ложь’ (A/78/509). В данных речевых актах дипломаты используют субстантивные словосочетания с эмоционально-оценочными эпитетами негативной коннотации (*голословный и надуманный характер, антироссийские выпады, совершенно абсурдная ложь*). Наречие *совершенно* придает высказыванию кате-

горичность, убежденность в ложности обвинений. Фразеологизм *перевалить с больной головы на здоровую* используется для того, чтобы обвинить другую сторону в попытках снять с себя ответственность за существующие проблемы и переадресовать их оппоненту. Придание фразеологической образности служит для усиления экспрессивности, демонстрации несогласия по поводу несправедливых, с точки зрения адресанта, обвинений. Кавычки, в которые заключены словосочетания *принудительный труд* и *этнические чистки*, указывают на то, что данные термины не являются общепринятыми, а используются оппонентами, чью позицию не приемлет адресант. Употребление китайским дипломатом словосочетания *так называемые* свидетельствует об иронии по отношению к этим формулировкам. Вместе с тем эмотивные оценочные суждения в китайских вербальных нотах имеют низкую частотность (11,8 %).

Тактика опоры на экспертное мнение способствует обоснованию позиции дипломата через привлечение сторонних авторитетных источников, специалистов и организаций, что позволяет адресанту повысить убедительность своих аргументов, сделать их более весомыми. Приведем примеры таких речевых актов из русской и китайской дипломатической переписки. *Сегодня никто не может отрицать, а нам это известно абсолютно точно и подтверждается многими иностранными источниками информации, что на территории Грузии окопались и те, кто причастен к подготовке терактов в США год назад (S/2002/1012). 许多专家提出了其他合适的处置计划, 例如建造新的长期储存罐, 这将完全避免海洋释放放射性物质跨境流动的风险* ‘Многими экспертами предлагались другие подходящие планы утилизации, например, строительство новых долговременных резервуаров-хранилищ, которые позволили бы полностью избежать риска трансграничного перемещения радиоактивных материалов, возникающего при сбросе в океан’ (SPLOS/33/14). В этих примерах дипломаты намеренно используют речевые конструкции с указанием на неперсонифицированные источники, что демонстрирует широкий охват экспертов-практиков (*многие иностранные источники, многие эксперты*). В первом примере опора на экспертное мнение усиливается источниками адресанта, глагольной конструкцией с двойным отрицанием и предикатом с семантикой отрицательной оценки (*никто не может отрицать*), что придает характер абсолютизации транслируемому мнению.

Таким образом, убеждение выступает востребованной в дипломатическом дискурсе коммуникативной стратегией, минимизирующей и предупреждающей коммуникативные риски во внешнеполитической прагматической интеракции. Основным способом реализации данной стратегии является аргументация. Результаты анализа текстов вербальных нот

Российской Федерации, Республики Беларусь и Китая позволили констатировать, что дипломатами этих стран коммуникативная стратегия убеждения реализуется преимущественно посредством следующих тактик: тактики демонстрации фактов, тактики указания на негативную перспективу, тактики указания на положительные последствия действий, тактики разъяснения причины, тактики смещения прагматического фокуса, тактики эмотивной оценки, тактики опоры на экспертное мнение. Отличительной особенностью русскоязычной дипломатической риторики является применение тактики обращения к эмоциям, тогда как китайские персуазивные воздействия реализуются преимущественно рационально. В исследованных русскоязычных и китайскоязычных дипломатических документах стратегия убеждения репрезентируется с помощью определенных лексических, синтаксических и стилистических языковых средств.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Иссерс, О. С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. – М. : ЛЕНАНД, 2017. – 308 с.
2. *Голоднов, А. В.* Лингвопрагматические особенности персуазивной коммуникации: На примере современной немецкоязычной рекламы : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Антон Владимирович Голоднов ; Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. – СПб., 2003. – 24 с.
3. *Бочаров, Е. В.* Лингвопрагматическая стратегия персуазивности в выступлениях латиноамериканских политиков на 73-й сессии ГА ООН / Е. В. Бочаров // *Вопр. прикладной лингвистики.* – 2022. – № 47. – С. 7–40.
4. *Дейк, Т. А. ван.* Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / Т. А. ван Дейк ; пер. с англ. Е. А. Кожемякина. – М. : ЛИБРОКОМ, 2013. – 344 с.
5. *Кожетева, А. С.* Лингвопрагматические характеристики дипломатического дискурса (на материале вербальных нот) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Анна Сергеевна Кожетева ; Моск. гор. пед. ун-т. – Москва, 2012. – 23 с.
6. *Волкова, Т. А.* Дипломатический дискурс в аспекте стратегичности перевода и коммуникации: на материале английского и русского языков : автореф. дис... канд. филол. наук : 10.02.20 / Татьяна Александровна Волкова ; Челяб. гос. ун-т. – Челябинск, 2008. – 23 с.
7. United Nations Digital Library System. – URL: <https://digitallibrary.un.org/> (дата обращения: 20.03.2024).

Поступила в редакцию 06.11.2024

РОМАНСКОЕ И ГЕРМАНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ**УДК 811.****Ефимова Елена Владимировна**

кандидат филологических наук,
доцент кафедры фонетики
английского языка
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Alena Yafimava

PhD in Philology,
Associate Professor of the Department
of English Phonetics
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
heleneve77@gmail.com

ПРОСОДИКО-СМЫСЛОВАЯ СТРУКТУРА ФРАЗЫ
КАК ФАКТОР МОДИФИКАЦИЙ АМПЛИТУДЫ ФОРМАНТНЫХ ЧАСТОТ
АНГЛИЙСКИХ ГЛАСНЫХ

PROSODIC-SEMANTICAL STRUCTURE OF AN UTTERANCE
AS A FACTOR OF MODIFICATIONS IN FORMANT AMPLITUDE
OF ENGLISH VOWELS

В статье представлены результаты исследования, направленного на выявление особенностей варьирования амплитуды формант (F1 и F2) английских словесно-ударных гласных в различных позициях просодико-смысловой/акцентной структуры фразы. Экспериментальный материал исследования составила спонтанная речь различной степени подготовленности: контролируемая (КСР) и свободная спонтанная речь (ССР). По результатам акустического анализа было выявлено, что ослабление степени семантической значимости и, как следствие, просодической выделенности слова – носителя гласного, а также его реализация в условиях спонтанной речи ведет к понижению амплитуды F1 и F2 гласного. При этом фактор акцентной выделенности слова значительно более заметно влияет на модификации анализируемых показателей, чем степень спонтанности/контролируемости речи.

Ключевые слова: английские гласные-монофтонги; словесно-ударный гласный; акцентированный/дезакцентированный гласный; долгий/краткий гласный; напряженный/ненапряженный гласный; позиционно-просодический аллофон; предъядерная позиция; формантная структура; амплитуда формант; спонтанная речь.

The article presents the results of a study aimed at revealing the modifications in F1 and F2 amplitude of English stressed vowels in different positions of the prosodic-semantic/accental structure of an utterance. The material chosen for the experiment has been spontaneous speech representing two degrees of spontaneity: controlled (CSS) and free (FSS). The data obtained confirm that the weakening of the prosodic-semantic prominence of the word containing the vowel, as well as its realization in spontaneous speech, cause relevant lowering of F1 and F2 amplitude. At the same time, the accental prominence of the word has a far more noticeable effect on the modifications of the target amplitude values than the degree of spontaneity/control in speech production.

Key words: English vowel monophthongs; stressed vowel; accented/deaccented vowel; long/short vowel; tense/lax vowel; positional-prosodic allophone; prenuclear position; formant structure; formant amplitude; spontaneous speech.

Одним из новейших направлений исследований в области сегментной фонетики является рассмотрение аллофонии во взаимосвязи с коммуникативно-смысловой структурой высказывания. Данной проблеме посвящены докторская диссертация С. И. Гусевой «Коммуникативная перспектива высказывания и реализация сегментных единиц: экспериментально-фонетическое исследование на материале немецкого языка» [1], а также кандидатские диссертации О. Н. Морозовой и Т. В. Шуйской на материале канадских и австралийских гласных [2; 3] и Е. В. Гнатюк на материале австралийских согласных [4]. В указанных работах, однако, не учитывалась *степень* коммуникативно-смысловой значимости элемента высказывания и его *статус* в просодической структуре фразы. Вместе с тем, как показывают наблюдения над звучащей речью и результаты экспериментальных исследований, в том числе направленных на совершенствование качества синтезированной речи [5], различия в смысловой значимости элементов высказывания коррелируют с различиями в характере их *просодической выделенности*, которая тем самым становится *просодико-смысловой*. Поскольку соотнесенность между смысловой значимостью и просодической выделенностью осуществляется непосредственно через акцентный компонент просодической структуры [1; 6; 7; 8; 9], просодико-смысловая выделенность выступает как *акцентно-просодическая*, или *акцентная*.

Связь между увеличением/уменьшением просодического параметра интенсивности (во взаимодействии с частотой основного тона) и увеличением/уменьшением напряженности органов речи при произнесении

звуков (сегментный уровень) является общепризнанной [10, с. 14]. Это означает, что варьирование степени просодико-смысловой выделенности отдельных слов предполагает увеличение/уменьшение артикуляторных усилий при произнесении слова и гласного как центрального элемента слога и, прежде всего, гласного словесно-ударного слога, являющегося одновременно носителем фразового ударения (акцента). Соответственно, модификации формантной структуры гласного в различных условиях просодико-смысловой/акцентной выделенности должны затрагивать акустические показатели интенсивности гласных, то есть значения амплитуды формант. Следует отметить, однако, что большинство исследований качественных модификаций английских гласных в рамках аллофонического варьирования проводятся без учета данного параметра, и, таким образом, влияние степени просодико-смысловой выделенности гласного, а также степени подготовленности/спонтанности речи на амплитуду формант (F1 и F2) остается недостаточно изученным. Выявление характера зависимости между названными характеристиками и определило цель предпринятого экспериментального исследования.

Для проведения акустического анализа из контролируемой (КСР), то есть продуцируемой спонтанно с опорой на контрольные слова, и свободной спонтанной речи (ССР) были отобраны акцентированные и дезакцентированные односложные слова, реализованные в предъядерной позиции во фразе.

Сравнение так называемых мгновенных спектрограмм (спектральных срезов) отобранных слов выявило устойчивую тенденцию к изменению значений амплитуды F1 и F2 английских гласных под влиянием заданных условий. Согласно полученным результатам, независимо от формы спонтанной речи средние значения амплитуды F1 и F2 акцентированных гласных всегда превышают соответствующие значения этих же гласных в позиции дезакцентуации, при этом амплитуда как акцентированных, так и дезакцентированных гласных в контролируемой спонтанной речи превышает показатели соответствующих позиционно-просодических аллофонов в свободной спонтанной речи. Таким образом, максимальные показатели амплитуды F1 и F2 характеризуют акцентированные гласные в контролируемой спонтанной речи, а минимальные – дезакцентированные гласные в свободной спонтанной речи (табл. 1).

Таблица 1

Средние значения амплитуды формантных частот (F1 и F2) предъядерных акцентированных и дезакцентированных словесно-ударных гласных в разных формах спонтанной речи (мужской голос)

Гласный	Показатель	Контролируемая спонтанная речь				Свободная спонтанная речь			
		акцентированный гласный		дезакцентированный гласный		акцентированный гласный		дезакцентированный гласный	
		F1	F2	F1	F2	F1	F2	F1	F2
[i:]	\bar{A} , (дБ)	46,1	30,9	29,4	15,8	37,8	26,0	28,3	14,4
	σ , (дБ)	3,4	4,8	7,0	3,1	2,8	1,6	5,6	5,1
	V, (%)	7	16	24	20	7	6	20	35
[i]	\bar{A} , (дБ)	37,6	29,7	31,5	22,7	32,2	29,0	28,5	20,3
	σ , (дБ)	1,2	1,2	4,1	5,9	1,8	1,5	3,1	2,7
	V, (%)	3	4	13	26	6	5	11	13
[æ]	\bar{A} , (дБ)	40,2	32,3	28,0	24,7	34,4	30,7	21,6	13,1
	σ , (дБ)	3,5	2,1	1,6	3,5	2,6	2,3	3,8	4,7
	V, (%)	9	6	6	14	7	7	17	36
[e]	\bar{A} , (дБ)	34,9	30,6	24,2	21,9	28,1	24,0	20,6	8,6
	σ , (дБ)	4,1	1,1	1,7	4,0	1,7	5,3	1,9	2,4
	V, (%)	12	4	7	18	6	22	9	28
[a:]	\bar{A} , (дБ)	39,4	32,9	30,5	19,8	35,8	25,0	23,1	14,8
	σ , (дБ)	1,5	4,8	2,8	2,5	1,0	1,7	1,4	2,1
	V, (%)	4	15	9	13	3	7	6	14
[ʌ]	\bar{A} , (дБ)	34,1	27,7	27,9	21,6	31,9	17,1	24,2	14,2
	σ , (дБ)	1,7	1,1	1,7	1,3	0,9	1,5	1,6	2,4
	V, (%)	5	4	6	6	3	9	7	17
[ɔ:]	\bar{A} , (дБ)	41,2	34,2	31,2	19,6	35,1	23,4	26,9	14,2
	σ , (дБ)	1,4	2,2	1,0	3,4	1,8	2,7	1,2	3,2
	V, (%)	3	6	3	17	5	12	4	23
[ɒ]	\bar{A} , (дБ)	37,6	29,0	26,5	18,1	29,1	17,2	22,4	10,3
	σ , (дБ)	3,0	5,7	4,5	2,3	2,3	4,8	2,5	3,1
	V, (%)	8	20	17	13	8	28	11	30
[u:]	\bar{A} , (дБ)	49,2	34,4	35,5	21,7	44,4	24,7	29,0	13,1
	σ , (дБ)	1,6	2,3	2,1	2,1	2,2	1,2	3,1	3,3
	V, (%)	3	7	6	10	5	5	11	26
[u]	\bar{A} , (дБ)	39,1	26,0	31,9	17,2	33,8	19,2	28,4	12,4
	σ , (дБ)	1,2	1,7	2,2	1,5	2,5	1,9	1,6	4,5
	V, (%)	3	6	7	9	8	10	6	36

Характер различий между анализируемыми позиционно-просодическими аллофонами словесно-ударных гласных устанавливался через соотношение между средними значениями соответствующих величин (табл. 2).

Таблица 2

Соотношение между средними значениями амплитуды формантных частот (F1 и F2) позиционно-просодических аллофонов словесно-ударных гласных с учетом формы спонтанной речи, отн. ед.

Сравниваемые аллофоны	Форманта	Гласный									
		[i:]	[ɪ]	[æ]	[e]	[a:]	[ʌ]	[o:]	[ɒ]	[u:]	[ʊ]
КСР акцент./	F1	1,57	1,19	1,44	1,44	1,29	1,22	1,32	1,42	1,39	1,23
КСР дезакцент.	F2	1,96	1,31	1,31	1,40	1,66	1,28	1,74	1,60	1,59	1,51
КСР акцент./	F1	1,22	1,17	1,17	1,24	1,10	1,07	1,17	1,29	1,11	1,16
ССР акцент.	F2	1,19	1,02	1,05	1,28	1,32	1,62	1,46	1,69	1,39	1,35
ССР акцент./	F1	1,34	1,13	1,59	1,36	1,55	1,32	1,30	1,30	1,53	1,19
ССР дезакцент.	F2	1,81	1,43	2,34	2,79	1,69	1,20	1,65	1,67	1,89	1,55
КСР дезакцент./	F1	1,04	1,11	1,30	1,17	1,32	1,15	1,16	1,18	1,22	1,12
ССР дезакцент.	F2	1,10	1,12	1,89	2,55	1,34	1,52	1,38	1,76	1,66	1,39
ССР акцент./	F1	1,29	1,02	1,23	1,16	1,17	1,14	1,13	1,10	1,25	1,06
КСР дезакцент.	F2	1,65	1,28	1,24	1,10	1,26	0,79	1,19	0,95	1,14	1,12
КСР акцент./	F1	1,63	1,32	1,86	1,69	1,71	1,41	1,53	1,68	1,70	1,38
ССР дезакцент.	F2	2,15	1,46	2,47	3,56	2,22	1,95	2,41	2,82	2,63	2,10

Приведенные в табл. 2 данные показывают, что соотношение по амплитуде между аллофонами гласных, разными по степени акцентной выделенности, но идентичными по степени спонтанности речи, всегда превышает по величине соотношение между аллофонами, разными по степени спонтанности речи, но идентичными с точки зрения акцентной выделенности. Таким образом, на основании различий в количественных показателях указанного соотношения можно утверждать, что фактор акцентной выделенности гласного значительно более заметно влияет на модификации амплитуды его первой и второй форманты, чем форма спонтанной речи.

Как и следовало ожидать, наибольшими различиями характеризуется соотношение между акцентированными гласными в КСР и дезакцентированными аллофонами в ССР. Кроме того, степень модификаций амплитуды F2 часто превышает степень модификаций амплитуды F1, что свидетельствует о большей стабильности последней.

Анализируемый признак – амплитуда формантной структуры гласных – отличается высокой вариативностью, причем наиболее вариативными являются показатели амплитуды F2 дезакцентированных гласных в сво-

бодной спонтанной речи (см. табл. 1). В ряде случаев коэффициент вариации (V) составил от 20 до 36 %. Следует указать, что данное свойство признака не отражается на статистической оценке выявленных различий как достоверных.

Полученные данные в целом подтверждают характеристику долгих гласных как напряженных по сравнению с краткими – ненапряженными (табл. 3).

Таблица 3

Разница по амплитуде (Δ) между долгими и краткими гласными – членами коррелятивных пар и статистическая оценка достоверности различий между средними показателями

Сравниваемые гласные	Показатель	Контролируемая спонтанная речь				Свободная спонтанная речь			
		акцентированный гласный		дезакцентированный гласный		акцентированный гласный		дезакцентированный гласный	
		F1	F2	F1	F2	F1	F2	F1	F2
[i:]/[ɪ]	Δ , дБ	8,5	1,2	-2,0	-6,9	5,5	-2,9	-0,2	-5,9
	t	5,8	0,6	0,6	2,5	4,5	3,8	0,1	3,0
	p, %	99,9	<50	<50	95	99,9	99,8	<50	99
[ɑ:]/[ʌ]	Δ , дБ	5,3	5,2	2,6	-1,8	3,9	7,9	-1,1	0,7
	t	5,9	2,6	1,9	1,6	7,3	8,5	1,3	0,5
	p, %	99,9	95	90	80	99,9	99,9	70	<50
[ɔ:]/[ɒ]	Δ , дБ	3,6	5,2	4,7	1,5	6,0	6,2	4,5	3,9
	t	2,7	2,1	2,4	0,9	5,0	2,8	4,0	2,1
	p, %	95	90	95	60	99,9	98	99	90
[u:]/[ʊ]	Δ , дБ	10,1	8,4	3,6	4,5	10,6	5,6	0,6	0,6
	t	12,6	7,1	2,9	4,2	7,7	6,2	0,4	0,3
	p, %	99,9	99,9	98	99,8	99,9	99,9	<50	<50

Примечание: Вероятность различий (p) между сравниваемыми аллофонами устанавливалась при k (число степеней свободы) ≥ 10 .

Так, в частности, средняя амплитуда F1 и F2 долгого гласного большинства проанализированных аллофонов превышает аналогичные показатели соответствующего ему краткого члена коррелятивной пары. Наиболее

заметно эта тенденция проявляется для показателей амплитуды первой форманты в акцентированной позиции как в контролируемой, так и свободной спонтанной речи.

В отдельных случаях отмеченная тенденция приобретает обратный характер, то есть амплитуда первой и/или второй форманты краткого гласного превышает соответствующий показатель долгого гласного. В табл. 3 данное наблюдение отражено через отрицательное значение разницы Δ (дБ) между сравниваемыми показателями, например, в паре [i:]–[ɪ] в дезакцентированной позиции во фразе в контролируемой и в свободной спонтанной речи, а также в паре [ɑ:]–[ʌ] в этих же позициях. Этот факт можно интерпретировать как нейтрализацию различий по напряженности/ненапряженности между названными гласными в указанных позициях. Вместе с тем возможность обратного соотношения между анализируемыми показателями свидетельствует о сложном взаимодействии таких характеристик, как долгота и напряженность гласного.

Подытоживая вышесказанное, отметим, что проведенный анализ акустической структуры словесно-ударных гласных позволил выявить некоторые особенности варьирования амплитуды формант в зависимости от степени просодико-смысловой выделенности слова – носителя гласного и степени спонтанности речи. В частности, наибольшие показатели амплитуды F1 и F2 установлены для акцентированных гласных в контролируемой спонтанной речи, а наименьшие – для дезакцентированных гласных в свободной спонтанной речи. При этом степень просодико-смысловой/акцентной выделенности гласного значительно более заметно влияет на модификации амплитуды первой и второй форманты гласного, чем степень спонтанности речи. Кроме того, было показано, что независимо от формы спонтанной речи средние значения амплитуды F1 и F2 долгих гласных в большинстве случаев превышают аналогичные показатели кратких гласных, однако со статистической достоверностью долгие и краткие гласные различаются по данному параметру только в акцентированных позициях.

Таким образом, в результате исследования получено экспериментальное доказательство того, что напряженность артикуляторных органов при артикуляции словесно-ударных гласных зависит от наличия/отсутствия акцентной выделенности на слове – носителе гласного во фразе, а также от степени спонтанности речи при ведущей роли первого из названных факторов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гусева, С. И.* Коммуникативная перспектива высказывания и реализация сегментных единиц: экспериментально-фонетическое исследование на материале немецкого языка : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Гусева Светлана Ивановна ; СПбГУ. – СПб., 2001. – 403 л.
2. *Морозова, О. Н.* Аллофонное варьирование гласных: экспериментально-фонетическое исследование на материале канадского варианта английского языка : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Морозова Ольга Николаевна ; Амур. гос. ун-т. – Благовещенск, 2004. – 203 л.
3. *Шуйская, Т. В.* Аллофонное варьирование гласных на участках разной информативной нагруженности: экспериментально-фонетическое исследование на материале спонтанной речи носителей австралийского варианта английского языка : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Шуйская Татьяна Викторовна ; СПбГУ. – СПб., 2008. – 208 л.
4. *Гнатюк, Е. В.* Аллофонное варьирование согласных в коммуникативной перспективе высказывания: экспериментально-фонетическое исследование на материале австралийского варианта английского языка : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Гнатюк Екатерина Викторовна ; СПбГУ. – СПб., 2009. – 198 л.
5. *Карневская, Е. Б.* Оценка качества синтезированной речи и стратегии его повышения / Е. Б. Карневская, Е. Д. Долматова, Е. В. Ефимова // Вестн. МГЛУ. Сер. 1, Филология. – 2014. – № 2. – С. 19–28.
6. *Касевич, В. Б.* Информационная структура текста и просодическая структура речи / В. Б. Касевич // Проблемы фонетики и фонологии : материалы Всесоюз. совещ., нояб. 1986 г. / Акад. наук СССР, Ин-т языкознания ; отв. ред. И. Г. Торсуева. – М., 1986. – С. 51–55.
7. *Eefting, W.* The effect of “information value” and “accentuation” on the duration of Dutch words, syllables, and segments / W. Eefting // J. of the Acoustical Soc. of America. – 1991. – Vol. 89, № 1. – P. 412–424.
8. *Ladd, D. R.* Intonational phonology / D. R. Ladd. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2001. – 334 p.
9. *Gussenhoven, C.* The phonology of tone and intonation / C. Gussenhoven. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2004. – XXIV, 355 p.
10. *Таранец, В. Г.* Энергетическая теория речи / В. Г. Таранец. – Киев ; Одесса : Вища шк., 1981. – 149 с.

Поступила в редакцию 09.12.2024

Морозова Лилия Петровна

кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры
лексикологии французского языка
Минский государственный
лингвистический университет,
г. Минск, Беларусь,

Liliya Morozova

PhD in Philology,
Associate Professor,
Associate Professor
of the Department
of French Lexicology
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
liliya_morozova@yahoo.fr

Буландо Александра Владимировна

преподаватель-стажер кафедры
фонетики и грамматики французского языка
Минский государственный
лингвистический университет,
г. Минск, Беларусь

Alexandra Bulando

Lecturer of the Department
of French Phonetics and Grammar
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
boulando.alexandra@gmail.com

МОДАЛЬНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ КОННОТАЦИИ
В СИНОНИМИЧЕСКОМ РЯДУ ФОРМ СПЕЦИАЛЬНОГО ВОПРОСА
ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

MODAL AND PRAGMATIC CONNOTATIONS IN THE SYNONYMIC ROW
OF THE SYNTACTIC FORMS OF WH-QUESTIONS IN FRENCH

В статье рассматриваются функционально-прагматические свойства синонимичных синтаксических форм специального вопроса во французском языке. На материале телевизионных интервью анализируется вариативность просодического воплощения вопросов со словами *pourquoi* и *comment* в инициальной позиции с точки зрения участия просодических признаков тонального контура в приращении коннотативных значений.

К л ю ч е в ы е с л о в а: синонимия; коннотация; вопросительные высказывания; специальный вопрос; просодия; тональный контур; французский язык.

The article discusses the functional and pragmatic properties of the synonymic forms of Wh-questions in French. On the material of television interviews variation of prosodic manifestation of Wh-questions, containing the interrogative words *pourquoi* and *comment* in the initial position, is analyzed to identify the role of the tonal contour features in attaching connotation meanings.

К e y w o r d s: *synonymy; connotation; interrogative sentences; Wh-questions; prosody; tonal contour; French.*

Одна из особенностей естественных языков заключается, как известно, в наличии синонимичных форм для наименования предметов и явлений, описания одной и той же денотативной ситуации. Различаясь оттенками значения, степенью интенсивности выражения понятия/признака, эмоциональностью, принадлежностью к различным стилистическим регистрам, особенностями употребления, обусловленными национально-культурными нормами, синонимы позволяют говорящему не только сообщать собеседнику информацию, но и с помощью отбора тех единиц, которые отражают его личное отношение к содержанию высказывания, к собеседнику, к ситуации, обеспечивать реализацию конкретной прагматической задачи [1].

В условиях быстрого развития и демократизации языка, расширения общественного пространства устной речи происходят заметные изменения в отношениях между единицами синонимических рядов, затрагивающие такие аспекты, как нормативность, коннотативное содержание (оценка, стилистическая окраска, эмотивность), сфера употребления и т. д. В связи с этим можно наблюдать, как описания семантического содержания синонимичных единиц и отношений между ними отстают от языковой ситуации, сложившейся в новых условиях функционирования языка.

Что касается синонимии просодических структур и динамики отношений внутри синонимических рядов, то эта проблема пока не получила удовлетворяющего решения, прежде всего, потому что до настоящего времени ни в одном из уже хорошо изученных языков нет более или менее полного описания синонимичных просодических (мелодических) единиц. Частично эта проблема обусловлена полифункциональностью просодии и трудностью теоретического обоснования основного (денотативного), не зависящего от контекста, и дополнительных (коннотативных) значений просодической единицы [2, p. 41–42].

Одним из возможных подходов к описанию синонимии в просодии может быть признание значений иллокутивной модальности в качестве базового содержания, передаваемого просодическими средствами самостоятельно или с их участием. Иллокутивная модальность присутствует в высказывании всегда, она отражает позицию говорящего по отношению к собеседнику в форме утверждения, вопроса или побуждения. В таком случае задача заключается в выявлении репертуаров тональных контуров, соотносимых с определенным иллокутивным значением, определении их семантико-прагматического содержания и установлении характера отношений между ними.

Структурно-функциональные характеристики форм специального вопроса во французском языке

Во французском языке проблема синонимии языковых единиц находит яркое воплощение в синтаксических формах специального вопроса, используемых в их основной функции.

В современном французском языке специальный вопрос представлен пятью основными синтаксическими структурами, соответствующими требованиям к формальным признакам синтаксической синонимии: тождественность лексического состава, общность грамматического значения, разноструктурность [3, с. 57]:

1) конструкция *in situ* с глаголом и вопросительным местоимением или наречием (соответственно в функции дополнения или обстоятельства) в прототипической синтаксической позиции: *Elle a fait quoi en Allemagne ?* 'Она делает что в Германии?', *Vous allez où ?* 'Вы идете куда?';

2) конструкция, в которой вопросительное слово перемещается в начало предложения (в крайнюю левую позицию), а глагол остается в постпозиции к подлежащему, *in situ*, то есть не происходит инверсии: *Où ils sont ?* 'Где они?';

3) конструкция с вопросительным словом в начале предложения и инверсией подлежащего (глагол оказывается слева от местоименного или, реже, именного подлежащего): *Quand pars-tu ?* 'Когда ты уезжаешь?';

4) конструкция с *est-ce que*, в которой вопросительное слово также находится в начале предложения, а глагол остается *in situ*: *Où est-ce que vous allez ?* 'Куда вы идете?', *Qu'est-ce que Julie rédige ?* 'Что Жюли пишет?';

5) конструкция с оборотами *c'est ... qui*, *c'est ... que*, в которой вопросительное слово помещается в выделительный оборот, а глагол остается *in situ*: *C'est qui qui l'a fait ?* 'А кто это сделал?', *C'est quoi que tu manigances ?* 'А что это ты замышляешь?'.

Как показывают исследования [4; 5], употребление данных форм имеет ряд ограничений как структурного, так и функционально-прагматического характера: длина предложения, способ выражения подлежащего (имя/местоимение), принадлежность к литературной норме, коммуникативная ситуация, стилистический регистр.

Авторы «La Grammaire d'aujourd'hui» и «Grammaire de la phrase française» дифференцируют формы вопросов в зависимости от их стилистической принадлежности. К литературной норме без каких-либо ограничений относят вопросы с инверсией и вопросы с оборотом *est-ce que*.

Вопросы с инверсией подлежащего, выраженного клитическим местоимением, такие как: *Lequel veux-tu ?* 'Какой из них ты хочешь?', *Quand pars-tu ?* 'Когда ты уезжаешь?', представляют собой естественные формы нейтрального запроса информации [6, р. 112]. Они отличаются высокой частотностью в разговорной речи представителей среднего класса за счет устоявшихся словосочетаний: *Comment allez-vous ?* 'Как у вас дела?', *Quelle heure est-il ?* 'Который час?', *Quel âge as-tu ?* 'Сколько тебе лет?' [6, р. 174–

175; 7, p. 20]. Как отмечают авторы, они употребляются преимущественно с глаголами *savoir, vouloir, voir, avoir, être* и, как правило, в форме второго лица.

Инверсия сложного типа используется преимущественно в специальных вопросах с развернутым подлежащим. Она встречается чаще всего в предложениях с вопросительным словом *pourquoi* и реже в других случаях: *Pourquoi l'humanisme ne trouverait-il jamais l'audace de survivre ?* 'Почему гуманизму никогда не хватит смелости выжить?' [8, p. 496–498].

В целом же, как утверждают исследователи, инверсия характерна для литературного стиля: она позволяет подчеркнуть дистанцию между говорящими, продемонстрировать уважение к собеседнику [4; 7; 9; 10].

Вопросы с оборотом *est-ce que* отличаются высокой употребительностью как в устной, так и в письменной речи. Ряд авторов отмечает, что данная конструкция наиболее характерна для сложносоставных развернутых предложений. Это обусловлено, с одной стороны, стремлением к экономии речевых усилий (говорящий сохраняет прямой порядок слов вместо использования инверсии в предложениях с развитой группой подлежащего), с другой стороны, желанием говорящего облегчить восприятие слушающему [5;10]. При этом данная форма, по мнению авторов, не является нейтральной, ее связывают с выражением интенсивности или запросом подтверждения информации: *Qu'est-ce que tu fiches là, toi?* 'Что ты тут вертишься?') [4; 7].

Сохранение прямого порядка слов после вопросительного слова, заменяющего второстепенный член предложения, не считается нормативным и ассоциируется с низким стилем речи [6]. Исключение составляют вопросы с наречием *combien*, а также с местоимениями, замещающими подлежащее или его определяющее: *Combien ça fait ?* 'Сколько это будет?', *Qui vient ?* 'Кто идет?', *Lequel est venu ?* 'Кто [из них] пришел?' [6, p. 111].

Отсутствие инверсии может указывать на сомнение говорящего в пресуппозиции или ее отрицание, по этой причине вопросы данного типа часто употребляются при требовании объяснений. Ср.: 1) *Pourquoi voulez-vous l'appeler ?* 'Почему вы хотите ему позвонить?'. Пресуппозиция: вы хотите позвонить по некой причине. 2) *Pourquoi (que) tu veux l'appeler ? (Il n'y a pas de raison pour l'appeler)* 'Почему ты хочешь ему позвонить?' (Нет причин ему звонить) [4, p. 66].

Конструкция предложения с вопросительным словом *in situ* стоит отдельно от других форм выражения вопроса, ее основная функция заключается в привлечении внимания собеседника, выражении нетерпения, сомнения в его авторитете. Такие вопросы могут восприниматься как форма агрессии, поскольку застают собеседника врасплох, а говорящий

тем самым показывает, что в обязательном порядке ожидает ответа: *Jean part où ?* 'Куда это Жан едет?', *La Tour Eiffel, c'est où ?* 'А Эйфелева башня где?', *Il l'a dit comment ?* 'И как он это сказал?' [7, с. 3-4].

Вопросы с оборотами *c'est ... qui, c'est ... que* относят к фамильярной речи, наблюдаемой в обиходно-бытовом общении, и не включают в литературную норму: *C'est quoi que vous cherchez ?* 'А что это вы ищете?'

Исследование форм специального вопроса с вопросительным словом в инициальной позиции, проведенное нами на материале современных теле- и радиоинтервью с французскими политическими и общественными деятелями,¹ позволило выявить ряд тенденций в их употреблении в данном жанре. Несмотря на то, что, согласно упомянутым авторам, форма вопроса с прямым порядком слов является характерной для неформального общения, в речи журналистов она оказывается наиболее распространенной (47,9 %). При этом выбор прямого порядка слов не обнаруживает связи с видом вопросительного слова, лексическим составом подлежащего (существительное, местоимение второго/третьего лица), длиной предложения, модально-прагматическими коннотациями:

Pourquoi vous ne la citez pas du tout ? 'Почему вы совсем ее не цитируете?'

Comment on les protège dans une république laïque ? 'Как нам защитить их в светском государстве?'

Pourquoi vous n'avez pas fait d'abord tout cet effort ? 'Почему вы с самого начала не приложили всех этих усилий?'

Et comment on combat cette montée des nationalismes, des protectionnismes ? 'И как бороться с возрождением национализма, протекционизма?'

Высокий процент специальных вопросов с прямым порядком слов обусловлен, по-видимому, стремлением к экономии ментальных усилий, которые оказываются необходимыми при выполнении инверсии, а также ситуацией интеракции, характером диалога, в котором журналист «требует» объяснений от собеседника (ср. : [11]).

Второе место по встречаемости занимают вопросы с инверсией (22,1 %), что в определенной мере соответствует выводу французских авторов о распространенности такой формы в устной речи представителей среднего класса. Относительную частотность инверсии можно объяснить желанием журналистов сохранить определенную формальность речи. Характерно, что в подавляющем большинстве случаев глаголы упо-

¹ Исследование проводилось на материале 160 вопросительных высказываний, отобранных методом сплошной выборки.

требляются в форме второго лица множественного числа, и помимо упомянутых выше это такие глаголы, как *attendre, qualifier, expliquer, voir, analyser*. В вопросах со сложной инверсией, представленных в очень небольшом количестве, глаголы в форме третьего лица отличаются разнообразием семантики.

Вопросы с *est-ce que* имеют невысокую частотность и составляют 12,9 %. Анализ модально-прагматических коннотаций, содержащихся в таких вопросах, подтвердил наличие интенсификации, однако установить долю участия оборота *est-ce que* в выражении интенсивности достаточно сложно, поскольку во всех примерах выявлены просодические средства интенсификации: усиленное ударение, нисходящие интенсифицированные тоны на ударных слогах.

Специфичными для интервью следует считать эллиптические вопросы, не содержащие эксплицитно выраженного предикативного ядра, в которых за вопросительным словом следует инфинитив или существительное. Они составляют 14 % от общего числа и представлены как краткими, так и распространенными конструкциями:

Comment définir le moment politique dans lequel nous sommes en ce moment ? 'Как определить политическую точку, в которой мы сейчас находимся?'

Donc, pourquoi ne pas le faire ? 'И почему этого не сделать?'

Alors pourquoi le camp communiste et pourquoi Fabien Roussel ? 'Итак, почему коммунистический лагерь и почему Фабьен Руссель?'

С прагматической точки зрения особенностью таких вопросов является «устранение грамматического субъекта» [1, с. 145] и смещение фокуса внимания на объект или действие. Опускание предикативного ядра позволяет журналисту сохранять неопределенность личной позиции и оставляет вопрос открытым для интерпретации собеседником. Таким образом, эллиптический вопрос можно причислить к диалоговым инструментам журналиста.

Вопросы с вопросительным словом *in situ* встречаются в интервью крайне редко (3,1 %), что вполне объяснимо, если учитывать их прагматическое содержание, на которое указывают французские исследователи.

Просодическая вариативность специальных вопросов со словами *pourquoi* и *comment*

Описания форм специального вопроса и их функционально-прагматических особенностей, предлагаемые различными исследователями, содержат очень ограниченную информацию об их просодической вариатив-

ности. Вместе с тем известно, что чаще всего именно просодия берет на себя выражение различного рода модальных и модально-эмоциональных коннотаций, обеспечивающих реализацию прагматических задач.

Анализ просодии специальных вопросов со словами *comment* и *pourquoi* в инициальной позиции продемонстрировал широкое разнообразие их акцентно-мелодической структуры. Независимо от их синтаксической структуры тональные контуры вопросов представлены двумя типами: *глобальными* контурами, в которых отсутствует просодическое выделение информативно значимого элемента, и *центрированными* контурами, характеризующимися просодическим выделением образующего интонационный центр высказывания коммуникативно важного элемента на фоне «сглаженной» акцентно-мелодической линии остального участка высказывания. В числе проанализированных примеров доля высказываний с глобальным контуром составила $\approx 8\%$, при этом различий в их частотности в зависимости от вопросительного слова (*pourquoi*, *comment*) не выявлено.

Глобальные контуры характеризуются нисходящей конфигурацией с мелодическим максимумом на ударном слоге вопросительного слова. В зависимости от направления движения тона на конечном слоге они образуют две группы:

1) нисходящая конфигурация на протяжении *всего* участка высказывания, следующего за вопросительным словом (рис. 1). Такие тональные структуры описаны в классификации интоном П. Делаттра и считаются прототипическими для специального вопроса:

Comment vous les expliquez ? 'Как вы их объясняете?'

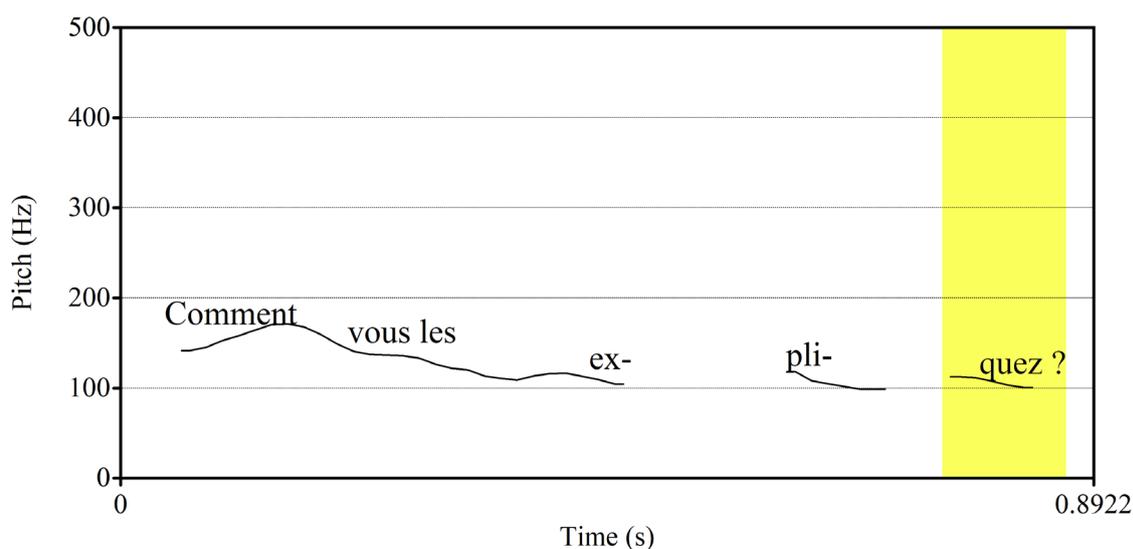

Рис. 1. Глобальный контур с нисходящим движением тона на конечном слоге высказывания

2) нисходящая конфигурация на протяжении участка высказывания, следующего за вопросительным словом, и восходящий тон на конечном слого высказывания (рис. 2):

Co'mment sont enseignées aujourd'hui les... les langues régio'nales en France ? 'Как преподаются сегодня региональные языки во Франции?'

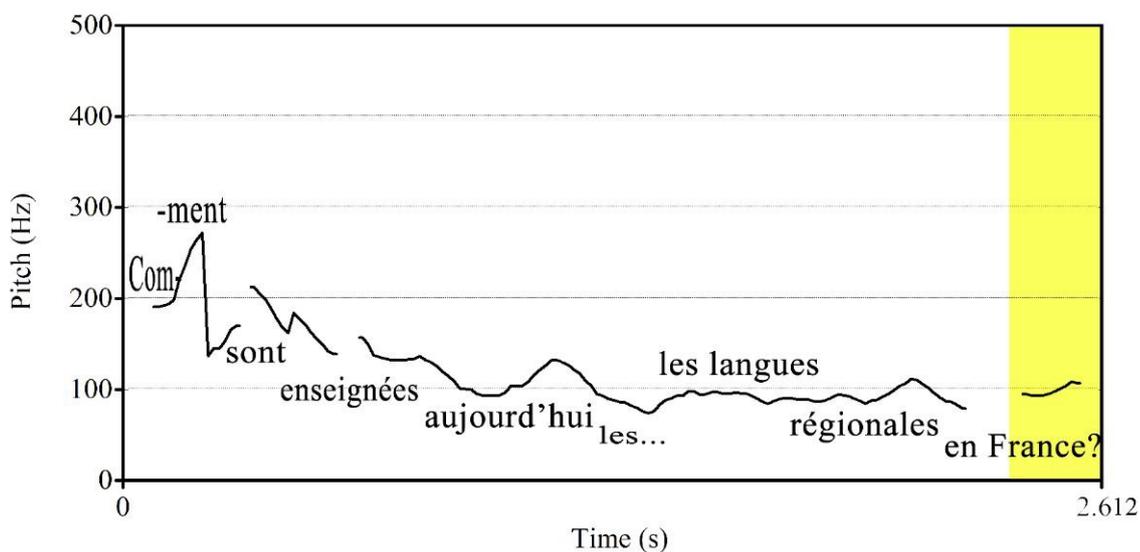

Рис. 2. Глобальный контур с восходящим движением тона на конечном слого высказывания

3) нисходящая конфигурация на протяжении участка высказывания, следующего за вопросительным словом, и ровный тон на конечном слого высказывания (рис. 3):

Co'mment vous la percevez? 'Как вы ее воспринимаете?'

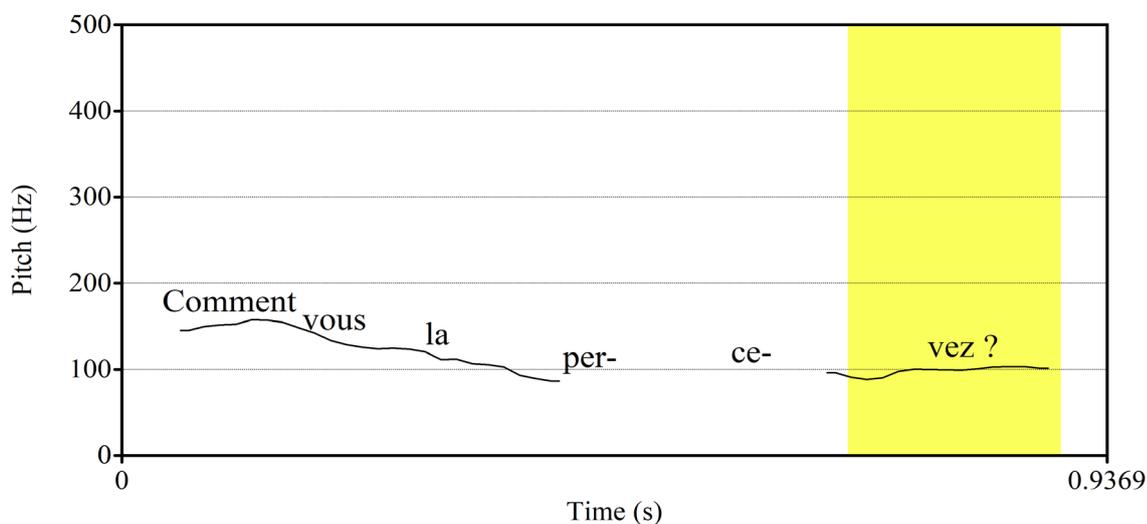

Рис. 3. Глобальный контур с ровным тоном на конечном слого высказывания

4) общая нисходящая конфигурация тонального контура с выраженными тональными пиками на ударных слогах и нисходящим движением на конечном слоге (рис. 4):

Pour "qu*oi* les Fran"ç*ais* vont vo"te*r* de"main pour le R\N? 'Почему французы станут голосовать завтра за Национальное объединение?'

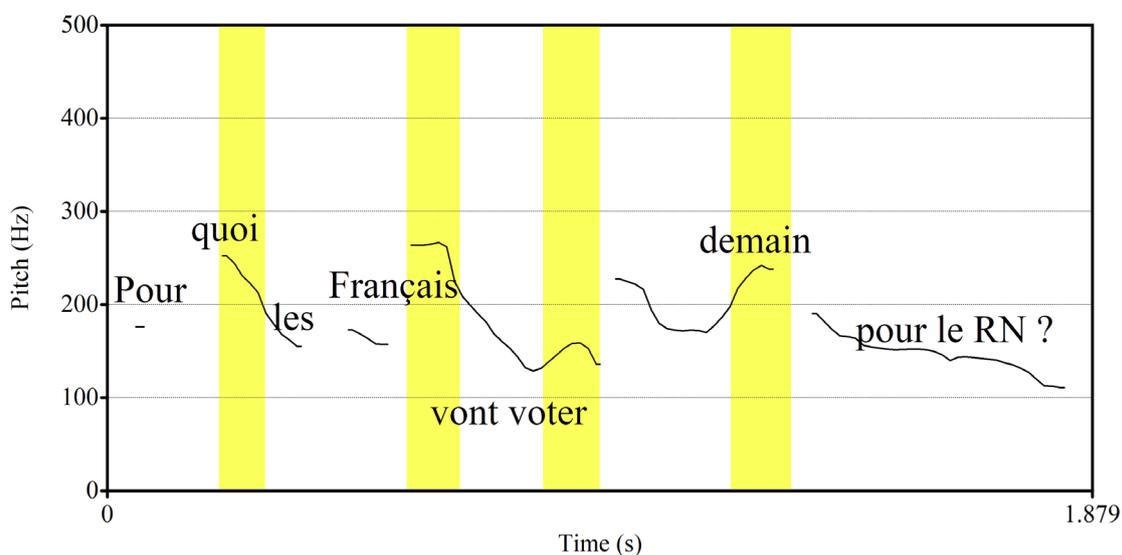

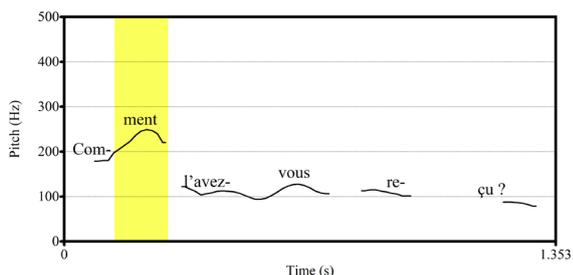
Рис. 4. Глобальный контур с тональными пиками на ударных слогах

Для ц е н т р и р о в а н н ы х контуров характерно наличие просодического ядра, отличающегося, как уже было отмечено, яркой рельефностью информативно значимого элемента высказывания. Конфигурация тонального контура такого рода вопросов определяется локализацией информационного ядра.

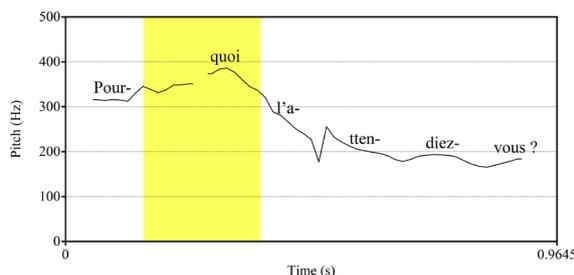
В исследованном материале носителем ядерного тона в 40 % высказываний является вопросительное слово, при этом *comment* значительно реже выступает в качестве ядра по сравнению с *pourquoi* (33 % против 67 %). Тональные контуры вопросов в этих случаях различаются *направлением* движения тона на *ударном* слоге вопросительного слова и на *конечном* слоге высказывания.

Ударный слог вопросительного слова оказывается носителем ядерных тонов как восходящего, так и нисходящего типа, при этом восходящий тип представлен резко восходящим тоном (рис. 5, а), а нисходящий тип – замедленно-ускоренным, отличающимся неравномерной скоростью падения (рис. 5, б). Характерно, что оба тона относятся к маркированным мелодическим формам, предназначенным для передачи субъективно-модальных значений. Конфигурация заядерной части тонального контура имеет сглаженную форму, обеспечивая таким образом мелодическую контрастность информативно значимого элемента:

Com[↑]ment l'avez-vous re[↓]çu ? 'Как вы это восприняли?'
 Pour[↘]quoi l'attendiez-vous ? 'Почему вы этого ждали?'

а) резко восходящий ядерный тон

б) замедленно-ускоренный нисходящий ядерный тон

Рис. 5. Центрированные контуры с ядром на вопросительном слове

В рассматриваемых центрированных контурах конечный слог произносится в большинстве случаев с нисходящим движением мелодии: падение тона в конце высказывания выявлено в 56 % случаев, ровное и восходящее движение составляют соответственно 19 % и 25 %.

Падение тона в конце высказывания осуществляется во всех случаях с равномерной скоростью, а наблюдаемые различия заключаются в тональном интервале (узкий/широкий).

В вопросах с мелодическим *подъемом* на конечном слого выявлены следующие виды восходящего тонального движения:

а) восходящее движение с равномерной скоростью, различающееся интервалом (узкий/широкий) и регистром (от низкого до средневысокого) (рис. 6):

Pour[↘]quoi ne peut-on pas l'imaginer ? 'Почему нельзя себе это представить?';

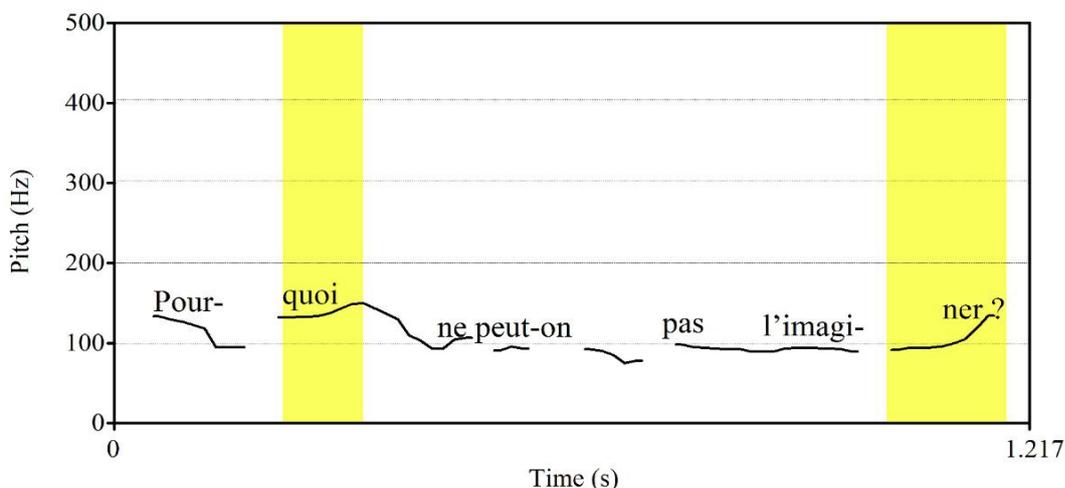

Рис. 6. Центрированный контур с равномерно восходящим движением тона на конечном слого высказывания

б) восходящее замедленно-ускоренное движение узкого интервала в низком и среднем регистрах (рис. 7):

Com[^]ment vous recevez ce son_dage? 'Что вы думаете о результатах опроса?'

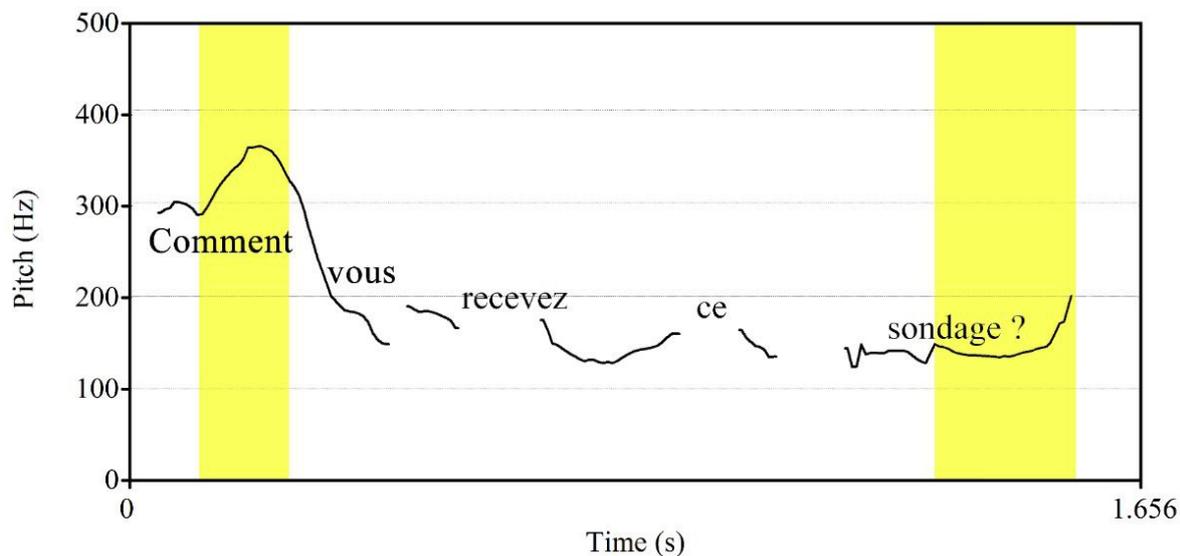

Рис. 7. Центрированный контур с восходящим замедленно-ускоренным движением тона на конечном слоге высказывания

в) ровное движение тона, которому предшествует положительный тональный перепад от предударного к ударному слогу (рис. 8):

Pour[^]quoi c'est aussi compli[^]qué ? 'Почему это так сложно?'

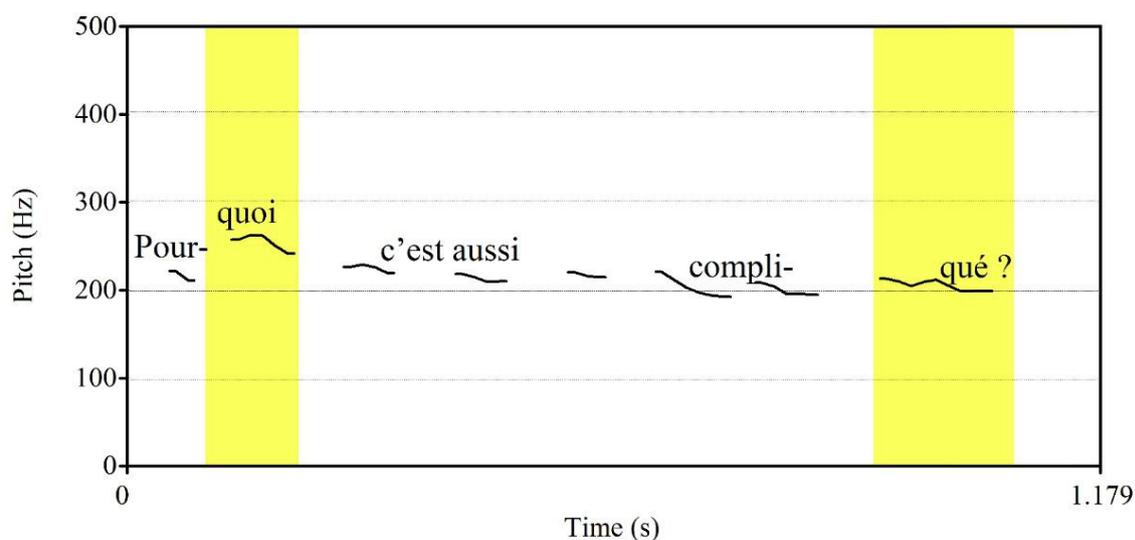

Рис. 8. Центрированный контур с тональным скачком на предпоследнем слоге высказывания

В тех случаях, когда в центрированных контурах информационное ядро приходится не на вопросительное слово, а на другие элементы высказывания (60 %), такие как подлежащее в форме местоимения второго лица (рис. 9, а), именное подлежащее (рис. 9, б), глагольное сказуемое, дополнение, репертуар ядерных тонов не обнаруживает существенных различий по сравнению с тонами, выявленными в высказываниях с ядром на вопросительном слове:

Comment faites-[^]vous pour la 'femme de votre fils ? 'Как вы поступаете в отношении жены вашего сына?'

Mais pourquoi l'Eu[^]rope ne fait 'pas la même 'chose que Joe Bi[^]den ? 'Но почему Европа не делает то же, что Джо Байден?'

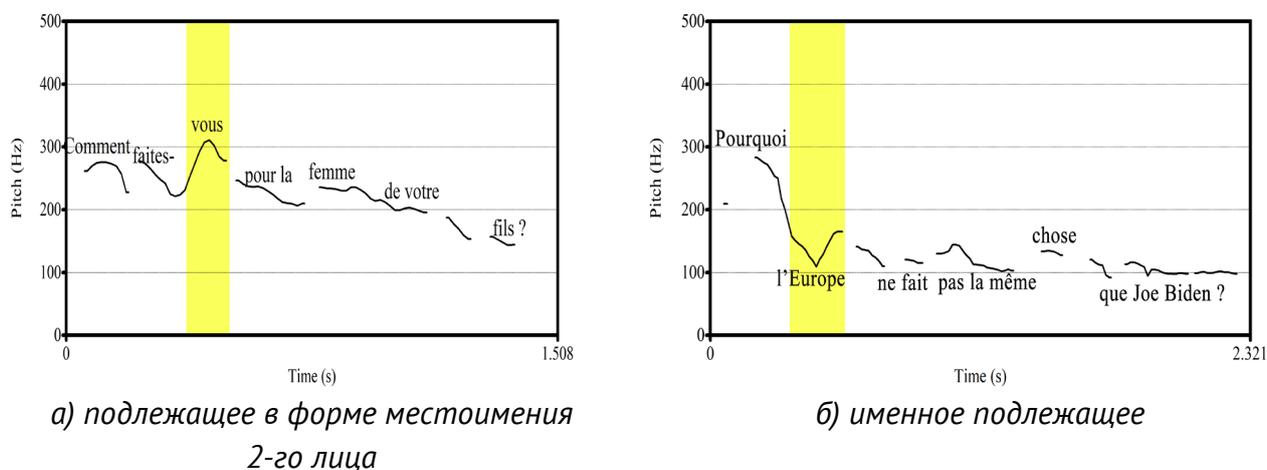

Рис. 9. Центрированные контуры с ядром на подлежащем

Конфигурация предъядерного и заядерного участков определяется, как правило, их протяженностью. При наличии нескольких акцентогенных слов в предъядерной и заядерной частях наблюдаются мелодические пики на ударных слогах, в остальных случаях предъядерный участок характеризуется ровной мелодией. В заядерной части конечный слог реализуется посредством нисходящего, ровного, восходящего тонов.

В распространенных высказываниях возможно наличие двух контрастно выделенных слов, которые можно рассматривать в качестве информационных ядер (рис. 10):

Mais pour'quoi vous n'avez pas [^]fait ; d'a[^]bord tout cet effort ? 'Но почему вы сначала не сделали все эти усилия?'

Co[^]mm[^]ent se su[^]scite une classe écolo'gique ? Как создается экологический класс?

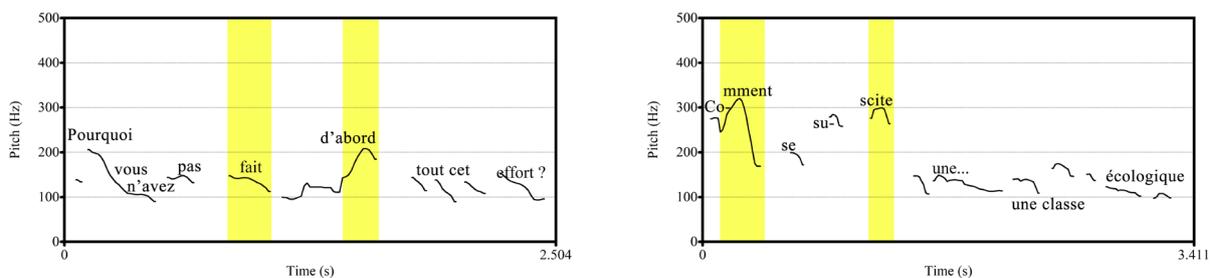

Рис. 10. Центрированные контуры с двумя информационными ядрами

В такого рода вопросах ядерные элементы могут произноситься с нисходящим, резко восходящим, а также сложным восходяще-нисходящим тоном.

Анализ семантико-прагматических характеристик рассматриваемых просодических форм специального вопроса продемонстрировал наличие в их смысловом содержании коннотативных компонентов, относящихся к сфере субъективной модальности (*attitudes*, в терминологии зарубежных авторов). При этом, несмотря на то что наличие некоего коннотативного содержания в исследованных примерах является очевидным, в ряде случаев его название словом оказывается затруднительным. Это объясняется тем, как отмечал И. Фонадь, что модальные отношения (*attitudes*, в его терминологии), передаваемые тональными контурами, не всегда поддаются концептуализации, и что в процессе вторичного (коннотативного. – Л.М., А.Б.) просодического кодирования говорящий выражает допонятийное ментальное содержание, которое он не смог бы сформулировать с помощью единиц двойной артикуляции [12, р. 283]. Наиболее сложными в этом отношении оказываются распространенные высказывания с разветвленной синтаксической структурой, в ходе актуализации которых наблюдается динамика модально-прагматических диспозиций говорящего.

Вместе с тем в большинстве примеров содержание коннотации представляется очевидным и поддается наименованию. При этом обнаружены закономерности в соотношении признаков тонального контура высказываний и их модально-прагматического содержания. С большой степенью достоверности можно утверждать, что, в отличие от глобальных, центрированные контуры посредством интенсификации просодических признаков информационного ядра (при любой его локализации) выражают *настойчивый* запрос информации. Восходящее движение тона на ядерном слогe привносит в вопрос оттенок удивления; нисходящий тон используется для выражения упрека, а также как средство фокализации внимания собеседника на конкретном предмете вопроса, исключая другие альтернативы.

Не менее важную роль в привнесении дополнительных оттенков играет тональное движение на последнем слоге высказывания – фразовый тон. Характерно, что выбор тонального движения на конечном слоге не имеет структурных ограничений. Он не связан ни с типом тонального контура, ни с локализацией информационного ядра в центрированных структурах: направление движения тона, его характер, интервал и регистр являются исключительной прерогативой говорящего. Установлено, что в глобальных контурах *нисходящее* движение узкого интервала в *низком* регистре отражает «нейтральность» говорящего; в обоих типах контуров *ровный* тон в *среднем* регистре передает недоверие, сомнение; *восходящий замедленно-ускоренный* тон в *низком/среднем* регистре выражает заинтересованность; *равномерно восходящий* тон в *средневысоком* регистре соотносится с оттенком недоумения.

Исходя из того, что во всех исследованных примерах вопросительные высказывания выступают в своей первичной функции, правомерно говорить о том, что выявленные тональные контуры находятся в синонимических отношениях, в основе которых лежат модально-прагматические коннотации. Очевидно при этом, что синонимический ряд, в основе которого лежит различие по наличию/отсутствию интенсификации (центрированные /глобальные структуры), и ряд, включающий контуры со значением *упрека, недоверия/сомнения, недоумения, интереса*, представляют собой взаимопересекающиеся образования.

Исследование употребления и коннотативного содержания форм специального вопроса со словами *pourquoi* и *comment* в телевизионных интервью позволяет сделать следующие выводы:

- в связи с тем, что в специальных вопросах иллокутивное значение передается лексико-синтаксическими средствами, участие просодии в формировании смыслового содержания высказывания заключается в привнесении в него модально-прагматических коннотаций;
- признаками тонального контура, релевантными с точки зрения выражения модально-прагматических коннотаций, оказываются: тип контура (глобальный/центрированный); направление, характер, регистр, интервал движения тона на конечном слоге высказывания; для центрированных контуров значимыми являются, кроме того, направление и характер изменения высоты голоса на ядерном слоге (информативно значимом элементе);
- синонимический ряд специальных вопросов со словами *pourquoi* и *comment*, образованный просодическими средствами, не обнаруживает корреляции с синтаксическими формами.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Норман, Б. Ю.* Лингвистическая прагматика (на материале русского и других славянских языков) : курс лекций / Б. Ю. Норман. – Минск, 2009. – 183 с.
2. *D'Imperio, M.* École d'Aix et approches tonales de l'intonation du français : un aperçu des recherches depuis les années 1970 / M. D'Imperio, A. Michelas, C. Portes // *Langue française* – 2016. – № 191 (3). – P. 31–46.
3. *Копров, В. Ю.* Семантико-функциональный синтаксис русского языка в сопоставлении с английским и венгерским / В. Ю. Копров. – Воронеж : О. Ю. Алейников, 2010. – 226 с.
4. *Boucher P.* L'interrogation partielle en français : l'interface syntaxe / sémantique / P. Boucher // *Presses universitaires de Caen: Syntaxe et sémantique* – 2010. – № 11 (1). – P. 55–82.
5. *Druetta, R.* Syntaxe de l'interrogation en français et clivage écritoral : une description impossible ? / R. Druetta // *L'interrogative en français* / éd. : M.-J. Béguelin, A. Coveney, A. Guryev. – Bern : Peter Lang, 2018. – P. 19–50. – DOI : 10.3726/b13079 (дата обращения: 10.04.2024).
6. *Le Goffic, P.* Grammaire de la phrase française / P. Le Goffic, A. Goosse. – Paris : Hachette, 1993. – 589 p.
7. *Fromageat, E.* Les formes de l'interrogation en français moderne : leur emploi, leurs significations et leur valeur stylistique / E. Fromageat // *Vox Romanica* – 1938. – № 3. – P. 1–47.
8. *Grévisse, M.* Le bon usage : grammaire française : langue française / M. Grévisse, A. Goosse. – 14e éd. – Bruxelles : Duculot, 2007. – 1519 p.
9. *Weinrich, H.* Grammaire textuelle du français / H. Weinrich. – Paris : Didier, 1989. – 672 p.
10. *Myers, L-L.* Wh-interrogatives in spoken french: a corpus-based analysis of their form and function / L-L. Myers, A. Goosse. – Austin : Université de Texas, 2007. – 256 p.
11. *Larrivée, P.* Variantes formelles de l'interrogation. Présentation / P. Larrivée, A. Guryev // *Langue française*. – 2021. – Vol. 212 – № 4. – P. 9–24.
12. *Fónagy, Í.* La vive voix : dynamique et changement / Í. Fónagy // *Journal de psychologie*. – 1976. – № 3–4. – P. 273–304.

Поступила в редакцию 17.01.2025

ИССЛЕДОВАНИЯ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

УДК 811.16'42'37'367.625

Сериков Григорий Владимирович

кандидат филологических наук,
доцент, докторант Института
языкознания им. Якуба Коласа
Центр исследований белорусской
культуры, языка и литературы НАН
Беларуси

Ryhor Serykau

Candidate of Philological Sciences,
Docent, Doctoral Student at
The Institute of Linguistics
named after Yakub Kolas
The Center for Research
of Belarusian Culture,
Language and Literature
of the National Academy
of Sciences of Belarus

**ВОЗВРАТНЫЕ ДЕРИВАТЫ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ:
ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ
И ИСТОРИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ****RETURN DERIVATIVES IN SLAVIC LANGUAGES:
FUNCTIONAL, SEMANTIC, HISTORICAL and GRAMMATICAL ASPECTS**

В статье прослеживается путь теоретического осмысления значений возвратных дериватов от времен Ф. Ф. Фортунатова и Е. Ф. Карского до позиций лингвистов нашего времени, ставится вопрос о причинах относительной свободы возвратной морфемы *się, sã, se, sa, ce* в западно- и южнославянских языках, выявляются исторические предпосылки ее трактовки как возвратной клитики, употреблявшейся в эпоху древних славянских памятников письменности в виде энклитической формы возвратного местоимения *себя* и входящей в разнообразные просодические единства. Проведен сравнительный анализ идентичных фрагментов церковнославянских текстов XVII и начала XXI веков с целью выявления организующей роли ударения в праязыке славян, способствовавшего сохранению агглютинированных просодических единств, сохраненных в пользу отождествления данных образований с современными возвратными глаголами.

На примере анализа идентичных фрагментов из Евангелий на разных славянских языках раскрывается историческая связь между возвратными глагольными конструкциями, формами страдательного залога и императива.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *возвратный глагол; морфема; корреспондентный; дельмитер; димитировать; конфрактированный; модификационный ряд; клитика; энклитика; просодическое единство; возвратная модель.*

The article traces the history of theoretical understanding of the meanings of reflective derivatives from the works of F. F. Fortunatov and E. F. Karski to the positions of linguists of our time; it raises the question about the reasons for the relative freedom of

the reflexive morphemes 'się', 'sã', 'se', 'sa', 'ce' in the West and South Slavic languages; reveals the historical prerequisites of the interpretation of these morphemes as reflexive clitics, used in the times of ancient Slavic writing in the form of an enclitic form of the reflexive pronoun 'self' and included in various prosodic unities. A comparative analysis of identical fragments of Old Church Slavonic texts of the 17th and early 20th centuries is carried out in order to reveal the organising role of an accent in the ancient Slavic language, which contributed to the preservation of agglutinated prosodic unities, preserved in favour of identifying these formations with modern reflexive verbs.

Analysis of identical fragments from the Gospels of editions in Church Slavonic and in different Slavonic languages, reveals the historical connection between reflexive verb constructions, the forms of the passive voice and the imperative.

Key words: reflexive verb; morpheme; correspondent; delimiter; dimitation; confracted; modification number; clitics; enclitics; prosodic unity; reflexive model.

Описывая возвратность глаголов как выражение действия, направленного на субъект, и признак, характерный для многих глаголов, причастий и деепричастий, нельзя не затронуть особенности отражения на письме данной древней залоговой формы в церковнославянском и современных славянских языках, поскольку в восточнославянских языках показатель возвратности – постфикс *-ся* – подвергся агглютинации с опорным глаголом, в западнославянских же и южнославянских продолжает употребляться как самостоятельная клитика, выступая то в препозиции, то в постпозиции по отношению к корреспондентному (т. е. «своему») глаголу.

В 1911 г. основоположник белорусской филологии Е. Ф. Карский (1861–1931) в своем фундаментальном труде «Белорусы» обратил внимание на строение и значения возвратных глаголов, начиная от соответствующих фактов, зафиксированных в письменных памятниках, до современных ему белорусских говоров (первая декада XX в.), раскрывая особенности их (возвратных глаголов) функционирования в устной и письменной речи белорусов в разделе «Выражение залогов» [1, с. 376]. Исследователь утверждал, что «...славянские глаголы не имеют особых суффиксов для страдательного залога. Они уже в древнейших памятниках страдательным оборотам предпочитают действительные» [Там же]. Далее Е. Ф. Карский добавлял: «Страдательный залог в живой речи может быть выражаем формами возвратного залога с *-ся*: *изнаидеть ли съ <...> полтескъ град далсз емоу*» [Там же, с. 377], а также: «В современных славянских языках и особенно в русском в роли показателя залога является в настоящее время, да уже и в старину, винительный падеж возвратного местоимения *sz*. Главная его роль в соединении с глаголами переходными показывать, что действие возвращается на самого действующего, на подлежащее. В прежнее время относящиеся сюда глаголы и чувствовались как переходные, а *sz* было к ним прямым дополнением, а затем местоимение

все более и более теряло свое реальное и даже чисто формальное значение, обращаясь постепенно в глагольный суффикс, который в известных случаях может получать даже более краткий вид (-сь)» [1, с. 378]. Используя для иллюстрации особенностей оформления старинных возвратных глаголов материал старобелорусских текстов (напр., Западнорусских летописей по Виленскому и Уваровскому спискам (XV – XVI в.), Судебников XV в., Четьев 1489 г., Псалтирей XVI–XVII в.в., печатных изданий Ф. Скорины, Статутов ВКЛ и мн. др.), филолог-славист подмечал, что возвратная клитика *sz* в названных текстах, судя по ее месту в предложениях, не воспринималась в старину как морфема, как суффикс возвратного глагола *-ся*, поскольку она могла предшествовать глаголу, к которому относилась, и даже отделяться от этого глагола другими словами (называемыми нами в ряде предшествующих публикаций делимитерами [2; 3; 4] и др.): «*sz повоздвигнут рати.., нежели sz словами пишут.., се звело*» и др. [1, с. 377]. Также Е. Ф. Карский утверждал, что «такую постановку *ся* в древнейших памятниках следует приписать влиянию церковнославянского языка, а в более поздних – польского», приводя в качестве примеров соответствующие факты, зафиксированные его современниками, этнографами и фольклористами П. А. Бессоновым (1828–1898), Е. Р. Романовым (1855–1922) и др.: «*Богу ся молитя; соснився мне сон дивный, – и ни ся ён мне соснився, ни ся у казцы сказався*» [Там же, с. 378]. Ссылаясь на выводы Ф. Ф. Фортунатова (1848–1914) в его статье «О залогах русского языка» и полностью соглашаясь с русским лингвистом, Е. Ф. Карский выделил в белорусском языке 4 группы возвратных глаголов: 1) с прямым возвратным действием (*мыцца, купацца, адзевацца*); 2) со значением изменения в состоянии субъекта (*не хоте^нsz, sz боронити, назбиралася их богато*); 3) со взаимным возвратным действием (*бю^мsz, справоватисz, воеватисz, мы любимsz*); 4) с выражением страдательности или с указанием на многого деятеля-субъекта (*конець сталsz, перебродитисz, поспеетsz, надеясz*) [Там же, с. 378–379]. Причин же дальнейшей агглютинации *-ся* с глаголами в истории восточнославянских языков (в отличие от языков западной и южной групп) и превращения данной древней местоименной энклитической формы в морфему Е. Ф. Карский не указывает, ограничиваясь следующим резюме: «Таким образом, из соединения глаголов с *ся* получили глаголы возвратные. Им могут быть противопоставлены все остальные глаголы, как невозвратные. Этими двумя группами и исчерпываются все залоги восточнославянских языков в их современном состоянии» [Там же, с. 378]. Этот факт, возможно, объясняется отчасти тем, что клитики (< греч. *klínō* ‘прислоняться, опираться’), по выражению В. А. Плуменяна, вообще воспринимаются как «класс «неполноценных» слов

в морфологии» [5, с. 28]. Но поскольку любое явление объективной реальности, проявленное в материальном мире, имеет свои первопричины и свои механизмы направленного развития, то логично предположить о существовании предпосылок закрепления энклитической формы местоимения *cz* (< себе (*себѠ*)) в качестве самостоятельной клитики в западно- и южнославянских языках, в отличие от языков восточнославянской группы.

Во всех славянских языках возвратным дериватам присущ, тем не менее, схожий набор семантических функций. Так, например, академическая «Русская грамматика» 1982 г. среди возвратных глаголов действительного залога выделяет 7 смысловых групп: 1) собственно-возвратные глаголы (*умываться, бриться, обуваться*); 2) глаголы взаимно-возвратного значения (*обниматься, целоваться, встречаться*); 3) глаголы косвенно-возвратного значения (*строиться, запасаться, устраиваться*); 4) глаголы активно-безобъектного значения (*крапива жжется, корова бодается, собака кусается*); 5) глаголы характеризующе-качественного значения (*нитки плохие, рвутся; машина хорошо заводится; кофе плохо растворяется*); 6) глаголы общевозвратного значения (*сердиться, тревожиться, удивляться*); 7) побочно-возвратные глаголы (*держаться за перила, цепляться за руку, ушибиться об угол*) [6, с. 617–618]. Согласно выводам современных славистов, возвратная морфема в славянских языках передает интранзитивность (непереходность), рефлексивность (обращение к себе), имперсональность (безличность), реципрокальность (взаимность) [7; 8].

Между тем, какие бы значения в белорусском, русском и украинском языках ни имели возвратные глаголы, все они уже никак не димитируют (отпустить < лат. *dimittas*) возвратную морфему *-ся (-ца), -сь* от глагола, которая уже навсегда лишена своей относительной свободы и является полностью неподвижной в языках восточнославянской группы. Феномен же возвратности в остальных славянских языках заключается в *подвижности* возвратной морфемы-клитики, что является поводом постановки вопроса о причинах такой свободы *się, sã, se, sa, ce* в остальных славянских языках, которая сохраняется со времен первых письменных памятников старославянского языка (IX в.) и, несомненно, уходит своими корнями в эпоху праславянского языкового единства, конец которого приходится на VI–VII в.в.

Соглашаясь с определением клитики как «акцентно несамостоятельной единицы» (по В. А. Плунгяну), не совпадающей ни с морфемой, ни со словоформой, но образующей «некое просодическое единство... с другой (просодически полноценной) словоформой языка (...опорной, или носителем клитики)» [5, с. 28], отметим, что в нашем случае к клитикам, кроме предлогов и частиц, рассматриваемых В. А. Плунгяном, мы относим также старославянскую возвратную морфему *s#*, польскую *się*, кашубскую *sã*,

чешскую **se**, словацкую **sa**, словенскую и хорватскую **se**, сербскую и македонскую **ce** местоименного происхождения, которая ведет себя в западно- и южнославянских языках как обыкновенная клитика, располагаясь то ли справа (как энклитика), то ли слева (как проклитика) от своего носителя.

Наблюдая за относительно свободным, а иногда и устоявшимся в языковой практике (например, поляков) местом возвратной клитики в устном или письменном высказывании, следует отметить, что ее носителем может быть отнюдь не корреспондентный глагол, а любое соседствующее акцентно самостоятельное опорное слово, например: «... *ja się po prostu na Polsce nie znam*» [9, s. 101] ‘я попросту не разбираюсь в Польше’. Здесь возвратный глагол (*nie*) **znam się** ‘(не) разбираюсь’ являет собой конфрактированную (разорванную) словоформу, где возвратная клитика находится в дистактной препозиции, отделяясь от глагола пятью делимитерами. Данное явление описывается моделью **się + n¹ + n² + n³ + n⁴ + n⁵ + V** (где V – глагол < лат. *verbum*, а n¹... nⁿ – делимитеры, т. е. слова, разделяющие клитику от глагола). Таким образом, в синтагме *ja się po prostu na Polsce nie znam* в силу просодических особенностей польского языка (ударение на предпоследнем слоге) клитика **się** объединяется в одно фонетическое слово с предшествующим местоимением *ja* ‘я’, выступая в роли энклитики и образуя вместе с местоимением просодическое единство. Для этой энклитики местоимение *ja* является опорным, ударным словом. Данная синтагма состоит из последовательности 10-ти ударных (долгих) и безударных (коротких) слогов, образующих 4 фонетических слова, где и клитика **się**, и «ее» глагол находятся в слабой позиции, в позиции энклитики: [*ja*́ **się**] [*po* próstu] [*na* Pol'sce] [*nie*́ **znam**], или: [́ **się**] [́ ́] [́ ́] [́ **znam**]. Чистый же просодический рисунок таков: [́ ́] [́ ́] [́ ́] [́ ́]. Проклититками, как видим, здесь являются предлоги *po* и *na*, энклитиками – *się* и *znam*, причем, форма наст. вр. ед ч. 1-го л. глагола *znam* ‘знаю’, как и другие односложные аналогичные формы типа *wiem* ‘знаю’, *chcę* ‘хочу’, *mam* ‘имею’ и др. в сочетании с отрицательной частицей *nie* (как и предлоги *do*, *od* и др. в сочетании с местоимениями: *do nas* ‘к нам’, *do mnie* ‘ко мне’, *od nich* ‘от них’) исторически утратили ударение и превратились в энклиномены (по В. А. Плунонгану) в силу своей односложности и фиксированного ударения на предпоследнем слоге.

О функциональной «незначительности» возвратной клитики, о ее акцентной несамостоятельности свидетельствуют старинные издания Евангелий (атрибутировать которые зачастую не удастся в силу их обветшалости и отсутствия полных выходных данных), написанные церковнославянским языком, в их сравнении с современными переизданиями на том же языке. Сравним два фрагмента (рис. 1) из Евангелия от Матфея:

В Напрестольном Евангелии 1678 г.: БО НА АНЦЕ ЧЕЛОВѢКЪМЪ · РЦЫ ОУБѢ НАМЪ, <u>УГОТНЕНА МНИТЪ</u> ; (Мф. 22:17) [10]	В современном Святом Евангелии 2024 г.: РЦЫ ОУБѢ НАМЪ, <u>ЧТО ТИ СА МНИТЪ</u> ; (Мф. 22:17) [11]
‘итак, скажи нам, как Тебе кажется’	
<u>ЧТОЖЕНА ВАМЪ МНИТЪ</u> ;	<u>ЧТО ЖЕ СА ВАМЪ МНИТЪ</u> ;
(Мф. 21:28) [10]	(Мф. 21:28) [11]
‘что же вам кажется’	

Рис. 1. Варианты просодического единства с клитикой с#

Здесь мы видим, что в издании 346-летней давности возвратная клитика объединяется под общим ударением с местоимением *что*, к которому также предварительно присоединяется энклитическая форма местоимения *тебе* (< ст.-ц.-слав. тобы (тебы, ти)), или частица *же*, что явно свидетельствует об относительной самостоятельности возвратной морфемы по отношению к корреспондентному глаголу *мнить* и ее историческом месте в устной речи. В первом эпизоде (что7тис# мни7ть) перед нами лишь два фонетических слова со своими ударными слогами. В современном же издании Евангелия, как видим, рука просвещенного издателя заботливо рассредоточила «сросшиеся» лексемы, оставив клитику с# безударной, отчего возникает вопрос сегментации: то ли она объединяется с предыдущим местоимением ти7, то ли с последующим глаголом мни7ть. В любом случае перед нами – модель контактной препозиции с# + V с отдельным написанием с# от глагола, что являлось в печатных изданиях XVII в. уже редкостью. Более того, во втором эпизоде (что7жес# ва7мъ мни7ть) имеем местоименной делимитер ва7мъ, прямо указывающий на обособленность возвратной морфемы от глагола. В современной же церковнославянской интерпретации видим уже аналогичную картину сегментации трех просодических единств на пять, причем клитика приобретает уже самостоятельное ударение: что7 же с#7 ва7мъ мни7ть. Здесь мы имеем модель дистантной препозиции с# + n¹ + V, свидетельствующую о просодической спаянности возвратной клитики отнюдь не с глаголом, что свидетельствует об огромной организующей роли ударения и интонации в старославянском (→ церковнославянском) языке.

Однако нетронутыми до сего дня в современных редакциях церковнославянских текстов [11] остаются просодические единства, состоящие из глагола, причинного союза *бо* (< *ибо*) и возвратной морфемы, то ли из гла-

гола, энклитических форм личных местоимений *ми* (< мъны) и *ти* (< тобы, тебы) и возвратной морфемы (рис. 2). В этом случае возвратная модель являет собой агглютинированное просодическое единство в виде **Vn¹c#**, сохраненное в пользу отождествления данных образований с современными возвратными глаголами.

рѡждшеееѡсѡ въ ней, ѿ дѣа ѣсть стѡ: 'ибо родившееся в Ней есть от Духа Святаго' (Мф. 1:20) – модель Vбос#
дѡствосѡ вамъ 'ибо дано будет вам' (Мф. 10:19) – модель Vбос#
ѣ. и глагола: покѡйтесѡ, приближивосѡ црѣтвѣ небное. 'и говорить: ибо приблизилось Царство Небесное' (Мф. 4:17) – модель Vбос#
падъ поклонѡшисѡ 'пав, поклонисься мне' (Мф. 4:9) – модель Vмис#
исповѣдаютисѡ, ѡче 'славлю Тебя, Отче' (Мф. 11:25) – модель Vтис#

Рис. 2. Сохраненные просодические единства с с#

Теперь обратим внимание (рис. 3) на место возвратной морфемы в соответствующих эпизодах со значением 'ибо приблизилось Царство Небесное' (Мф. 3:2 и Мф. 4:17) в Напрестольном Евангелии 1678 г. [10]:

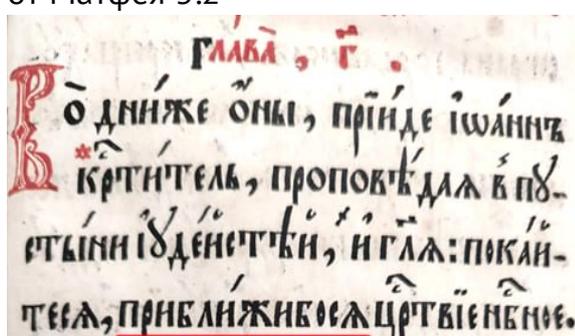
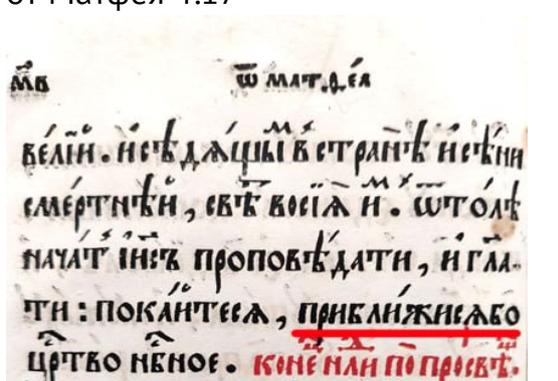
от Матфея 3:2 [11]: приближисѡ бо црѣтво 'ибо приблизилось Царство [Небесное]' (Мф. 3:2) – модель Vс# ++ бо	от Матфея 4:17 'ибо приблизилось Царство Небесное' (Мф. 3:2) – модель Vс# бо
---	---

Рис. 3. Подвижность возвратной морфемы с#

Как видим, во-первых, в последнем эпизоде в современном церковнославянском варианте имеем вариант приближис# бо црСтво, а в Напрестольном Евангелии 1678 г. – приближивос# црСтввЗе, хотя это один и тот же 2-й стих 3-й главы Евангелия от Матфея. Во-вторых, в соседних

главах (3-й и 4-й) старинного издания (Рис. 3) также в этом смысле нет однообразия. Авторы-издатели могли в некотором смысле вольно обходиться с возвратной морфемой с#, но долженствование возвратности глагола обязательно учитывали и подчиняли доминирующему ударению глагола и безударный союз *бо*, и возвратную клитику-морфему с#. В-третьих, величина пробелов между буквами и словами (к тому времени уже печатными), несомненно, свидетельствует о слитном написании как возвратной глагольной формы *приближибос#*, так и *приближис#бо*, что явно указывает на характер произношения такого рода сочетаний, и о роли клитик в то время.

Итак, опираясь на все сказанное выше, обратим внимание, во-первых, на роль возвратной клитики в истории формирования залоговых отношений в некоторых западно- и южнославянских языках и, во-вторых, на ее место в интонационном рисунке соответствующих предложений. Наиболее подходящим источником исследования идентичных текстов в компаративном ракурсе, как видим, являются тексты Библии как наиболее популярной книги в мире. Вызывают особый интерес некоторые фрагменты новозаветных текстов, содержащие возвратные глаголы в русском синодальном переводе, в современном белорусском, в украинском, чешском, словацком, болгарском, македонском, словенском и сербском [12]. Так, например, во фрагменте из Евангелия от Марка, 7:35, наблюдаем фонетические варианты возвратной морфемы:

«И тотчас отверзся у него слух и разрешились узы его языка, и стал говорить чисто» [13].

«І адразу адкрыліся вушы яго і разв'язалися путы яго языка, і пачаў гаварыць выразна» [14].

«І зараз же відкрились його вуха, і розв'язалися зав'язі його языка, і почав він виразно говорити» [15].

Выступающие здесь возвратные глаголы представляют собой результат агглютинации древней энклитической формы возвратного местоимения *sz* (< **себѣ**) с глаголом и превращения ее в постфикс, и судить о первоначальной картине этого явления сегодня нет источниковедческих оснований, как мы убедились выше, даже и по церковнославянскому соответствию данного фрагмента:

И: а8бб3е разверзо7стасz слу:ха эбгв5% иб разрѰши7sz оу8за збзы7ка эбгв5% иб глаго7лаше пра7вв [16]. Как сказал Н. П. Некрасов (1828–1914), «Вообще наш язык смело приставляет *ся* к глаголу, как скоро мысль сосредоточивается главным образом на проявлении самого действия, а не на отношении этого проявления действия к своему предмету» [17, с. 24].

Иная картина представлена в западно- и южнославянских языках. Здесь мы отмечаем разнообразный модификационный ряд возвратных клитик. В польском варианте данный фрагмент звучит так: «*Zaraz otworzyły się jego uszy, więzy języka się rozwiązały i mógł prawidłowo mówić*» [18]. Наблюдаем две наиболее распространенные в польском языке возвратные модели: контактной постпозиции **V + się** (*otworzyły się*) и контактной препозиции **się + V** (*się rozwiązały*).

В болгарском переводе – две модели **се + V**: «*И веднага се отвори слухът му, и се развързаха връзките на езика му, и заговори чисто*» [19];

В сербском синодальном переводе – одна модель **се + V**, вторая – **V + се**: «*И одмах му се отвори слух, и раздријешу се свеза језика његова, и говораше правилно*» [20];

В македонском переводе – две модели **се + V**: «*И веднаш му се отворија ушите и му се разврза врската на неговиот јазик, и зборуваше чисто*» [21];

В словенском переводе – одна модель **V + sa**, вторая – **sa + n¹ + n² + V**: «*I otvorili sa mu uši, jazyk sa mu hned' rozviazal a hovoril správnne*» [22].

В словацком же и чешском переводах этого фрагмента вообще отсутствуют возвратные глаголы, при этом смысл (по прихоти переводчика) полноценно передается страдательными формами соответствующих причастий. В словацком переводе это звучит так: «*A hneď boli otvorené jeho uši, a rozviazané bolo puto jeho jazyka, a hovoril správnne*» [23], т. е. 'были отворены его уши' и 'развязаны были узы его языка'. В чешском переводе: «*A hneď otevřiny jsou uši jeho, a rozvázáán jest svazek jazyka jeho, i mluvil právě*» [24] 'отворены уши его' и 'развязаны узы языка его'.

Последние два варианта переводов свидетельствуют об исторической связи возвратности глаголов со страдательным глагольным залогом (см. выше замечание Е. Ф. Карского). Впрочем никаких препятствий в переводе белорусского, русского или польского варианта данного фрагмента при помощи страдательных причастий также не возникло бы. Сравним:

І адразу адкрыліся вушы яго і развязаіся пумы яго языка, і пачаў гаварыць выразна → *І адразу былі адкрыты вушы яго і развязаны пумы яго языка, і пачаў гаварыць выразна*;

И тотчас отверзся у него слух и разрешились узы его языка, и стал говорить чисто → *И тотчас был отверзт у него слух и разрешены узы его языка, и стал говорить чисто*;

Zaraz otworzyły się jego uszy, więzy języka się rozwiązały i mógł prawidłowo mówić → *Zaraz zostały otworzone jego uszy, więzy języka rozwiązane i mógł prawidłowo mówić*.

Несмотря на «семантическую незначительность» возвратной морфемы, ее никоим образом ни в каком славянском языке нельзя употреблять излишне и не во всех славянских языках семантически тождественные глаголы приобретают возвратность в идентичных контекстах. Например, глаголы, выражающие понятия ‘возвращаться’, ‘садиться’, ‘дотрагиваться’ и др. не требуют наличия в своей структуре формально выраженной возвратной морфемы. Сравним: бел. *вяртаемся дадому*, рус. *возвращаемся домой*, укр. *повертаємось додому*, словац. *vraciate sa domov*, чеш. *vracíte se domů*, болг. *прибираме се у дома*, словен. *vračato se domov*, макед. *се враќаме дома*, а в польском языке в самом глаголе *wracać* ‘возвращаться’ уже содержится понятие обратности, исключающее наличие возвратной морфемы *się*: *wracamy do domu*.

Рассмотрим еще один контекст, содержащий в русском синодальном переводе три возвратных глагола (Евангелие от Марка 1:41): «*Иисус, умилосердившись над ним, простер руку, коснулся его и сказал ему: хочу, очистишь*» [13].

В церковнославянском переводе возвратному деепричастию *умилосердившись* соответствует деепричастие *милосердовав* (‘милосердуя’): I:è,ñú же млСрдовавъ% просте7рь ру5ку% косну7cz E:гw5% и: гл,a E:му5№ хоти5% wбчи7стисч [16];

В белорусском переводе: «*Iicyc жа, злітаваўшыся над ім, працягнуў руку, дакрануўся да яго і кажа яму: хачу, ачыіціся*» [14];

В украинском: «*І, змилосердившись, Ісус простягнув свою руку, доторкнувсь його і сказав до нього: “Хочу, будь чистий!”*» [15];

В польском: «*Zdjęty litością, wyciągnął rękę, dotknął go i rzekł do niego: Chcę, bądź oczyszczony!*» [18];

В словацком: «*A Ježiš, ľútosťou hnutý, vystrel ruku, dotkol sa ho a povedal mu: Chcem, buď čistý!*» [23];

В чешском: «*Ježíš pak slitovav se, vztáhl ruku, dotekl se ho a řekl jemu: Chci, buď čist*» [24];

В болгарском: «*А Иисус, като се смилн, протегна ръка, докосна се до него и му рече: искам, очисти се!*» [19];

В сербском синодальном: «*А Исус смилуовавши се пружи руку, па дохвативши га се рече му: Хоћу, очисти се*» [20];

В македонском: «И му **се** смили, ја протегна раката и го допре и му рече: „Сакам! Биди чист!“» [21];

В словенском переводе: «I *z*lutoval **sa** nad ním, vystrel ruku, dotkol **sa** ho a povedal mu: Chcem, bud' čistý!» [22].

Трем возвратным словоформам, отраженным в русском переводе (умилосердивши**сь**, коснул**ся**, очисти**сь**) соответствуют три возвратные в белорусском (злітаваўшы**ся**, дакрануў**ся**, ачы́сці**ся**), три – в сербском (смиловавши **се**, дохвативши га **се**, очисти **се**), две возвратные в украинском (змилосердивши**сь**, доторкнув**сь**), две в чешском (*slitovav se*, *dotekl se*), две – в болгарском (**се** смили, докосна **се**), две – в словенском (*z*lutoval **sa**, dotkol **sa**), одна – в словацком (*dotkol sa*), одна – в македонском (**се** смили) и ни одной в польском.

В качестве соответствий к словоформе *умилосердивши**сь*** в польском и словацком переводах наблюдаем страдательные конструкции *z*djęty *litością* и *lútosťou hnutý* в значении 'движимый жалостью'.

В польском и македонском переводе возвратному глаголу *коснул**ся*** (дотронул**ся**) в сочетании с местоимением *его* соответствуют семантически тождественные невозвратные глаголы: *dotknął go* (поль.) 'дотронул его' и *го допре* (макед.) 'его дотронул'. В восточнославянских языках исторически устоялась исключительно возвратная словоформа: *доторнул**ся***, *дакрануў**ся***, *доторкнув**сь***. В сербском же варианте наблюдаем конструкцию с конфрагментированным возвратным деепричастием 'дотронувшись его' с местоименным делимитером *га* 'его': *дохвативши га **се***, описываемую моделью **RG + n¹ + се** (< лат. *reflexivum gerundium* 'возвратное деепричастие').

В украинском, польском, словацком, чешском, македонском, словенском переводе собственно-возвратному глаголу *очисти**сь*** соответствуют семантически тождественные императивные конструкции 'будь чист': *будь чистий*, *bądź oczyszczony*, *bud' čistý*, *bud' čist*, *биди чист*, *bud' čistý* соответственно.

Итак, вхождению возвратной морфемы *с#* в просодическое единство в старославянский период способствовала ее односложность, обуславлившая отсутствие собственного ударения, причем оторванность от корреспондентного глагола была обычным явлением, что позволяет допускать важность организующей роли ударения и интонации в старославянском (→ церковнославянском) языке. Гармоничный просодический рисунок, вызванный ритмическим чередованием коротких и долгих слогов, в котором огромную роль играли односложные клитики (союз *бо*, частица *же*,

энклитические формы личных местоимений **ми, ти**), способствовал закреплению энклитической формы возвратного местоимения **с#**, а позже **sa, se, ce, sã, się** в различных пре- и постпозициях в современных славянских языках и постепенному превращению ее в возвратную морфему.

Агглютинированное просодическое единство в виде **Vn¹с#**, а именно: **Vбос#, Vмис#, Vтис#** сохранено в церковнославянских изданиях последнего времени в пользу отождествления данных образований с современными возвратными глаголами.

Устойчивым носителем возвратной клитики-морфемы в церковнославянских текстах является глагол, реже – иные просодические единства типа **что7тис#** (мни7ть), что свидетельствует об огромной организующей роли ударения в праязыке наших предков, имевшем политоническую (музыкальную) просодию.

Наблюдая факты потенциальной взаимозаменяемости возвратных глаголов со страдательными конструкциями и с формами повелительного наклонения в современных западно- и южнославянских языках, можем говорить о генетической связи таких языковых категорий, как возвратность, страдательность (пассивность) и императивность.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Карский, Е. Ф.* Белорусы : в 3 т. / Е. Ф. Карский ; коммент. В. Н. Курцовой. – Минск : БелЭн, 2006. – Т. 2, кн. 2: Язык белорусского народа. – 512 с. : ил. – (Помнікі гістарычнай думкі Беларусі).
2. *Сериков, Г. В.* Возвратные модели в польском переводе Б. Шварцман-Чарноты / Г. В. Сериков // Весн. Мазыр. дзярж. пед. ун-та імя І. П. Шамякіна. – 2022. – № 2 (60). – С. 143–149.
3. *Сериков, Г. В.* Польские возвратные модели в интервью Р. Капустинского / Г. В. Сериков // Изв. Гомел. гос. ун-та им. Ф. Скорины. Гуманит. науки: история, филология, философия. – 2022. – № 4 (133). – С. 131–137.
4. *Сериков, Г. В.* Энклитика *sz* в структуре возвратных глаголов Лаврентьевской летописи / Г. В. Сериков // Изв. Гомел. гос. ун-та им. Ф. Скорины. Гуманит. науки: история, филология, философия. – 2023. – № 1 (136). – С. 91–99.
5. *Плунгян, В. А.* Общая морфология. Введение в проблематику : учеб. пособие / В. А. Плунгян. – 4-е изд. – М. : ЛИБРОКОМ, 2012. – 384 с. – (Новый лингвистический учебник).

6. Русская грамматика / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; редкол. : Н. Ю. Шведова (гл. ред.), Н. Д. Арутюнова, А. В. Бондарко [и др.]. – М. : Наука, 1982. – Т. I : Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / Н. С. Авилова, А. В. Бондарко, Е. А. Брызгунова [и др.]. – 783 с.
7. *Норман, Б. Ю.* Возвратные глаголы-неологизмы в русском языке и синтаксические предпосылки их образования / Б. Ю. Норман // Wikireading. – URL: <https://tech.wikireading.ru/aEgGreMvHm> (дата обращения: 06.01.2025).
8. *Kępińska, A.* Profesor Salomea Szlifersztejnowa jako historyk języka polskiego / A. Kępińska // *My z nich. Spuścizna językoznawców Uniwersytetu Warszawskiego* / red. nauk. : Zofia Zaron, Zbigniew Greń. – Warszawa, 2017. – S. 199–211.
9. *Strączek, K.* Ryszard Kapuściński autoportret reportera / K. Strączek. – Kraków : Znak, 2003. – 145 s.
10. Евангелие на престольное. – М., 1678.
11. Святое Евангелие : религиозное издание – М. : ИП Карпов С. В., 2024. – 448 с.
12. Библия // Азбука веры : православный интернет-ресурс. – URL: <https://azbyka.ru/biblia/> (дата обращения: 06.01.2025).
13. Библия // Азбука веры : православный интернет-ресурс. – URL: <https://azbyka.ru/biblia/?r> (дата обращения: 06.01.2025).
14. Библия // Азбука веры : православный интернет-ресурс. – URL: <https://azbyka.ru/biblia/?Mk.7&v> (дата обращения: 06.01.2025).
15. Библия // Азбука веры : православный интернет-ресурс. – URL: <https://azbyka.ru/biblia/?Mk.7&ua> (дата обращения: 06.01.2025).
16. Библия // Азбука веры : православный интернет-ресурс. – URL: <https://azbyka.ru/biblia/?Mk.1&utfcs> (дата обращения: 06.01.2025).
17. *Некрасов, Н. П.* О значении форм русского глагола / Н. П. Некрасов // Соч. Н. Некрасова. – С.-Петербург. : Тип. и лит. И. Паульсона и К°, 1865. – С. 25.
18. Библия // Азбука веры : православный интернет-ресурс. – URL: <https://azbyka.ru/biblia/?Mk.1&pl> (дата обращения: 06.01.2025).
19. Библия // Азбука веры : православный интернет-ресурс. – URL: <https://azbyka.ru/biblia/?Mk.7&bg> (дата обращения: 06.01.2025).
20. Библия // Азбука веры : православный интернет-ресурс. – URL: <https://azbyka.ru/biblia/?Mk.7&z> (дата обращения: 06.01.2025).

21. Библия. Ветхий Завет Библии // Gospelgo. – URL: https://www.gospelgo.com/u/macedonian_bible.htm#Mark (дата обращения: 06.01.2025).
22. Biblija // SLB Bible. – URL: <https://www.bible.com/bible/644/MRK.7.SLB> (date of access: 06.01.2025).
23. Bible // Gospelgo. – URL: https://www.gospelgo.com/u/slovak_bible.htm#Mark (date of access: 06.01.2025).
24. Bible = Ветхий Завет Библии // Азбука веры : православный интернет-ресурс. – URL: <https://azbyka.ru/biblia/?Mk.7&cze> (дата обращения: 06.01.2025).

Поступила в редакцию 30.01.2025

ЛІТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ**УДК821.161.3.09-1«20»**

Бараноўскі Аляксандр Аляксандравіч
кандыдат філалагічных навук, дацэнт,
загадчык аддзела беларускай літаратуры
XX і XXI стст. Цэнтра даследаванняў
беларускай культуры, мовы і літаратуры
НАН Беларусі
г. Мінск, Беларусь

Aliaksandr Baranouski
PhD in Philology, Associate Professor,
Head of the Department
of Belarusian Literature of the 20th
and 21st Centuries of the Center
for Research of Belarusian Culture,
Language and Literature
National Academy of Sciences of Belarus
Minsk, Belarus
baranouski.ales@gmail.com

**ДЫДАКТЫЗМ І ВЫХАВАННЕ
Ў СУЧАСНАЙ ЛІТАРАТУРНАЙ ПЕРЫЁДЫЦЫ БЕЛАРУСІ:
АД ПАЭТЫЧНАГА АМАТАРСТВА ДА ПРАФЕСІЯНАЛІЗМУ**

**DIDACTICISM AND EDUCATION
IN THE MODERN LITERARY PERIOD OF BELARUS:
FROM POETIC AMATEURISM TO PROFESSIONALISM**

У артыкуле аналізуецца дыдактычна-выхаваўчая роля літаратурна-мастацкай перыёдыкі ў фарміраванні творчага шляху пачынаючых аўтараў. Асаблівая ўвага надаецца пераходу ад аматарскага ўзроўню да прафесійнай літаратурнай дзейнасці, а таксама захаванню і трансляцыі традыцый як адметнага фактару, што ўплывае на развіццё сучаснай беларускай літаратуры.

К л ю ч а в ы я с л о в ы: *маладая паэзія Беларусі; перыёдыка; сучасная беларуская паэзія; літаратурная генерацыя; традыцыя; дыдактызм.*

The article analyzes the didactic and educational role of literary and artistic periodicals in shaping the creative path of novice authors. Special attention is paid to the transition from amateur to professional literary activity, as well as the preservation and transmission of traditions as a distinctive factor influencing the development of modern Belarusian literature.

К e y w o r d s: *young poetry of Belarus; periodicals; modern Belarusian poetry; literary generation; tradition; didacticism.*

Ці застаецца паэзія XXI стагоддзя сродкам выхавання грамадства? Як яе дыдактычныя магчымасці карэлююць з аксіялагічнай шкалай маладых аўтараў? Дзе пачынаючым літаратарам заявіць пра сябе і не стаць “у рожкі

са старымі”, захаваўшы самасць? Чым забяспечана пераемнасць традыцый сёння? Што патрэбна маладой паэзіі, каб творчы парыў стаў творчым прарывам? Згаданыя пытанні ў многім вызначаюць сучасную літаратуру – у яе дынаміцы і рэфлексіі.

Прыгожае пісьменства, як вядома, звязвае часы і пакаленні, захоўвае, перадае назапашаны досвед чалавецтва, натхняе, захапляе, навучае, перасцерагае, в ы х о ў в а е. Паэзія як апэратыўны спосаб рэагавання на зменлівую рэчаіснасць стымулюе сацыяльную эмпатыю, абмяжоўваючыся тым не менш наяўнымі чытацкімі каштоўнасцямі – духоўнымі, этычнымі, эстэтычнымі. Выхаванне дзяцей адбываецца заўсёды, нават калі бацькоў няма дома, – гаварыў А. С. Макаранка [1]. І ў гэтым сэнсе ўздзеянне пісьменніка на фарміраванне асобы (як вынік – нацыі) праз твор – адно з самых моцных.

Рэцыпіент часцей успрымае мастацкі тэкст з пункту гледжання задавальнення, а не жадання разабраць яго на складовыя элементы (так званая “наіўная” чытацкая стратэгія). Чым меншая эстэтычная дыстанцыя паміж творам і публікай, тым вышэй ступень эмацыянальнай уцягнутасці індывіда ў працэс яго спасціжэння. Але гэта базавы патэнцыял любога віду мастацтва. Што да яго к а н к р э т н а г а ў в а с а б л е н н я, то паэзія з ранняга дзяцінства ўзбагачае вобразнае мысленне і маўленне чалавека, практыкуе яго паэтычны слых, наладжвае пачуццё рытму, такта, тэмбру, тэмпу, інтанацыі, а галоўнае, пры дапамозе адпаведных сродкаў выразнасці ў дасціпнай форме раскрывае глыбокія маральна-этычныя і выхаваўчыя ідэі. Рытмічныя канструкцыі, яркія запамінальныя метафары развіваюць уменне бачыць свет праз прызму сімвалаў і асацыяцый. Асабліва важна, каб паэзія рабіла гэта ненавязліва, паляпшаючы ўспрыняцце і разуменне складаных тэм.

Гаворачы пра ступень уплыву сучаснай беларускай паэзіі на д у х о ў н а е в ы х а в а н н е г р а м а д с т в а, мы невыпадкова пачынаем з літаратуры для падростаючага пакалення, якая адрасавана дзецям, але выбіраюць яе для дзяцей бацькі (Уільям Годвін). Лавіруючы паміж самавыяўленнем і патрэбай навучыць, выхаваць, накіраваць, многія айчыныя аўтары працуюць для розных узроставых катэгорый. Так было і з класікамі прыгожага пісьменства Эдзі Агняцвет, Петрусём Броўкам, Васілём Віткам, Кандратам Крапівой, Паўлюком Пранузам і інш. Да іх творчасці звяртаюцца пастаянна. А што важней – іх справу працягваюць праз дзесяцігоддзі. Сённяшняму маленькаму чытачу знаёмыя імёны Алеся Бадака, Раісы Баравіковай, Ірыны

Буторынай, Анатоля Экава, Ніны Галіноўскай, Казіміра Камейшы, Уладзіміра Мазго, Міколы Маляўкі, Міколы Мятліцкага, Міхася Пазнякова, Іны Фраловай, Міколы Чарняўскага, Міколы Шабовіча, Віктара Шніпа і інш.

Паэзія, арыентаваная на падростаючае пакаленне, і творчасць маладых аўтараў фарміруюць узаемадапаўняльны культурны дыялог. “Беларусь”, “Родная мова”, “Дзякуй”, “Кім быць?”, “Наш род”, “Дзед і ўнук”, “Мама маёй маці”, “Жадаю жыць у міры”, “Адкрыў для сябе” – творы на злабадзённыя тэмы са старонак літаратурна-мастацкага часопіса для дзяцей малодшага школьнага ўзросту – “Вясёлка”. Вершы, прызначаныя згаданай узроставай групе, не толькі па сутнасці, але і па форме асаблівыя – накіраваны, напрыклад, на развіццё арфаэпічных здольнасцей (скорагаворкі, лічылкі, “легкамоўкі” і інш.). Іх напісанне патрабуе ад аўтараў філалагічнай і педагогічнай падрыхтоўкі.

Паколькі навучанне і выхаванне прыкладамі, сыходзяцца ў думцы педагогі (Г. Драйдэн, Дж. Вос, Л. С. Выгоцкі, Я. Корчак і інш.), маюць большы вынік, чым патрабаванні і прамыя ўказанні, паэзія становіцца ідэальным інструментам для рэалізацыі шэрагу задач: назіранне і перайманне, эмацыянальны водгук, актывізацыя крытычнага і вобразнага мыслення, педагогіка даверу. Згаданых арыенціраў, напрыклад, трымаюцца метадысты пры распрацоўцы школьных падручнікаў: правілы ў іх заўжды чаргуюцца з ілюстрацыйнымі элементамі.

Мастацкая кніга як звод маральных законаў і правіл таксама рэтрансліюе адпаведныя ўзоры – экспліцытна (прамая дыдактыка) альбо імпліцытна (праз мадэлі правакатыўнай педагогікі). Напрыклад, праз памылкі адбываецца набыццё лірычным героем станоўчага досведу, а пастаноўка актуальных пытанняў замест адказаў на іх актывізуе ў дзяцей мысленчыя працэсы. Вядомым прыкладам літаратурнай рэалізацыі ідэй правакатыўнай педагогікі лічацца “Шкодныя парады” рускага пісьменніка Рыгора Остэра (выхаваўчая мэта дасягаецца шляхам высмейвання недарэчных сітуацый).

Беларускі паэт Анатоль Экаў, аўтар і былы літаратурны рэдактар часопіса “Вясёлка”, актыўна выкарыстоўвае паэзію як сродак лінгвістычнага развіцця, фарміравання моўнай кампетэнцыі ў дзяцей. Яго вершы, прадстаўленыя ў названым выданні, выконваюць дыдактычную функцыю, спрашчаючы засваенне складаных правілаў беларускай мовы:

Цяжка правілы вучыць?
Вы з такіх не першыя!
Паспрабую вам дапамагчы
ПРАВІЛЬнымі вершамі [2, с. 15].

Засвоіла выдатна Маша,
Калі чытала кніжку:
На мове беларускай нашай –
Як чуем, так і пішам [2, с. 15].

Перад націскам у першым складзе
Я замест Е, Ё выводзіць Надзя.
Піша: лес – лясны, а мёд – мядовы...
Вы запомніць правіла гатовы? [2, с. 15].

Праз зразумелыя вобразы і даходлівае выкладанне думак аўтар дапамагае дзецям лягчэй запомніць складаныя арфаграфічныя і граматычныя канструкцыі, ператвараючы вывучэнне мовы ў займальны працэс.

Вучэбна-прыкладныя вершы ў “Вясёлцы” гарманічна суіснуюць з творамі анталогічнага, філасофска-медытатыўнага і пейзажнага характару. Нягледзячы на адрозненне ў тэматыцы і стылістыцы, многія з іх змяшчаюць дыдактычны падтэкст, накіраваны на фарміраванне маральных арыенціраў у юных чытачоў. Так, верш Ніны Галіноўскай акцэнтуюе ўвагу на неабходнасці ўсведамлення чалавечых каштоўнасцей: “– Ёсць ісціна спрадвеку, / Табе пара ўжо знаць: / Сапраўдным чалавекам / Павінен кожны стаць” [3, с. 21]. Расціслаў Бензюрук у лаканічнай афарыстычнай форме падкрэслівае важнасць адказнасці за свае словы: “Словам, браце, даражы, / А скажаўшы – дакажы” [4, с. 14]. У сваю чаргу, верш Серафімы Беставай прывівае экалагічную свядомасць, вучыць клопату аб прыродзе: “З дрэва ягад не чапаем, / На зіму іх пакідаем. / Будзе птушачкам ласунак” [5, с. 2] і інш.

Кожны нумар часопіса “Вясёлка”, як і маладзейшага за яе на 44 гады выдання “Бусі”, змяшчае творы аўтараў-пачаткоўцаў. Рэдакцыя рэгулярна атрымлівае лісты ад дзяцей з усіх рэгіёнаў Беларусі. Аўтарамі твораў з’яўляюцца школьнікі, якія робяць першыя крокі ў паэтычнай творчасці. Іх заахвочванне і падтрымка – важны напрамак работы рэдакцыі і адукацыйных устаноў. Асабліва з улікам таго, што дзіцячыя часопісы выкарыстоўваюцца педагогамі пачатковай школы як сродак стымулявання творчай актыўнасці і самастойнасці вучняў.

Часопісы для дзяцей “Дуду” і “Жэўжык” прыцягваюць увагу ўнікальнай канцэпцыяй, адаптаванай да сучасных патрэб юных спажывцоў. Так, часопіс “Дуду”, арыентаваны на дашкольнікаў, збірае пад вокладкай простыя тэксты і маляўнічыя ілюстрацыі, таму ідэальна падыходзіць для ранняга ўзросту. Акрамя таго, выданне змяшчае гульнёвыя заданні на развіццё кагнітыўных навыкаў і фарміраванне ў дзяцей цікавасці да друкаванага мастацкага слова.

“Жэўжык” – анлайн-часопіс, што адкрывае яго для шырокай аўдыторыі. Змест тут таксама разнастайны: літаратурныя творы, галаваломкі, калектыўныя заданні. Ініцыятыва бацькоў-энтузіястаў забяспечвае ўвагу да запытаў сучасных беларускіх сем’яў, арыентуючы часопіс на інтэрактыў і сумеснае чытанне.

Беларуская дзіцячая літаратура XXI ст., рухаючыся па шляху камерцыялізацыі, паступова выходзіць за межы традыцыйных эстэтычных і жанравых катэгорый, уласціваў класічнаму прыгожаму пісьменству. Гэтая тэндэнцыя адлюстроўваецца ў змесце і формах новых выданняў. Напрыклад, галоўным героем часопіса “Асцярожна: дзеці!” з’яўляецца Занадта Разумны Смартфон, які не толькі ўдзельнічае ў разгадванні дэтэктыўных гісторый, але і выступае інструментам пазнання навакольнага свету. Сучаснасць праяўляецца ў тэматыцы публікацый (“Асцярожна: вірус!”, “Усё пра дроны”, “Скарб у падземлі”, “Электрамабілі”, “Віртуальная рэальнасць” і інш.) і ў спосабах падачы матэрыялу. Праз QR-коды часопіс накіроўвае чытачоў да інтэрнэт-рэсурсаў з дадатковай інфармацыяй, спрыяючы інтэграцыі традыцыйнай літаратуры з лічбавымі тэхналогіямі.

Інтэрнэт становіцца важным інструментам для маладога аўтара: ад самапрэзентацыі і пошуку аўдыторыі да ўдзелу ў анлайн-конкурсах. Акрамя таго, дзякуючы адкрытай лічбавай прасторы аўтары могуць атрымаць рэцэнзіі на ўласныя творы ў выглядзе каментароў. Свабода словавыяўлення ў такім выпадку стварае маральна-этычную праблему, што з’яўляецца ўжо прадметам іншых даследаванняў.

Серыя “Жывая класіка – дзецям”, распачатая ў 2017 годзе па ініцыятыве Міністэрства інфармацыі Рэспублікі Беларусь, уяўляе сабой значны праект у галіне дзіцячай літаратуры і адукацыі. Яна створана з мэтай папулярызацыі класічных твораў беларускіх аўтараў сярод маладога пакалення, садзейнічае фарміраванню ў яго літаратурнага густу і патрыятызму. Абраныя для серыі творы дапамагаюць вучням глыбей усвядоміць гісторыка-культурную спадчыну Беларусі, спрыяюць чытацкай і маўленчай актыўнасці. У рамках згаданай ініцыятывы праводзіцца Рэспубліканскі конкурс юных чытальнікаў “Жывая класіка”.

Па звестках Белстата за 2020 год, мастацкая літаратура для дзяцей і падлеткаў склала 6,5 % ад агульнай колькасці выдадзеных у Беларусі кніг і брашур, што не на шмат менш за літаратурна-мастацкія выданні ў цэлым (7,1 %). З 346 друкаваных адзінак дзіцячай літаратуры 218 прыпала на прозу, 54 – на паэзію, 39 – розныя жанры, 33 – фальклор, 2 – драматургію. Доля часопісаў масавага прызначэння зафіксавана на ўзроўні 18,7 %, часопісы для шырокага кола чытачоў не перавысілі 11,6 % [6].

Перыядычны друк працягвае заставацца значным каналам распаўсюджвання паэтычнага слова. Калі творчыя дасягненні прадстаўнікоў старэйшага пакалення літаратараў паддаюцца аналізу на аснове колькасці і якасці апублікаваных імі кніг, то для маладых аўтараў пошук аўдыторыі непазбежна звязаны з публікацыяй у перыядычных выданнях. Менавіта яны становяцца першым этапам іх літаратурнай кар’еры.

Інтэлектуальны часопіс для падлеткаў “Бярозка”, у прыватнасці яго рубрыка “Заяўка на Парнас”, адкрывае паэтаў-аматараў, даючы ім пляцоўку для рэалізацыі першых літаратурных спроб. “Ствараем разам творчую прастору!” – слоган, што актыўна прасоўваецца рэдакцыяй у інтэрнэце. Хэштэгам #Творчасцьчытачоў напрыканцы 2023 года бярозкаўцы запусцілі аднайменную рубрыку ў папулярнай сацсетцы. Першай “ластаўкай” стаў верш Марыі Бакуновіч “Горад жыве”. Ён падкрэслівае дынаміку сучаснага гарадскога асяроддзя, рэзаніруючы з моладзевым разуменнем урбанізму: “Разрастаецца лесам каменным / І высаджвае кветкі са шкла. / Усё вышэй узнімаюцца сцены, / А за імі схавана душа” [7].

Маладая генерацыя творцаў звяртаецца да грамадзянскай лірыкі як спосабу рэфлексіі над глабальнымі і лакальнымі калізіямі, спалучаючы асабістыя перажыванні з калектыўным досведам. Такія творы яднаюць класічную рэцэпцыю грамадзянскай праблематыкі з актуальнымі сацыяльнымі выклікамі.

Мая Радзіма – гэта наша вёска
І хаты, што стаяць уздоўж дарог,
Лугі, палі і стройныя бярозкі –
Усё, што наш народ збярог [7, с. 20].

Радзіма для Дар’і Раманьковай (на момант публікацыі – дзевяцікласніцы мінскай гімназіі) – “песня жаўрука”, “карагод Купальскі”, “першы жніўны колас”, “бульбяныя стравы”, “ручнікі, абрусы” і, у рэшце, канстатуе юная паэтэса, Радзіма гэта – беларусы. Аксіялагічная шкала Дар’і апелюе да традыцыйных канстантаў, “выпеставаных” шматвяковай гісторыяй “зямлі пад белымі крыламі”. Што, дарэчы, не з’яўляецца адзінкавым прыкладам.

Паводле апытання, праведзенага сярод чытачоў часопіса “Бярозка” ў маі 2024 года, найбольшую цікавасць выклікала гістарычная тэматыка, апырэдзіўшы экалагічную і спартыўную. Юныя аўтары шчыра прызнаваліся ў любові да сваіх бацькоў, надаючы асаблівую ўвагу тэме сям’і. Лірычныя героі іх твораў звярталіся да “матулі-мовы”, выказваючы жаданне захаваць яе для будучых пакаленняў. Не абышлі ўвагай тэму міру, разважаючы пра

“мірнае неба” над Беларуссю. Услаўлялі подзвігі ветэранаў Вялікай Айчыннай вайны. Асаблівым водгукам душы стала памяць пра Хатынь: верш Анастасіі Шмальковай, вучаніцы Бараўлянскай школы, напісаны ў гонар 80-й гадавіны хатынскай трагедыі, перадаў балючае і важнае разуменне нацыянальнай гістарычнай памяці:

Хатынь – гэта памяць,
Каб нам не забыцца,
Што ў час старадаўні
Паспела адбыцца.
Каб ведалі,
Колькі каштуе свабода,
І каб не забыліся
Пра подзвіг народа [8, с. 20].

Творчасць беларускіх школьнікаў не абмяжоўваецца грамадзянскай лірыкай. У адпаведнасці з узростам дзеці ахвотна звяртаюцца да блізкіх і зразумелых ім тэм: святы, вакацыі, забавы, а таксама першае пачуццё кахання. Цікавяцца падлеткі і беларускай міфалогіяй. У вершах узнікаюць алюзіі на традыцыйныя вобразы і легенды (“Казка пра шчасце”, “Зюзя”, “Багіня хатняга агню”, “Лепельскі цмок”, “Вяселле сонца і месяца”, “Баба-Яга” і інш.), што, верагодна, часткова абумоўлена ўплывам школьнай праграмы і пазакласным чытаннем. Акрамя таго, “Бярозка” рэгулярна друкуе творы пераможцаў конкурсаў на лепшы мастацкі твор. Гэта таксама тлумачыць схільнасць дзяцей да “дарослых” і “змрочных” тэм.

Больш высокі ўзровень прафесійнай падрыхтоўкі маладых аўтараў знаходзіць адлюстраванне ў паэтычных публікацыях часопіса “Малодосць”, які збірае ў асноўным творы прадстаўнікоў розных гуманітарных дысцыплін – ад студэнтаў-філолагаў да навуковых даследчыкаў (Ірына Макарчук, Таццяна Курмазія, Кацярына Самусенка, Аляксандра Жалязнова, Андрэй Кімбар, Кацярына Янчэўская, Юлія Алейчанка, Марына Верабей і інш.). Кожны па-рознаму асэнсоўвае праблематыку жыцця, творчасці і самавыяўлення. Іх мастацкая рэфлексія спалучае актыўную жыццёвую пазіцыю з экзістэнцыйнымі пошукамі, максімалісцкімі афірмацыямі: “Рабі, што павінна, хай будзе, што будзе, / Няхай табе ў твар пасміхаюцца людзі” [9, с. 29]. Адно выказваюць скептыцызм адносна ўласнай маральнай трываласці: “Бракуе даверу / найперш да сябе” [10, с. 16], іншыя звяртаюцца да дапушчальнага ў мастацкім кантэксце перабольшання: “І на ўсё я, здаецца, гатова, / Каб паэзіі сэрца аддаць” [11, с. 26]. Менавіта гэтак перабольшанне

ў пэўны момант становіцца каталізатарам творчай свабоды, адкрываючы мастаку доступ да патаемнага свету мараў, дзе духоўнае “я” ўступае ў канфрантацыю з фізічным. У выніку гэтага ўзаемадзеяння і супрацьстаяння нараджаецца мастацкая ісціна:

Складана адчуваць чалавечую слабасць
і адчайна імкнуцца адужаць патокі вады.
Ёсць веды, што трэба прайсці
парогі абяздоленасці,
скрозь дождж і разлівы рэк убачыць
паварот да сябе – цішыні бязводнай ... [12, с. 23].

Анталагічныя матывы падштурхоўваюць творцаў да адкрыццяў – малых і вялікіх, прыватных, і агульназначных. А вось што іх саміх натхняе, можна даведацца ў рубрыках не паэтычных, аднак не менш цікавых, напрыклад, пра любімыя кнігі юнацтва.

У беларускай перыёдыцы для дзяцей і школьнікаў актыўна публікуюцца як аматары, так і прызнаныя майстры слова, чые творы служаць крыніцай натхнення для пачаткоўцаў. Дыдактычнага вектара трымаюцца аўтары-традыцыяналісты Ніна Шклярава, Мікола Чарняўскі, Людміла Кебіч, Алесь Бадак, Віктар Шніп і інш. Практычная мудрасць – аснова іх светапогляду.

Часопіс “Полымя” займае асобнае месца ў сучасным літаратурным працэсе, захоўваючы статус аўтарытэтнага выдання з багатай гісторыяй. Дзякуючы прызнанню Вышэйшай атэстацыйнай камісіі (ВАК), ён аб’ядноўвае на сваіх старонках творы паэтаў, празаікаў, даследчыкаў, спрыяючы міждысцыплінарнаму дыялогу і развіццю нацыянальнай літаратурнай думкі. Традыцыя пераемнасці, абраная беларускімі творцамі ля палымянскіх вытокаў стагоддзе таму, працягваецца і сёння. У паэтычным разнагалоссі “права на песню” набылі маладыя галасы Рагнеда Малахоўскага, Уладзіміра Чараухіна, Кацярыны Роўды, Ксеніі Шаржановіч і інш. Некаторыя аўтары зрабілі паэзію сваім прафесійным заняткам.

Часопіс – адносна кансерватыўны кангламерат з аформленай рэдакцыйнай палітыкай. У той час як газета – чуйнае да змен выданне, цярпімае да тых, хто яшчэ не зарэкамендаваў сябе ў паэтычным мастацтве. Дасягальным для айчыннага пісьменніка застаецца ЛіМ. Больш за 90 год газета запальвае зоркі на небасхіле літаратуры. Штотыдня выходзіць чытачоў змястоўнымі рэцэнзіямі, цікавымі інтэрв’ю, анонсамі, рэпартажамі. Знаёміць з народнай творчасцю, рэалізуе нацыянальныя праекты. У фокусе

ЛіМа – вершы як ужо знаёмых пастаяннаму чытачу аўтараў, так і новых. Для апошніх важная веха ў біяграфіі – дэбютныя публікацыі, і ЛіМ – выдатная пляцоўка, каб яе займець.

Спарадычнасць і аб’ём вершаваных нізак у перыядычным друку, вядома, не дае поўнай карціны сучаснага літаратурнага працэсу, але звяртае ўвагу на пэўныя тэндэнцыі, зрухі, важныя для літаратуразнаўчых даследаванняў і прагнозаў. Рубрыкі “Паэзія”, “Крытыка”, “Чытацкі дзённік” і інш. прадстаўляюць не толькі аўтарскае бачанне свету, але і прафесійны аналіз творчасці, што дазваляе ацаніць яе з розных перспектыв.

Дапамагаюць у самасцвярджэнні творцам літаратурныя конкурсы: прэмія імя А. Бачылы за лепшую паэтычную публікацыю – газета “Літаратура і мастацтва”, конкурс “БрамаМар” – часопіс “Маладосць”, міжнародны конкурс “Першацвет” – Міністэрства інфармацыі Рэспублікі Беларусь, выдавецтва “Мастацкая літаратура”, РВУ “Выдавецкі дом “Звязда” і інш. Часта іх кніжным увасабленнем становяцца калектыўныя зборнікі, а з часам – першыя кнігі паэтаў. Дапамагае гэтаму ў тым ліку дзейнасць грамадскіх аб’яднанняў, напрыклад, Саюза пісьменнікаў Беларусі.

Такім чынам, паэзія ў сучасным перыядычным друку выконвае некалькі важных функцый. Як сродак выхавання падростаючага пакалення акумулюе і ў дасціпнай паэтычнай форме перадае назапашаны досвед беларусаў. Яе дыдактычны патэнцыял выяўляецца ў непасрэдным навучанні, а таксама ў фарміраванні крытычнага мыслення, эстэтычнага густу. Публікацыя ў такога кшталту выданнях становіцца першым літаратурным крокам і разам з тым важнай падзеяй у кантэксце пераемнасці культурных традыцый, умацавання сувязі паміж рознымі творчымі генерацыямі.

Пытанне аб выхаваўчых мажлівасцях літаратуры тым больш актуальнае, чым часцей яно супрацьпастаўляецца патэнцыялу лічбавага стагоддзя. Барацьба за чытацкую ўвагу вызначыла ўзаемаадносіны паэзіі з іншымі відамі атрымання інфармацыі, у тым ліку праз інтэрнэт, але не адказала на пытанні, ці можа вопыт аўтара (у праватнасці, маладога) некага навучыць, наколькі пры гэтым важны аўтарытэт асобы, папулярнасць твора, як ажыццяўляецца развіццё літаратуры ва ўмовах лічбавізацыі, якім шляхам праходзіць пачынаючы аўтар да сваёй першай кнігі і інш.

Аналіз перыёдыкі паказвае, што сучасная беларуская паэзія не толькі адаптуецца да лічбавых умоў, але і развіваецца дзякуючы ім. Папяровы перыядычны друк, трансліюючы рэдакцыйную палітыку, захоўвае галоўнага цэнзара. Лічбавізацыя і арыентацыя на новыя медыя дазваляюць пашыраць аўдыторыю беларускай літаратуры. QR-коды, інтэрактыўныя заданні і сацыяльныя сеткі ствараюць дадатковыя магчымасці для папулярнасці мастацкага слова сярод моладзі.

Беларуская паэзія XXI стагоддзя праходзіць дынамічны этап, калі важна захаваць нацыянальную адметнасць, не страціўшы цікавасці да пошуку новых форм самавыяўлення. Перыёдыка – гэта прастора творчага сталення, шлях ад аматарства да прафесіяналізму, шлях ад першага верша да першай кнігі паэта.

ЛІТАРАТУРА

1. *Макаренко, А.* Воспитание в семье / А. Макаренко. – Куйбышев : УЧПЕДГИЗ, 1955. – 320 с.
2. *Зэкаў, А.* Правільныя вершы / А. Зэкаў // Вясёлка. – 2021. – № 1. – С. 15.
3. *Галіноўская, Н.* Кім быць / Н. Галіноўская // Вясёлка. – 2020. – № 5. – С. 21.
4. *Бензярук, Р.* Пан і рака / Р. Бензярук // Вясёлка. – 2020. – № 6. – С.14.
5. *Бестава, С.* Пацеркі / С. Бестава // Вясёлка. – 2020. – № 8. – С. 2.
6. Статистический обзор ко Дню печати. – URL: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_reviews/index_41733/?sphrase_id=2061401 (дата звароту: 29.07.2024).
7. *Бакуновіч, М.* Горад жыве. – URL: https://www.instagram.com/p/CztDL0alAf3/?img_index=3 (дата звароту: 10.12.2024).
8. *Шмалькова, А.* Хатынь / А. Шмалькова // Бярозка. – 2023. – № 6. – С. 20.
9. *Макарчук, І.* Чакаю свайго вогнішча / І. Макарчук // Маладосць. – 2023. – № 6. – С. 29.
10. *Кімбар, А.* За дзень да чарговай вясны / А. Кімбар // Маладосць. – 2023. – № 4. – С. 16.
11. *Мізерыя, К.* Зорачка вядзе па свеце / К. Мізерыя // Маладосць. – 2023. – № 4. – С. 26.
12. *Янчэўская, К.* Судакрананне / К. Янчэўская // Маладосць. – 2023. – № 6. – С. 23.

Поступила в редакцию 27.12.2024

Вострыкава Алена Уладзіміраўна

кандыдат філалагічных навук,
дацэнт, дацэнт кафедры тэарэтычнага
і беларускага літаратуразнаўства
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт
г. Мінск, Беларусь

Alena Vostrykava

PhD in Philology, Associate Professor,
Associate Professor of the
Department of Theoretical
and Belarusian Literary Studies
Belarusian State University
Minsk, Belarus
vostrykova72@mail.ru

ГІСТАРЫЧНАЯ ТЭМА Ё СЛАВАЦКАЙ ЛІТАРАТУРЫ:
СТАНАЎЛЕННЕ, ЭВАЛЮЦЫЯ, ЖАНРАВАЯ СПЕЦЫФІКА ТВОРАЎ

HISTORICAL THEME IN SLOVAK LITERATURE:
FORMATION, EVOLUTION, GENRE SPECIFICITY OF WORKS

У артыкуле разглядаюцца генезіс і эвалюцыя гістарычнай тэмы ў славацкай літаратуры ад узнікнення да сучаснасці. Даследуецца тэматычная і жанравая спецыфіка твораў, дзе прама альбо ўскосна прысутнічае гістарычны складнік. Робяцца высновы пра ідэйную і мастацкую адметнасць увасаблення гісторыі ў славацкім прыгожым пісьменстве. Выяўлены аўтары, якія ў сваёй творчасці надавалі пэўную ўвагу гістарычнай праблематыцы і рабілі персанажамі сапраўдных гістарычных асоб. Вылучаны перыяды ў развіцці славацкай літаратуры, калі гістарычная тэма была ў мастацкім фокусе. Вызначаны часы, калі зварот да гісторыі не з'яўляўся дамінантным у творах славацкіх пісьменнікаў, патлумачаны прычыны дадзенай тэндэнцыі.

К л ю ч а в ы я с л о в ы : *славацкая літаратура; гістарычны раман; жанравая спецыфіка; міфалогія.*

The article examines the genesis and evolution of the historical theme in Slovak literature from its emergence to the present day. The thematic and genre specificity of the works where a historical component is directly or indirectly present is studied. Conclusions are drawn about the ideological and artistic distinctiveness of the embodiment of history in Slovak fiction. The authors who paid a certain amount of attention to historical issues in their creative work and made real historical figures their characters are identified. The periods in the development of Slovak literature when the historical theme was in the artistic focus are highlighted. The time when the appeal to history was not dominant in the works of Slovak writer is determined, and the reasons for this tendency are explained.

K e y w o r d s : *Slovak literature; historical novel; genre; specificity; mythology.*

Гістарычны жанр займае асаблівае месца ў славацкай літаратуры. Ён з'яўляецца формай увасаблення нацыянальнай свядомасці, летапісам жыцця славакаў, што абумоўлівае цікавасць да яго даследчыкаў розных краін.

У рускім літаратуразнаўстве пра мастацкія творы на гістарычную тэму ў кантэксце развіцця славацкай літаратуры пісалі Л. Кішкін, Ю. Багданаў, Н. Шведава [1; 2; 3; 4]. Асэнсаваннем славацкага гістарычнага рамана 1970–1980-х гг. займаліся Л. Широкава [5], А. Малевіч [6]. У славацкай філалагічнай навуцы гэтай праблематыцы прысвечана работа Р. Біліка [7]. Тым не менш застаюцца пытанні, якія патрабуюць разгляду з улікам сучасных метадалогій і падыходаў.

Упершыню тэма нацыянальнага мінулага ў славацкай літаратуры з'яўляецца ў гістарычных песнях XVI стагоддзя. Гэта былі вершаваныя творы, у якіх расказвалася пра гістарычныя падзеі, недалёкія па часе. Па форме яны блізкія такім фальклорным жанрам, як балада альбо ўласна песня. Імёны іх стваральнікаў часта былі невядомымі. Самымі слыннымі і старажытнымі з'яўляюцца “Песня пра Мураньскі замак” (1549) і “Песня пра Сігецкі замак” (1566). Першы твор апісвае штурм замка Мурань, які належаў непакорнаму рыцару, а ў другім апяваецца харвацкі бан Мікулаш Зрынскі і яго атрад, які абараняў Сігецкую крэпасць ад туркаў. Гэтым песням уласцівыя пазнейшыя дапрацоўкі, што набліжае іх да фальклорнага феномену. Яшчэ адзін значны твор – “Песня пра сіні камень і Дзівін” (1596), дзе ўслаўляецца абарона замка ад турэцкіх захопнікаў. Так у славацкую літаратуру ўваходзіць “турэцкая” гістарычная тэма. Названыя вышэй творы з'яўляюцца яскравым прыкладам спалучэння фальклорных і літаратурных элементаў. Гэтыя гістарычныя песні вызначае героіка-патрыятычны складнік, які набліжае іх да гераічнага эпасу іншых народаў.

У XVII стагоддзі гістарычная тэма ўвасабляецца ў славацкай літаратуры праз мемуарныя творы і апісанне падарожжаў. Яна таксама цесна звязана з мастацкім адлюстраваннем турэцкай экспансіі, паколькі аўтары ўспамінаюць, галоўным чынам, пра абарону роднай зямлі, турэцкі палон, пра рэлігійную барацьбу і пераслед за пратэстанцкую веру, а таксама ўдзел у антыгабсбургскіх паўстаннях. Самы вядомы славацкі пісьменнік, які адлюстраваў свае жыццёвыя перыпетыі, – Шцепан Піларык (Štefan Pilárik; 1615–1696), евангелічны святар, які трапіў у турэцкі палон і быў прададзены афіцэру. Той злітаваўся над ім і дапамог вярнуцца на радзіму. Гэтаму прысвечаны напісаны рыфмаванай прозай “Лёс Піларыка Шцепана” (1966), у якім канкрэтна і дэталёва ўзнаўляецца біяграфія самога аўтара.

Пра пераслед пратэстантаў мемуарныя творы пакінулі евангелічныя святары Тобіаш Маснік (Tobiash Másník; 1640–1697), Юрай Лані (Juraj Láni; 1646–1688), Ян Сіманідас (Ján Simonides; 1648–1708). Яны адмовіліся прыняць каталіцкую веру, за што былі асуджаны на катаржныя работы на іспанскіх галерах. Адтуль ім пашанцавала збегчы і трапіць праз Альпы

ў Нямеччыну, пра што яны падрабязна напісалі ў сваіх мемуарах, акцэнтаваўшы найбольшую ўвагу на рэлігійнай праблематыцы, а таксама на сваім побыце ў няволі. Іх творы маюць гістарычную значнасць і таксама могуць быць далучаны да першых праяў увасаблення гістарычнай тэмы ў славацкай літаратуры, хаця названыя аўтары ўзнаўлялі даволі нядаўняе мінулае. Аднак менавіта асэнсаванне імі гістарычных падзей і іх наступстваў робіць узгаданыя вышэй мемуары датычнымі да гістарычнага жанру ў сучасным разуменні яго крытэрыяў. Тэма барацьбы з туркамі ў гэты час па-ранейшаму знаходзіць сваё выражэнне ў гістарычных песнях, напрыклад, у “Песні пра Новыя замкі” (1668). Аднак, як зазначае рускі славіст Л. Кішкін, “тыповы для гістарычных песень XVI стагоддзя гераічны пачатак змяняецца ў песнях XVII стагоддзя характэрнымі для літаратуры барока нараканнямі, шкадаваннямі і скаргамі” [1, с. 683]. Таксама даследчык гаворыць пра адсутнасць антытурэцкага пратэсту ў творы, дзе параза ў барацьбе з туркамі тлумачыцца як пакаранне за грахі [Там жа].

Каштоўныя гістарычныя звесткі мы можам адшукаць ў “Падарожным дзённіку” (1710) Даніэля Крмана (Daniel Krman; 1663–1740), які пісаў на чэшскай мове і лаціне. Ён быў вядомым славацкім пісьменнікам-пратэстантам, прыхільнікам Ферэнца Ракоцы, які змагаўся з уладамі Габсбургскай імперыі. Дзённік Крмана, які памёр у зняволенні, быў поўнасю надрукаваны толькі ў другой палове XX стагоддзя. З гэтага твора мы даведваемся, што яго аўтар у 1708–1709 гг. праехаў праз Польшчу, Літву, Прусію і Беларусь. У Магілёве ён сустрэўся з шведскім каралем Карлам XII, перадаў яму прашэнне аб падтрымцы славацкіх пратэстантаў і паўстання Ракоцы, стаў сведкам Палтаўскай бітвы, быў знаёмы з Мазэпам [8].

Безумоўна, як праяву гістарычнай тэматыкі трэба згадаць фальклорныя збойніцкія песні XVII–XVIII ст.ст., дзе цэнтральным персанажам становіцца сапраўдная гістарычная асоба разбойніка Юрая Яношыка, які ўзначальваў збойніцкую дружыну, але быў схоплены і пакараны ўладамі ў 1713 г., пра што захавалася шмат дакументаў. Пазней, у нацыянальнай літаратуры з’яўца аўтарскія творы розных жанраў, прысвечаныя высакароднаму славацкаму разбойніку Яношыку.

XVIII–XIX стагоддзі адкрываюць новую старонку ў асваенні славацкімі пісьменнікамі гістарычнай тэмы, паколькі часы Нацыянальнага адраджэння даюць адзіную літаратурную мову, а таксама разуменне славакамі сябе як асобнага славянскага народа, які адыграў сваю ролю ў гісторыі. Мінуламу славацкага народа прысвечаны лацінскія гістарычныя сачыненні Юрая Папанэка (Juraj Papánek; 1738–1802) “Гісторыя славянскага народа...” (1780) і Юрая Скленара (Juraj Sklénar; 1748–1790) “Старажытнейшае раз-

мяшчэнне Вялікай Маравіі...” (1784), якія читалі асветнікі і наступныя пакаленні славакаў і пачыналі ганарыцца сваёй мінуўшчынай і сваім народам. Дарэчы, у аўтарскую літаратуру славацкага Нацыянальнага адраджэння згаданую вышэй гістарычную “яношыкаўскую” тэму ўводзіць славянскі паэзіст Павал Ёзаф Шафарык (Pavol Jozef Šafárik; 1795–1861); потым яна будзе шырока інтэрпрэтавацца славацкімі рамантыкамі. Шафарык таксама з’яўляецца аўтарам вершаў “Праслаўленне славянскіх хлопцаў” і “Апошняя ноч” пра разбойнікаў Яношыка і Сураўца.

Да гістарычнага мінулага славакаў звяртаўся класіцыст Ян Голы (Ján Hollý; 1785–1849), які стварыў манументальныя паэмы-эпапеі “Сватапрук” (1883), “Кірыла-Мефадзіяда” (1835), “Слаў” (1839). У сваіх эклогах, элегіях і одах ён таксама звяртаўся да айчыннай гісторыі і міфалогіі. Ян Голы прыгадвае часы Вялікай Маравіі, якія лічыць “праславацкімі”, апісвае падзвігі продкаў. Славакі для паэта – спадчыннікі Вялікай Маравіі. У сваіх вершах Я. Голы рэканструюе мінулае славакаў, якое, на яго думку, было велічным, гераічным.

Падобная канцэпцыя бачання славацкай гісторыі назіраецца потым у пакалення славацкіх рамантыкаў-штураўцаў. Апошнія актыўна распрацоўвалі гістарычную тэму ў нацыянальнай літаратуры, зрэшты, як і іншыя славянскія рамантыкі. Так, загадкавы паэт Янка Краль (Janko Kráľ; 1822–1876) піша пра Яношыка (цыкл “Фрагменты з Яношыка”, паэма “Янка”). Сама Халупка (Samo Chalupka; 1812–1883) стварае гераічную песню “Запавет Яношыка” (1846) пад уплывам славацкіх збойніцкіх песень.

Уласна гістарычны матэрыял увасобіўся ў прозе славацкага рамантызму. Майстрам гістарычнай аповесці становіцца Ян Калінчак Ján Kalinčiak (1822–1881). У 1840-я гг. ён друкуе такія творы, як “Магіла Мілка”, “Маладзён славацкі”, “Паломніцтва каханна”, “Святы дух” і інш., дзе дае галерэю гістарычных асоб і панараму падзей. Н. Шведава зазначае, што Калінчак спрабуе ў сваіх гістарычных творах “...убачыць гістарычны матэрыял у свеце тых праблем, якія хвалявалі аўтара і яго пакаленне. Пры гэтым Калінчак разглядае толькі адзін сацыяльны зрэз – славацкае дваранства – у тыя часы, калі яно адыгрывала значную ролю ў лёсах народа (аб’ектыўна – у лёсе Венгрыі). Аднак ён звяртаецца і да гісторыі іншых народаў, поўнай міжэтнічных і міжканфесіянальных сутыкненняў («Сербіянка»)” [2, с. 197]. У “Магіле Мілка” герой ахвяруе каханнем дзеля выратавання радзімы, у “Маладзёне славацкім” Калінчак звяртаецца да часоў ранняга Сярэднявечча, у “Паломніцтве каханна” апісвае эпоху турэцкіх набегаў на славацкія землі.

Яшчэ адзін дзеяч славацкага рамантызму, Ёзаф Міласлаў Гурбан (Jozef Miloslav Hurban; 1817–1888), у сваёй паэме “Лёсы Нітры” (1842) узнаўляе падзеі эпохі Вялікай Маравіі і апісвае постаць караля Сватаплука, а ў гістарычнай аповесці “Алейкар” (1846) адлюстроўвае часы Матуша Чака Трэнчанскага, венгерскага магната, “некаранаванага караля” Заходняй і Цэнтральнай Славакіі ў складзе Венгрыі, “гаспадара Вага і Татр”, які сімвалізуе моц і росквіт дзяржавы ў XIV стагоддзі.

Дарэчы, тэарэтык і ідэйны лідар славацкага рамантызму Людавіт Штур (Ľudovít Štúr; 1815–1856) гістарычную тэму засведчыў у героіка-эпічных паэмах “Святабой” і “Матуш з Трэнчына”, якія датуюцца 1840-мі гг. У другой палове XIX стагоддзя рамантык Андрэй Сладкавіч (Andrej Sládkovič; 1820–1872) стварае ліра-эпічную паэму “Міліца” (1858), прысвечаную сербска-турэцкаму супрацьстаянню, вершаваны эпас на гістарычную тэму “Граф Мікулаш Шубіч-Зрынскі” (1866), дзе робіць названага ваяводу героем славянскай, а не венгерскай гісторыі і параўноўвае яго лёс з лёсам Іаана Хрысціцеля (матыў адсечанай галавы). Ян Бота (Ján Botto; 1829–1881) друкуе ў 1862 г. паэму “Смерць Яношыка”, у якой зноў галоўным героем становіцца слыны дзеяч славацкага збойніцкага руху.

Ужо згаданы раней Ян Калінчак стварае гістарычныя раманы “Князь ліптаўскі” (1852) і “Арава” (1870), дзе ў адрозненні ад яго папярэдніх твораў ўжо назіраецца імкненне да аб’ектыўнага аповеду, а не толькі алегарычнае пераасаэнсаванне гістарычных фактаў. Ё. М. Гурбан у рамане “Готшалк” (1861) піша пра часы гвалтоўнай хрысціянізацыі і германізацыі славянскіх плямёнаў і праводзіць паралелі паміж сучаснымі і мінулымі падзеямі. У аповесці “Трэнчанскі Матуш” (1866–1870) аўтар дэманструе падкрэсленую дакументальнасць, аб’ектыўнасць, аслабленне мастацкага пачатку. Сама Томашык (Samo Tomášik; 1813–1887) у 1864–1876 гг. друкуе шэраг аповесцей, якія ўтвараюць пэўную хроніку Мураньскага замка з XVI па XVIII ст. На думку Н. Шведавай, гэта хутчэй папулярная гісторыя, а не паўнавартасная мастацкая гістарычная проза [2, с. 450].

Людавіт Кубані (Ľudovít Kubáni; 1830–1869) вядомы няскончаным з-за заўчаснай смерці гістарычным раманам “Валгата” (1872) пра рыцара-гусіта Здэнэка Валгату. Твор напісаны ў манеры Вальтэра Скота, вылучаецца дзіўнай для пісьменніка-славака “правенгерскай” пазіцыяй у інтэрпрэтацыі гістарычных падзей. У рамане акцэнт робіцца на венгерска-чэхаславацка-нямецкіх калізіях. Даследчыкі адзначаюць тонкі псіхалагізм, стылёвую вытанчанасць, цікавыя сюжэтныя лініі, захапляльныя перыпетыі кахання – гэта якраз і вылучае раман Кубані сярод іншых. Гэты пісьменнік у славацкім літаратуразнаўстве пазіцыянуецца як рамантык “другой хвалі” [2, с. 451–452].

Ёнаш Забарскі (Jonáš Záborský; 1812–1876) праславіўся як аўтар гістарычных трагедый, якія ўтвараюць тры цыклы (са славацка-венгерскай, паўднёваславянскай і рускай гісторыі). У гісторыі ўсходніх славян пісьменніка цікавіў час Смуты ў Маскоўскай дзяржаве, асоба Ілжэдзімітрыя. Забарскі быў супраць вольнага абыходжання з гістарычнымі фактамі. У сваіх п’есах аўтар паказвае супрацьстаянне рацыянальных і ірацыянальных сіл у гісторыі. Менавіта ў гэтым ён бачыць прычыну сацыяльных катастроф. Героем яго твораў становіцца ўжо згаданы раней Матуш Чак.

Прадстаўнікі “першай хвалі” славацкага рэалізму (1870–1900) ўвогуле не звярталіся да гістарычнай тэмы ў сваёй творчасці. Толькі ў 1929 г. пасмяротна ўжо былі апублікаваны гістарычныя раманы мэтра славацкага рэалізму Марціна Кукучына (Martin Kukučín; 1860–1928) “Лукаш Благасей Красонь” і “Багуміл Валізлосць Забар”. Абодва творы прысвечаны чэхаславацкім стасункам напярэдадні рэвалюцыі 1848 г. Сярод прадстаўнікоў “другой хвалі” рэалізму і Славацкай Мадэрны таксама ніхто не зацікавіўся мастацкім увасабленнем гістарычных падзей ні ў прозе, ні ў паэзіі. У гэты час устаноўкі мадэрнізму не спрыялі раскрыццю гістарычнай тэмы. Пошукі былі скіраваны пераважна ў бок формы. Толькі ў наступны міжваенны перыяд Ёзаф Грэгар Таёўскі (Jozef Gregor Tajovský; 1874–1940) напіша гістарычную драматызаваную хроніку “Смерць Дзюрка Лагсфельда” (1923) пра падзеі 1848–1849 гг.

Пасля ўтварэння Чэхаславакіі актывізаваўся Ладзіслаў Надышы-Еге (Ladislav Nádaši-Jégé; 1866–1940), які стварыў цэлы цыкл навэл, аповесцяў, раманаў, напісаных на розныя тэмы славацкай, чэшскай, венгерскай, польскай і італьянскай гісторыі (“«Легенда» Веняўскага” (1922), “Адам Шангала” (1923), “Куруцы” (1925), “Магістр рыцар Донч” (1926), “3 даўніх часоў” (1927), “Сватаплук” (1928), “Італія” (1931) і інш.) Рускі славакіст Ю. Багданаў мяркуе, што ў гэтых творах “...незалежна ад змены дэкарацый назіраецца ўстойлівае адзінства ў дачыненні да апісаных падзей і герояў” [3, с. 489]. Заўважаецца ўплыў філасофіі пазітывізму, тэорыі Дарвіна, натурылізму Эміля Заля, што ўвасобілася ў канцэпцыі чалавека, які трактуецца славацкім празаікам як частка жывой прыроды, прадукт біялагічнай эвалюцыі, а яго дзеянні абумоўлены эротыкай і інстынктам самазахавання. Ю. Багданаў у сувязі з такім разуменнем чалавека зазначае, што “будучы прыкладзенай да гісторыі, гэта канцэпцыя дазволіла пісьменніку адысці ад рамантычнай традыцыі дэманізацыі альбо, наадварот, узвялічвання – з доляй нацыянальнай міфатворчасці – рэальных гістарычных асоб. У цэнтры яго ўвагі – праблема гуманізацыі гістарычнага працэсу, складанейшага пераходу ад стана грамадскай дзікасці да маральных форм быцця, праблема

«акulturвання» чалавека» [3, с. 490]. На думку Ю. Багданава, гістарычныя творы Л. Надышы-Еге складаюць залаты фонд славацкай гістарычнай прозы [Там жа].

Авантурна-прыгодніцкія раманы на сюжэты з далёкага мінулага пісаў Ян Грушаўскі (Ján Hrušovský; 1892–1975). Можна згадаць такія, як “Яношык” (1934), “Верны герой” (1936) і інш. Гістарычную драму стварае Іван Стодала (Ivan Stodola; 1888–1977). У п’есе “Кароль Сватаплук” (1931) ён адлюстравіў падзенне Вялікай Маравіі, намагаючыся папярэдзіць пра небяспеку ўнутраных канфліктаў у дзяржаве.

Часы Другой сусветнай вайны нараджае раман Маргіты Фігулі (Margita Figuli; 1909–1995) “Вавілон” (1946) пра падзенне Вавілонскай дзяржавы. Марыя Разусава-Мартакава (Mária Rázusová-Martáková; 1905–1964) стварае драму пра легендарнага разбойніка “Яношык” (1941).

1940–1960-я гг. не пакінулі ў скарбніцы славацкай літаратуры твораў на гістарычную тэму. Гэта можна патлумачыць тым, што ўвага пісьменнікаў была сканцэнтравана на сучаснасці і тэме Другой сусветнай вайны, Славацкага нацыянальнага паўстання 1944 г., распрацоўцы вясковай праблематыкі, традыцыйна важнай для славакаў.

1970–1980-я гг. дэманструюць абсалютна іншую карціну. Важным для разумення пэўнага “рэнесансу” гістарычнай тэмы стала кніга эсэ Уладзіміра Міначы “Раздзьмухаючы родныя ачагі” (1970), дзе пісьменнік звяртае ўвагу на нацыянальны складнік гісторыі Славакіі ў супрацьпастаўленні да афіцыйнай тагачаснай лініі, якая дамінавала ў гістарыяграфіі і замацоўвала інтэрнацыянальныя аспекты разумення падзей, як сучасных, так і адлеглых па часе [9]. У 1970-х гг. з’яўляюцца раманы з “архаічнай” тэндэнцыяй. Многія даследчыкі не лічаць іх ў строгім разуменні жанру гістарычнымі, таму што падзеі там адбываюцца часцей за ўсё на некалькі дзесяцігоддзяў раней іх напісання. Але асобныя славацкія літаратуразнаўцы (напрыклад, В. Шабік) даводзяць, што гэта “новы гістарызм прозы”, які стаў рэакцыяй на тагачасную грамадска-палітычную сітуацыю ў Чэхаславакіі [10]. Такія вядомыя славацкія пісьменнікі, як Вінцэнт Шыкула (Vincent Šikula; 1936–2001; “Майстры”, 1976, “Герань”, 1977, “Вільма”, 1979), Ладзіслаў Балек (Ladislav Ballek; 1941–2014; “Памочнік”, 1977, “Акацыя”, 1981), Іван Габай (Ivan Habaj; г. н. 1943; “Каланісты I-III”, 1980, 1981, 1986), Петар Яраш (Peter Jaroš; г. н. 1940; “Тысячагадовая пчала”, 1980, “Нямое вуха, глухое вока”, 1984) не прынялі новых сацыялістычных каштоўнасці. Яны пісалі пра сваю Радзіму як пэўную геаграфічную і гістарычную прастору, разглядаючы яе гісторыю як складнік сучаснасці, праз які можна шукаць свае вытокі. Яны вельмі па-свойму, часта суб’ектыўна, асэнсоўвалі блізкія па часе гістарыч-

ныя падзеі, напрыклад, Славацкае нацыянальнае паўстанне. Іх карціна і гісторыі, і сучаснасці не адпавядала марксісцкаму светабачанню. Л. Шырокава сцвярджае, што “перыядам рэфлексіі, пераацэнкі мінулага і ў той жа час уцёкамі ад неабходнасці адлюстроўваць сучасную рэчаіснасць часоў «нармалізацыі» сталі для славацкай літаратуры 1970–1980-я гады” [5, с. 31]. Прычым, творы 1980-х гг. у большай ступені адпавядалі традыцыйным уяўленням літаратуразнаўства пра гістарычны жанр, паколькі ў раманах вылучанага дзесяцігоддзя падзеі адбываюцца ў больш аддаленыя часы. Таксама лёс звычайных альбо таленавітых людзей падаецца на фоне лёсаў рэальных гістарычных дзеячаў і славутых асоб еўрапейскай гісторыі.

Даследчык Ю. Багданаў зазначае, што гістарычны раман у Славакіі не меў такіх трывалых традыцый, як у Чэхіі: “Ён знаходзіўся, як правіла, на перыферыі літаратуры, у яе забавляльна-белетрыстычным адсеку, эксплуатауючы паўлегендарныя сюжэты з гісторыі Вялікамараўскай дзяржавы альбо займаючыся апісаннямі не менш легендарных учынкаў праслаўленага фальклорам высакароднага разбойніка Юрая Яношыка” [4, с. 273]. Тым не менш новыя часы далі сапраўдныя гістарычныя раманы. Гаворка перш за ўсё пра манументальныя творы Антона Гікіша (Anton Hukisch; 1932–2024) “Час майстроў” (1977) пра мастака Себасц’яна і паўстанне рудакопаў у XVI стагоддзі і “Любіце каралеву” (1984) пра імператрыцу Марыю-Тэрэзію, дзе фігуруе дзвесце пяцьдзят сапраўдных гістарычных асоб. Зразумела, што папярэдне аўтарам была праведзена надзвычай вялікая работа па вывучэнню і збору гістарычнага матэрыялу. Гэтымі творамі славацкі пісьменнік паклаў пачатак “новага этапу ў гістарычнай раманістыцы” [11, с. 138].

Па-сапраўднаму эксперыментальны гістарычны раман з’яўляецца ў 1983 г. у Яна Ёганідэса (Ján Johánides; 1934–2008) пад назваю “Конюх Марэк і венгерскі папа рымскі”, у якім распавядаецца пра падзеі XVI стагоддзя, калі да межаў Венгрыі падышлі асманскія туркі і кардынал Томаш Бакац, які марыў пра папскі прастол. Твор вылучаецца наватарскай паэтыкай, жанравай складанасцю, сінкрэтычнасцю, бо адчувальна ўздзеянне антырамана і ідэй экзістэнцыялізму. Аўтар засяроджваецца на паказе таго, што вызначае паводзіны чалавека ў плыні гісторыі. Крыху пазней выйшаў яго постмадэрнісцкі гістарычны дэтэктыў “Самая сумная Араўская балада” (1988) пра род Брэхараў, дзе паказана квазіраследаванне ланцужка злачынстваў у мінулым. Паколькі сам Ёганідэс родам з Араўскага краю, то раман можна трактаваць і як спробу нацыянальна-гістарычнай самаідэнтыфікацыі яго стваральніка.

Да гістарычнага жанру ў славацкай літаратуры другой паловы XX – пачатку XXI стагоддзя таксама звяртаўся Мілан Ферка (Milan Ferko; 1929–2010), якому належыць вялікая колькасць гістарычных твораў: прыгодніцкі раман пра XV стагоддзе “Кража кароны святога Стэфана” (1970), трылогіі “Яношык” (1978) і “Святапрук” (1975), “Святапрук і Мяфодзій” (1985), “Спадчына Святаплука” (1989), гістарычныя раманы “Паміж жанчынай і Рымам” (1980), “Вялікія Мараўскія таямніцы” (1990), “Старажытныя славацкія легенды” (1991), “Новыя славацкія легенды” (1994), “Матуш Чак Трэнчанскі” (1999), “Каралеўская помста” (2005).

Майстрам гістарычнай парабалы і гратэску лічыцца Ян Ленча (Ján Lenčo; 1933–2012). Яму належаць гістарычная хроніка-памфлет “Дыдактычная хроніка роду Гогенцолеранаў” (1968), раманы “Егіпцянка Нітакрыс” (1972), “Залатое руно” (1979), “Адысей, бронза і кроў” (1982), “Жанчына паміж каралямі” (1985), зборнікі гістарычных апавяданняў “Зорныя моманты” (1974) і “Каханак Клеапатры” (1980).

Станіслаў Ракус (Stanislav Rakus; г. н. 1940) да гістарычнай прозы далучыўся аповесцю “Жабракі” (1976) і зборнікам апавяданняў “Песня пра крынічную ваду” (1979). Ю. Багданаў мяркуе, што славакі ў другой палове XX стагоддзя прадэманстравалі ўзоры “гістарычнай і гістарызуючай прозы” [4, с. 276].

Тэма нацыянальнага мінулага даволі актыўна заявіла пра сябе ў драматургіі 1980-х гг. Трэба падкрэсліць, што галоўным у гістарычных драмах становіцца захаванне вернасці свайму народу і сваёй рэлігіі, тэма Вяліка-мараўскай дзяржавы, распаўсюджванне хрысціянства, дзейнасць Кірыла і Мефодзія, барацьба князёў за ўладу. Менавіта пра гэта п’есы Мілана Ферка “Смерць Горазда” (1985) і “Праўда Сватаплука” (1988), Освальда Заградніка (Osvald Záhradník; 1932–2017) “Памылка хірурга Марэсіні” (1982) і Яна Солавіча (Ján Solovič; 1934–2022) пра славацкага вучонага-энцыклапедыста Мацея Бэла “Звон без званніцы” (1983) і пра Браціславу XVIII стагоддзя, калі яе па легендзе інкогніта наведаў рускі імператар Пётр I, – “Пётр і Павел” (1983).

Прасачыўшы станаўленне і адметнасці засваення гістарычнай тэмы ў славацкай літаратуры, можна прыйсці да высновы, што яна не стала магістаральнай для названай нацыянальнай літаратуры амаль ні ў адзін з перыядаў яе развіцця. Дадзеная тэма ўвасаблялася абсалютна ў розных жанрах: у гістарычных песнях, мемуарных аўтабіяграфічных і дзённікавых творах, паэмах, п’есах, мастацкай прозе малых жанраў і нарэшце ў гістарычных аповесцях і раманах, большая частка якіх прыпадае на апош-

ною трэць XX стагоддзя. Пачынальнікам гістарычнай прозы і стваральнікам ўласна гістарычнага рамана становіцца рамантык Ян Калінчак, што поўнасьцю адпавядае еўрапейскім тэндэнцыям развіцця літаратуры. Найбольш яркавымі прадстаўнікамі гістарычнага рамана мінулага стагоддзя ў традыцыйным разуменні сталі Л. Надышы-Еге, М. Фігулі, А. Гікіш, Я. Ёганідэс, М. Ферка, Я. Ленча. Дамінантныя тэмы, якія часта станавіліся прадметам і аб'ектам асэнсавання ў гістарычных творах розных жанраў, – абарона ад туркаў і супрацьстаянне асманскай экспансіі і ўціску, пратэстанцкі рух, яношыкаўская тэма і сам вобраз высакароднага славацкага Робін-Гуда, дарэчы, часта вельмі жорсткага ў сваіх учынках, тэмы, звязаныя з часамі Вялікамарыўскай дзяржавы і тагачасных князёў, а таксама з рознымі паўстаннямі.

Калі аналізаваць паэтыку славацкага гістарычнага рамана ці нават шырэй, спосабы ўвядзення ў мастацкі тэкст гістарычнай тэмы, то трэба падкрэсліць любоў славакаў да папулярызаванай гісторыі, да забаўляльнага, прыгодніцкага кампаненту, лініі каханьня, перашкод, апісання інтрыг. У славацкіх творах на тэму мінулага могуць адсутнічаць вядомыя гістарычныя асобы, акцэнт у такім выпадку пісьменнікамі робіцца на адметнасці славацкай ментальнасці, нацыянальнай самаідэнтыфікацыі і нацыянальным характары. Гэта можна патлумачыць тым, што перыпетыі славацкай гісторыі вельмі неспрыяльныя і трагічныя, бо славакі мусілі стагоддзямі развівацца пад уціскам венграў, немцаў, нават чэхаў, без уласнай дзяржаўнасці і мовы. Прадметам гістарычнага адлюстравання менавіта таму часта становіцца будзённасць, свет уяўленняў, перакананняў, рамёствы, звычаі і традыцыі. Усё гэта падаецца як крыніца гістарычных ведаў для будучых пакаленняў, калі цікавай становіцца не толькі гісторыя войнаў, каралёў і імператараў, арыстакратычных дынастый (якіх у славакаў практычна і не было), іх узвялічэнне ці заняпад, але і жыццё звычайнага чалавека ў плыні гісторыі.

Большая папулярнасць і запатрабаванасць гістарычнага жанру і гістарычнай тэмы ў апошняй трэці XX стагоддзя тлумачацца грамадска-палітычнай і культурнай сітуацыяй, калі ў часы “нармалізацыі” зварот да гісторыі дазваляў пісьменнікам не працаваць у рэчышчы сацыялістычнага рэалізму і савецкіх штампаў і ў той жа момант не сыходзіць ва ўнутраную эміграцыю. У 1990-я гг. гістарычная тэма давала магчымасць быць у “літаратурным трэндзе”, які спалучаў інтэлектуальную і масавую літаратуру, забаўляльнасць, сучаснасць формы і складаныя філасофскія, гістарычныя і экзістэнцыяльныя праблемы.

ЛИТАРАТУРА

1. История литератур западных и южных славян. / Л. Н. Будагова, А. В. Липатов (отв. ред.), В. В. Мочалова, А. И. Рогов. – М. : Изд-во «Индрик», 1997. – Т. 1: От истоков до середины XVIII века. – 888 с.
2. История литератур западных и южных славян / Л. Н. Будагова, Р. Ф. Доронина, В. В. Мочалова, С. В. Никольский (отв. ред.). – М. : Изд-во «Индрик», 1997. – Т. 2: Формирование и развитие литератур Нового времени. Вторая половина XVIII века – 80-е годы XIX века. – 672 с.
3. История литератур западных и южных славян / Л. Н. Будагова (отв. ред.), Р. Ф. Доронина, С. В. Никольский. – М. : Изд-во «Индрик», 2001. – Т. 3: Литература конца XIX – первой половины XX века (1890-е годы – 1945 год). – 992 с.
4. История литератур Восточной Европы после Второй мировой войны: в 2 т. / отв. ред. В. А. Хорев. – М. : Изд-во «Индрик», 2001. – Т. 2: 1970–1980-е гг. – 760 с.
5. *Широкова, Л. Ф.* Словацкий исторический роман 1970–1980-х годов / Л. Ф. Широкова. – Славяноведение. – 2017. – №. 1. – С. 31–40.
6. *Гикиш, А.* Время мастеров : роман / А. Гикиш ; предисл. О. Малевича. – М. : Радуга, 1989. – 542 с.
7. *Bílik, R.* Historický žánr v slovenskej próze / R. Bílik. – Bratislava : Kalligram : Ústav slovenskej literatúry SAV, 2008. – 247 s.
8. *Krman, D.* Itinerarium (Cestovný denník z rokov 1708–1709) / D. Krman. – Bratislava : Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 1969. – 975 s.
9. *Mináč, V.* Dúchanie do pahrieb / V. Minač. – Bratislava : Tatran, 1972. – 160 s.
10. *Šabík, V.* Čítajúci Titus / V. Šabík. – Bratislava : Slovenský spisovateľ, 1982. – 379 s.
11. *Števček, J.* Minulosť a prítomnosť / J. Števček // Slovenské pohľady. – 1986. – č. 10. – S. 138.

Поступила в редакцию 13.01.2025

Салодкі Уладзіслаў Валер’евіч

аспірант кафедры замежнай літаратуры
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт
г. Мінск, Беларусь

Uladzislau Salodki

PhD Student of the Department
of Foreign Literature
Belarusian State University
Minsk, Belarus
ulad.salodki@gmail.com

ЖАНРАВА-СТЫЛЁВЫЯ АСАБЛІВАСЦІ АЎТАБІЯГРАФІЧНАЙ ПРОЗЫ
КРЫСТАФЕРА ІШЭРВУДА

THE GENRE AND STYLISTIC PECULIARITIES
OF CHRISTOPHER ISHERWOOD’S AUTOBIOGRAPHIC PROSE

У артыкуле разглядаецца жанрава-стылёвая спецыфіка творчасці англа-амерыканскага пісьменніка Крыстафера Ішэрвуда. Асноўны фокус даследавання скіраваны на інтэгратыўны аналіз унутрытэкставых элементаў аповеду ў раманах і аўтабіяграфіі пісьменніка, які дапамагае вызначыць жанравую прыналежнасць на падставе сродкаў самааб’ектывацыі аўтара. Вызначана, што раманы змяшчаюць элементы аўтабіяграфічнасці ў кагнітыўна-функцыянальным, мадальным і часавым аспектах. Выяўлены нараталагічныя адрозненні паміж аўтабіяграфічным, аўтафікцыянальным раманамі і аўтабіяграфіяй пісьменніка.

К л ю ч а в ы я с л о в ы: *пункт гледжання; аўтафікцыянальнасць; Крыстафер Ішэрвуд; самааб’ектывацыя; аўтабіяграфія.*

The article deals with the genre and style features of the work of the British-American writer Christopher Isherwood. The main focus of the study is directed to the integrative analysis of intratextual elements of story construction in novels and autobiography of the writer, which helps to determine the genre identification based on the means of self-objectification of the author. It is determined that the novels contain elements of autobiography in cognitive-functional, modal and temporal aspects. Narratological differences between author's autobiographical, autofictional novels and autobiography are revealed.

Key words: point of view; autofiction; Christopher Isherwood; self-objectification; autobiography.

Вызначэнне жанравай прыналежнасці прозы заснавана на тэматычным змесце і сюжэтнай структуры мастацкіх тэкстаў. Значныя трансфармацыі, асноўныя з якіх назіраліся ў XX ст., выклікалі змены ў падыходзе да класіфікацыі аўтабіяграфічных твораў, якія паступова аддаляліся ад дакументальнасці ў бок узаемапранікнення псіхалагічнага і фактуальнага. У выніку апісанага працэсу з’явіўся спектр літаратуры, што змяшчае ўнутры

як аўтабіяграфію ў яе класічным разуменні, так і раманы з апавядальнікам-аўтарам, пабудаваныя на аснове біяграфічных падзей. Аўтабіяграфія ў дадзеным выпадку становіцца першасным жанрам, аўтабіяграфічныя раманы – другасным. Праблема дыферэнцыяцыі твораў узнікае таму, што аўтабіяграфія і аўтабіяграфічны раман страцілі адметныя рысы класіфікацыі праз агульную тэндэнцыю літаратуры для зліцця фактуальнага і фікцыянальнага.

Адной з сучасных стратэгіяў да вызначэння жанравай прыналежнасці аўтабіяграфічнай прозы з’яўляецца інтэгратыўны падыход, які выкарыстоўвае адначасова лінгвістычны і філалагічны метады даследавання тэксту: «Разгляд прыкмет жанру, якія ўкладваюцца ў знакамітую трыяду “тэма – стыль – кампазіцыя”, дазваляе забяспечыць комплексны, інтэгратыўны падыход да аналізу тэксту, які выкарыстоўвае як уласна літаратуразнаўчыя, так і лінгвістычныя прыёмы яго інтэрпрэтацыі»¹ [1, с. 3]. Пра неабходнасць звароту да камунікатыўнай мадэлі і маўленчага жанру ў працэсе аналізу літаратуры казалі М. М. Бахцін [2], В. У. Вінаградаў [3], Л. Я. Гінзбург [4], Н. А. Ніколіна [1], Л. У. Татару [5], Б. А. Успенскі [6]. У сучасным літаратуразнаўстве лінгвістычныя тэндэнцыі ў вывучэнні мастацкага тэксту раскрыты ў працах нараталагічнага кірунку, дзе асноўная ўвага надаецца дыскурсіўнаму аналізу, які грунтуецца на цэнтры аповеду – наратары.

Мэта дадзенай працы – вызначыць стылёвыя рысы ў прозе К. Ішэрвуда, якія дазваляць удакладніць іх жанравую прыналежнасць і як вынік выявіць шэраг асаблівасцяў, згодна з чым можна ахарактарызаваць твор як аўтафікцыянальны.

Крыстафер Ішэрвуд (Christopher Isherwood, 1904–1986) імкнуўся даследаваць уласнае жыццё пры дапамозе літаратуры. Яго кнігі – гэта няспынная праца з памяццю, што адбівалася ў разнастайных формах пісьма. Раманы аўтара – гэта і стужка еўрапейскага жыцця да Другой сусветнай вайны, і ўласны вобраз, схаваны за нейтральным пунктам гледжання ці падкрэслена паглыблены ў сутарэнні свядомасці. Такі падыход адлюстроўваецца ў адзінстве пратаганіста і наратара, што ў аўтабіяграфічным тэксце вядзе да неабходнасці адначасова ўлічваць вобраз аўтара, яго інтэнцыі і стыль тэксту. Сербская даследчыца аўтабіяграфічных прыёмаў у літаратуры М. Медарыч адзначае: «Немагчыма з упэўненасцю адштурхоўвацца ад “вобраза” аўтара. Пра гэта сведчыць шэраг псеўдадэмамуараў і псеўдааўтабіяграфій, форма якіх цалкам адпавядае “шчыра напісаным” мемуарам і аўтабіяграфіям, чыё “я” на першы погляд не адрозніваецца ад “я” згаданых раней містыфікацый» [7, с. 37].

¹ Тут і далей пераклад наш. – У. С.

Такім чынам, наяўнасць дакладнай пазіцыі аўтара ў дачыненні да ўласнай кнігі дазваляе дэталёва прааналізаваць пабудову наратыву і спосабы самарэфэрэнцыі без магчымага ўплыву пазатэкставых фактараў. Творчая спадчына К. Ішэрвуда ўключае як аўтабіяграфіі, дзе апісаны асобныя перыяды жыцця пісьменніка, так і мастацкія тэксты, дзеянне якіх адбываецца ў тыя ж перыяды, а персанажы маюць рэальныя прататыпы. З гэтай прычыны для даследавання былі абраны раманы «Містар Норыс мяняе цягнікі» («Mr Norris Changes Trains», 1935), «Бывай, Берлін» («Goodbye to Berlin», 1939) і аўтабіяграфія «Крыстафер і да яго падобныя» («Christopher and His Kind», 1976). У прадмове да выдання раманаў, што пазней былі аб'яднаны ў цыкл «Берлінскія гісторыі» («The Berlin Stories», 1945), амерыканскі пісьменнік Армістэд Мопін зазначае: «Аўтар разглядае падзеі раманаў і многае іншае ў кнізе “Крыстафер і да яго падобныя”, аўтабіяграфіі, апублікаванай у 1976 годзе, якая служыць добрым дадаткам да “Берлінскіх гісторый”. У ёй вачыма стрыманага сямідзесяцігадовага чалавека мы бачым поўную гісторыю чатырохгадовага знаходжання Ішэрвуда ў Берліне» [8, р. 3].

Нягледзячы на наяўнасць шматлікіх падыходаў да азначэння паняцця аўтабіяграфіі, выкліканых фікцыяналізацыяй першаснага жанру, існуюць нязменныя тэматычныя межы, адлюстраваныя ў дэфініцыі вядомага французскага даследчыка Ф. Лежэна: «Аўтабіяграфія з'яўляецца апавядальным тэкстам з рэтраспектыўнай устаноўкай, які рэальная асоба расказвае пра сваё быццё, пры гэтым ставячы націск на ўласнае жыццё, асабліва гісторыю станаўлення сваёй асобы» [9, р. 138].

«Крыстафер і да яго падобныя» адпавядае прыведзенаму азначэнню: пункт гледжання на працягу твора застаецца рэтраспектыўным, а галоўная тэма твора – жыццё пісьменніка. Дадзеныя інтэнцыі дэкларуюцца К. Ішэрвудам у першым раздзеле і выконваюцца ў тэксце: «The book I am now going to write will be as frank and factual as I can make it, especially as far as I myself am concerned» [10, р. 1].

Жанравая вызначанасць захоўваецца ў становішчы дэйктычнага цэнтара аповеду, які цалкам грунтуецца на свядомасці біяграфічнага аўтара. Гэта адлюстравана ў пазіцыі пункту гледжання, што вызначае наратывную стратэгію аўтабіяграфіі. Пункт гледжання з'яўляецца найважнейшай катэгорыяй структуралісцкага падыходу да аналізу літаратуры. Л. У. Татару, даследчыца кагнітыўна-дыскурсіўнай мадэлі, лічыць, што базавай адзінкай кампазіцыйнага члянэння тэксту з'яўляецца пункт гледжання – адзінка кампазіцыйна-

сэнсавай і камунікатыўнай структуры, што ўключае ў сябе тры кампаненты: «1) аб'ектны – прасторава-часавы (“дзе і калі?”); 2) псіхалагічны, суб'ектны – пазіцыя ўспрыняцця і гаварэння (“хто бачыць?”, “хто кажа?”); 3) ідэалагічны, мадальны (“як кажа?”)» [5, с. 53].

Прасторава-часавы аспект пункту гледжання ў аўтабіяграфіі К. Ішэрвуда заключаецца ў наяўнасці некалькіх вымярэнняў: часавая прастора напісання кнігі і час героя твора. Першае вымярэнне рэалізуецца ў некалькіх варыянтах: у пачатку твора, дзе аўтар ад першай асобы ў цяперашнім часе кажа пра свае намеры напісаць аўтабіяграфію; на працягу астатняга тэксту, дзе падзеі і галоўны герой існуюць выключна ў рэтраспекцыі. Другое вымярэнне сустракаецца ў прыведзеных лістах і частках дзённікаў, змешчаных у кнізе: *On March 10, Christopher wrote to Kathleen enclosing a politely menacing note from Leonard Woolf: I hear a rumour that Methuens are publishing a book by you* [10, р. 237], і ўвасабляецца не толькі ад першай асобы ў цяперашнім часе, але і ў прошлым часе, які назіраецца ў дзённіках: *September 6. Last night we went out with Brian and Toni and sat in the café by the Concert Hall* [10, р. 217]. У падобных выпадках ва ўрыўках заўсёды прысутнічае ўказанне на тое, што дзеянне ў межах гісторыі аповеду адбывалася нядаўна, што адасабляе іх ад галоўнага рэтраспектыўнага наратыву, рэалізаванага ў прошлым часе.

Суб'ектная пазіцыя аўтабіяграфіі знаходзіцца ў руках аўтара-апавядальніка, што выражана ў адсутнасці ўласнай прасторы героя. Яскравым сведчаннем гэтага з'яўляецца перадача маўлення: рэплікі персанажаў пададзены простаю мовай, тады як галоўнага героя – няўласна-простаю мовай. У тых выпадках, калі герой выкарыстоўвае простую мову, яна можа адносіцца як да наратара, так і да аўтара. Напрыклад, апавядальнік апісвае ўрокі англійскай, якія ён праводзіў у Берліне, разважаючы пра методыку навучання: *A table doesn't mean “ein Tisch” – when you're learning a new word, you must never say to yourself it means. That's altogether the wrong approach. What you must say to yourself is: Over there in England, they have a thing called a table* [10, р. 20].

Мадальны кампанент рэалізуецца сродкамі, што дапамагаюць умацаваць пазіцыю аўтара-наратара і ажыццявіць працэс аб'ектывацыі героя. Прыкладам дадзенай стратэгіі з'яўляецца спосаб увядзення рэплікі простаю мовай: *One morning, when they were walking on the deck, Christopher heard himself say “You know, it just doesn't mean anything to me any more – the Popular Front, the party line, the anti-Fascist struggle. I suppose they're okay but something wrong with me. I simply cannot swallow another mouthful”* [10, р. 333]. Нягледзячы на выкарыстанне простаю мовы, што фармальна

пашырае прастору героя, наратар ужывае канструкцыю *heard himself*, што ў дадзеным кантэксце дадаткова пазбаўляе героя суб'ектнасці. Тыповай для аўтабіяграфіі з'яўляецца лексіка, якая характарызуе працу з памяццю пры стварэнні кнігі: *I am sure Christopher's answer was no, but I forget the reason he gave* [10, p. 332].

Такім чынам, сукупнасць аўтарскай інтэнцыі і ўнутрытэкставых сродкаў рэалізацыі пункту гледжання сведчыць пра жанравую прыналежнасць кнігі да аўтабіяграфіі.

Раманы К. Ішэрвуда ніколі не пазначаліся аўтарам, крытыкамі ці выдавецтвамі як аўтабіяграфіі. У дачыненні да такіх твораў, як правіла, выкарыстоўваецца азначэнне «аўтабіяграфічны», якое не дае дакладнага ўяўлення пра кампазіцыйна-стылёвыя аспекты тэксту, а толькі кажа пра нявызначаную ступень сувязі з рэальнымі падзеямі жыцця аўтара. У адрозненне ад аўтабіяграфіі, тэматыка такіх твораў не вызначаецца і не абмяжоўваецца асабістай гісторыяй галоўнага героя. Тэматычная разнастайнасць не дае магчымасці катэгарызаваць літаратуру дадзенага кірунку, таму асноўным крытэрам выступае прырода наратыву: у творах, дзе націск робіцца на сюжэтны складнік і апісанне падзей, апавядальнік грае сваю першасную ролю крыніцы інфармацыі; у тэкстах з глыбокай самарэфлексіяй наратора сюжэт і структура адыходзяць на другі план, а галоўнай тэмай становіцца герой-апавядальнік. Для характарыстыкі аўтабіяграфічнай літаратуры, засяроджанай на ўнутраных перажываннях, Л. Я. Гінзбург прапануе азначэнне «аўтапсіхалагічны»: «У літаратуры XX стагоддзя многія формы таксама празрыстыя, у прыватнасці для аўтабіяграфічнага і аўтапсіхалагічнага зместу. Пра Дэдалуса – героя “Партрэта мастака ў юнацтве” Джойса – гаворыцца ў трэцяй асобе. І ўсё ж мы беспамылкова ведаем, што прысутнічаем пры найпростай размове пісьменніка пра сябе самога. Пры гэтым нам зусім не трэба супастаўляць раман з сапраўднай біяграфіяй аўтара. Не, гаворка тут ідзе пра з'яву выключна структурную» [4, с. 12].

У заходнім літаратурнаўстве найбольшую папулярнасць набыло паняцце аўтафікцыянальнасці, якое адмаўляе магчымасць праўдзівасці пісьма ўвогуле праз кагнітыўныя скажэнні ў працэсе працы з памяццю. Асноўная каштоўнасць дадзенага тэрміна заключаецца ў адасабленні пазатэкставых фактараў ад твора літаратуры і змяшчэнні фокуса з пытанняў фактуальнасці. Такім чынам праводзіцца мяжа паміж значэннем падзей рэальнай біяграфіі аўтара і тэкстам, дзе цэнтральнай фігурай даследавання з'яўляецца наратар. Калі ў аўтабіяграфіі аб'ектам аналізу можа служыць рэалізацыя пісьменнікам падзей уласнага жыцця ў прасторы тэксту, то ў аўтафікцыянальным рамане асноўную цікавасць уяўляюць адносіны «Я» – «Іншы» ўнутры героя-наратора.

У рамане «Містар Норыс мяняе цягнікі» дзейнічае дыягетычны нара- тар, які праяўляецца пры дапамозе маналагічнай і дыялагічнай мовы. Маналагічная мова пададзена ад першай асобы ў прошлым часе: *My first impression was that the stranger's eyes were of an unusually light blue. They met mine for several blank seconds, vacant, unmistakably scared. Startled and innocently naughty, the half reminded me of an incident I couldn't quite place; something which had happened a long time ago, to do with the upper fourth form classroom* [11, p. 1].

Дыялогі героя і персанажаў перадаюцца простаай мовай у цяперашнім часе: *He must have seen from my face what I was thinking, for he added hastily: "It may seem absurd of me, but I do so hate being fussed and bothered."*

"Of course. I quite understand"» [11, p. 4].

Дадзеныя рысы апавядальніка ўказваюць на тое, што перад чытачом аўтабіяграфічны раман: у тэксце шмат дыялогаў, храналагічна прадстаўле- ны сюжэт. Аповед вядзецца ад першай асобы ў прошлым часе, што стварае незалежную фікцыянальную прастору, у якой дзейнічаюць герой-апавя- дальнік і персанажы навокал. У дадатак у творы адсутнічаюць характэрныя для аўтабіяграфіі каментары пісьменніка, які, валодаючы ўсёй інфарма- цыяй, можа загадзя звяртацца да падзей у будучыні. Асаблівасцю рамана з'яўляецца імя персанажа – і адначасова другое імя самога К. Ішэрвуда – Уільям Брэдшоў. Указаная акалічнасць не вяртае аповед да біяграфічнага аўтара, бо, па-першае, на момант публікацыі імя не было вядома шырока- му колу чытачоў; па-другое, яно не робіць тоесным наратара і аўтара, які не можа паўнаўтасна прысутнічаць у фікцыянальнай прасторы. У той жа час аддзяліць героя і наратара ўнутры рамана немагчыма. Выкарыстанне займенніка *мой* у маналагічнай мове і *я* ў дыялогах робіць іх адной фігу- рай.

Другім раманам цыкла «Берлінскія гісторыі» з'яўляецца «Бывай, Бер- лін». У адрозненне ад першага рамана гэты твор слаба структураваны: ён складаецца з частак, якія храналагічна дэманструюць блізкія па часе па- дзеі, што адбыліся ў самым пачатку 1930-х. Часткі твора спачатку публі- каваліся асобна, а пасля былі аб'яднаныя ў кнігу, што ў выніку вызначыла раздзелы рамана: «Берлінскі дзённік: восень 1930», «Салі Боўлз», «На вос- траве Руген», «Новакі», «Ландаўэры», «Берлінскі дзённік: зіма 1932 – 1933».

Першая і апошняя часткі, названыя дзённікамі, адрозніваюцца ад астатняга тэксту. Маналагічная мова ў іх пададзена ў асноўным у цяпераш- нім часе: *From my window, the deep solemn massive street. Cellar-shops where the lamps burn all day, under the shadow of top-heavy balconied facades, dirty*

plaster frontages embossed with scrollwork and heraldic devices. The whole district is like this: street leading into street of houses like shabby monumental safes crammed with the tarnished valuables and second-hand furniture of a bankrupt middle class [12, p. 9].

На ўзроўні аповеду наратар прывязаны да храналогіі, азначанай назвай часткі. Выкарыстанне прошлага часу ў дадзеных частках таксама адрозніваецца ад папярэдняга рамана: тут адлегласць паміж наратарам і дзеяннямі заўсёды пазначаная, часткі дзённікаў пачынаюцца словамі: *сёння, учора, на мінулым тыдні*, што дэманструе прыналежнасць апавядальніка да таго ж перыяду часу, што і падзеі тэксту. У творы шырока прадстаўлены дыялогі, аформленыя простаю мовай, якія не дазваляюць успрымаць названыя часткі літаральна ў якасці дзённікаў.

Раздзел пад назвай «Салі Боўлз» з пункту гледжання пабудовы наратыву знаходзіцца бліжэй да рамана «Містар Норыс мяняе цягнікі» і валодае тымі ж характарыстыкамі: прошлы час выкарыстоўваецца ў маналагічнай мове, дыялогі аформлены простаю мовай. Незвычайная дэталёва з'яўляецца ў канцы раздзела: *I have never seen her since. About a fortnight later, just when I was thinking I ought really to ring her up, I got a post-card from Paris: "Arrived here last night. Will write properly tomorrow. Heaps of love." No letter followed. A month after this, another post-card arrived from Rome, giving no address: "Am writing in a day or two," it said. That was six years ago. So now I am writing to her. When you read this, Sally – if you ever do – please accept it as a tribute, the sincerest I can pay, to yourself and to our friendship. And send me another postcard [12, p. 98].*

Працытаваны ўрывак выбіваецца з папярэдняй часовай прасторы, што змяняе пазіцыю апавядальніка. У тэксце згадваецца прамежак у шэсць гадоў, з чаго вынікае, што наратарам у дадзеным абзацы з'яўляецца аўтар, які піша раман. Такім чынам, у творы змяшчаецца тры пункты гледжання: рэтраспектыўны – у прошлым часе, «дзённікавы» – у цяперашнім часе, «аўтарскі» – у цяперашнім часе.

Частка «На востраве Руген» мае падабенства з дзённікавымі часткамі: маналагічная мова рэалізавана ў ёй у цяперашнім часе. У месцах тэксту, дзе ўжыты прошлы час, урыўкі часта пачынаюцца са слоў, што абазначаюць бліzkую адлегласць паміж момантам нарацыі і яго падзеямі. У апошнім абзацы часткі падзеі храналагічна «даганяюць» аповед: *Actually, I am leaving for Berlin in a day or two, now. I thought I should stay on till the end of August, and perhaps finish my novel, but, suddenly, the place seems so lonely.*

I miss Peter and Otto, and their daily quarrels, far more than I should have expected. And now even Otto's dancing partners have stopped lingering sadly in the twilight, under my window [12, p. 127].

Наратыўная арганізацыя раздзелаў «Новакі» і «Ландаўэры» супадае са структурай часткі «Салі Боўлз», дзе дыстанцыя рэтраспектыўнага аповеду таксама захавана. Аналіз становішча пункту гледжання дапамагае ўбачыць тэматычную разнастайнасць унутры рамана. Тыя раздзелы, дзе дамінуе цяперашні час або адлегласць паміж аповедам і падзеямі кароткая («дзённікавая»), прысвечаны ўласным думкам і разважанням аўтара-героя-наратора, які, як вынік, з'яўляецца цэнтральным аб'ектам тэксту. Часткі, дзе адлегласць паміж наратарам і падзеямі вялікая (і невядомая), прысвечаны, як дэкларавалася ў пачатку рамана, аб'ектыўнай дэманстрацыі падзей: Новакі – тыповая бедная сям'я з Берліна пачатку 1930-х, Ландаўэры – заможная габрэйская сям'я, што сутыкнецца з уладай нацыстаў. Унікальны момант змены парадыгмы наратыву ў тэксце – траплянне аповеду да аўтара-пісьменніка. Дадзены ўрываек знаходзіцца ў канцы часткі «Салі Боўлз». Пазатэкставую матывацыю аўтара магчыма патлумачыць тым, што асоба Салі Боўлз – адна з найбольш яркіх фігур, створаных К. Ішэрвудам на аснове рэальнага прататыпа. У шматлікіх артыкулах і інтэрв'ю пісьменнік неаднаразова згадваў дадзенага персанажа і рэальнага чалавека, што стаяў за ім. З пункту гледжання наратыву, гэты выразны паказчык збліжэння аўтара, героя і апавядальніка, іх яднання. Разам з гэтым агульная скіраванасць твора да самарэфлексіі, разваг над учынкамі і становішчам Берліна перад прыходам нацыстаў да ўлады робіць раман аўтафікцыянальным.

Такім чынам, аналіз аповеду ў аўтабіяграфіі і раманах К. Ішэрвуда ў сукупнасці з пазатэкставымі данымі аб творах дае магчымасць падрабязнай жанравай дыферэнцыяцыі. Пункт гледжання, прымацаваны з дапамогай рэтраспектыўнай нарацыі, шырокага выкарыстання мадальных сродкаў да аўтара-суб'екта, характэрны для першаснага жанру аўтабіяграфіі. Наяўнасць некалькіх пунктаў гледжання пры адпаведных прасторава-часавых вымярэннях, звязаных адным героем-наратарам, разам з адсутнасцю мадальнага кампанента кажа пра аўтабіяграфічную прыроду твора. У сваю чаргу, скіраванасць аповеду на дэманстрацыю падзеяў ці фокус на ўнутраныя перажыванні героя-апавядальніка размяжоўваюць аўтабіяграфічны («Містар Норыс мяняе цягнікі») і аўтафікцыянальны («Бывай, Берлін») раманы.

ЛІТАРАТУРА

1. *Николина, Н. А.* Поэтика автобиографической прозы : учеб. пособие / Н. А. Николина. – Изд. 4-е. – М. : ФЛИНТА, 2022. – 424 с.
2. *Бахтин, М. М.* Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – Изд. 2-е. – М. : Искусство, 1986. – 445 с.
3. *Виноградов, В. В.* О теории художественной речи / В. В. Виноградов. – М. : Высш. шк., 1971. – 236 с.
4. *Гинзбург, Л. Я.* О литературном герое / Л. Я. Гинзбург. – Л. : Сов. писатель, 1979. – 224 с.
5. *Татару, Л. В.* Нарратив и культурный контекст / Л. В. Татару. – М. : ЛЕНАНД, 2011. – 288 с.
6. *Успенский, Б. А.* Поэтика композиции / Б. А. Успенский. – СПб. : Азбука, 2000. – 348 с.
7. *Медарич, М.* Автобиография и автобиографизм / М. Медарич // Russian Literature. – 1996. – № 40. – С. 31–56. – URL: <https://clck.ru/3EhqFm> (дата обращения: 26.10.2024).
8. *Isherwood, Ch.* The Berlin Stories / Ch. Isherwood. – New York : New Direction, 2008. – 404 p.
9. *Lejeune, P.* Le pacte autobiographique / P. Lejeune. – Paris : Éditions du Seuil, 1997. – 357 p.
10. *Isherwood, Ch.* Christopher and his kind / Ch. Isherwood. – Minneapolis : Univ. of Minnesota Press, 2001. – 339 p.
11. *Isherwood, Ch.* Mr. Norris Changes Trains / Ch. Isherwood. – London : Vintage, 2005. – 240 p.
12. *Isherwood, Ch.* Goodbye to Berlin / Ch. Isherwood. – London : Vintage, 1998. – 256 p.

Поступила в редакцию 11.12.2024

Скоропанова Ирина Степановна

доктор филологических наук,
профессор, профессор кафедры
русской литературы
Белорусский государственный
университет
г. Минск, Беларусь

Skoropanova Irina Stepanovna

Habilitated Doctor of Philology,
Professor, Professor of The
Department of Russian Literature
Belarusian State University
Minsk, Belarus
Skoropanoval@bsu.by

ТРАНСФОРМАЦИЯ НАТУРАЛИЗМА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА

TRANSFORMATION OF NATURALISM IN RUSSIAN LITERATURE
OF THE XX – BEGINNING XXI CENTURY

Впервые в литературоведческой науке прослеживается трансформация натурализма, вступающего в различные комбинации с реализмом, модернизмом, авангардизмом, постмодернизмом, порождая новые эстетические образования в русской литературе XX – начала XXI века. Раскрывается его роль как фактора разрушения всевозможных табу, сближения литературы с жизнью, тематического, образного, языкового обновления.

К л ю ч е в ы е с л о в а: натурализм; трансформация; новые аспекты жизни; природа человека; образная система; лексика.

For the first time in literary science the transformation of naturalism, which enters into various combinations with realism, modernism, avant-gardism, postmodernism, giving rise to new aesthetic formations in Russian literature of the 20th and early 21st centuries, is traced. Its role as a factor of destruction of all kinds of taboos, bringing literature closer to life, thematic, figurative, linguistic renewal is revealed.

К e y w o r d s: naturalism; transformation; new aspects of life; human nature; figurative system; lexicon.

Значение натурализма в развитии русской литературы изучено недостаточно, тогда как он сыграл свою роль в сближении искусства слова с жизнью и сегодня продолжает оставаться фактором противостояния накладываемым на литературу ограничениям и запретам.

Возникнув в литературах Франции, Италии, России, США в 60-70-е годы XIX века как литературное направление, натурализм сделал ставку на позитивизм (= научное знание) и обратился к постижению самой природы (= природы) человека – его биологии, физиологии, психики (включая патологию), отбросив восторжествовавшие к этому времени донаучные, чисто теоретические представления, культивировавшие концепцию «метафизического человека» и соотносимые с ней идеалы. Э. Золя, один из основоположников натурализма, писал: «...Я подразумеваю под этим аналитический

и экспериментальный метод, современное исследование, опирающееся на факты и человеческие документы» [1, с. 525], преломляемые через темперамент художника. Типизацию сменяет конкретный человек в его конкретных жизненных обстоятельствах, но изображаемый в каком-то новом для литературы аспекте, обнажающем определенные природные свойства человека. При этом воссоздание персонажей характеризуется безоценочностью – дабы исключить предзаданность, и влечет за собой бестенденциозную манеру письма. Новизна здесь (сравнительно с реализмом) методологическая и фактическая.

Открывавшаяся правда о человеке могла далеко не всех устраивать. Скажем, роман Э. Золя «Тереза Ракен» был оценен как «мерзость», «лужа грязи и крови». Похожая реакция на натурализм нередко будет заявлять о себе и в дальнейшем. Но, скажем, такая его ветвь, как *веризм* (от лат. *vero* – истинный, правдивый), наиболее характерная для Италии, получила признание.

В 1880 году здесь появился манифест итальянского натурализма (авторы – Дж. Верга и Л. Капуана), в котором провозглашалась первостепенная значимость фактов при повышенном внимании к тяжелому положению «низов» и детализированно-подробном воссоздании пороков общества с отсутствием авторского комментария.

Правда, не всегда натурализм обращен к так называемым «темным» сторонам жизни, о чем свидетельствует русская позитивистская проза 70-80-х годов XIX века, в целом ряде случаев сосредоточенная на выявлении новых примет жизни капитализирующейся России, представленных достаточно бестенденциозно, например, в «физиологических очерках», романах П. Боборыкина. Безоценочность описываемого, отсутствие в произведениях каких-то предлагаемых автором идеалов (требующих, что ни говори, верификации), вызывали осуждение критики, т. к. русская литература традиционно была учительской.

В более вызывающей форме активизируется натурализм в начале XX века, что связано с усилением свободолобивых настроений в российском обществе в канун первой русской революции. Проявилась потребность в освобождении от запретов и в литературе. Как самые характерные представители русского натурализма 900-х годов воспринимались авторы, обратившиеся к сфере сексуальной жизни и такой общественной «язве», как проституция: А. Амфитеатров (повести «Виктория Павловна», «Марья Лусьева», «Марья Лусьева за границей») и М. Арцыбашев (романы «Человеческая жизнь», «Санин», «У последней черты»). До них сколько-нибудь обстоятельный разработки в русской литературе эти вопросы не получили из-за церковной цензуры и постулируемых церковью моральных норм. Как наказуемый расценивался сам факт включения в литературу подвер-

гаемого ханжеско-пуританскому замалчиванию. Так, в 1890 году в России и США была запрещена отнюдь не натуралистическая повесть «Крейцера соната» Л. Толстого, а сам писатель был охарактеризован американским президентом Т. Рузвельтом как человек с извращенной половой моралью. И в начале XX века успех произведений на сексуальную тематику у читателей сопровождался их поношением в прессе и даже ссылкой А. Амфиатрова за «непристойные произведения» (как это формулировалось).

В романе же А. Куприна «Яма» заявила о себе тенденция скрещивания элементов поэтики натурализма и реализма, что попадает под классификацию неореализм. Данная тенденция стала определяющей в русской литературе XX столетия, трансформируясь лишь в том отношении, что наблюдается синтез элементов поэтики натурализма и модернизма либо синтез элементов поэтики натурализма и авангардизма, наконец, синтез элементов поэтики натурализма и постмодернизма.

С первым случаем мы встречаемся в ряде произведений Б. Пильняка 1920-х годов («Голой год», «Красное дерево» и др.). «Лучший отбор» из русских помянут в «Голом годе»: «кожаные люди в кожаных куртках» [2, с. 396], нацеленные на изменение жизни революционным путем, но все затмевает у Б. Пильняка влекущий за собой голод, разруху, смерть деструктивный хаос, сопутствующий революции и получающий натуралистическое выражение.

У начинавшего как конструктивист Ильи Сельвинского «Записки поэта» наряду с образностью вбирают в себя непарадный фактографический, документальный материал.

Немало натуралистически окрашенного абсурда в «Случаях» Д. Хармса и пьесах «Куприянов и Наташа», «Елка у Ивановых» А. Введенского, выступавших как младоавангардисты. Опубликовать свои произведения они не могли – натурализм вместе с авангардизмом из советской литературы вытесняется.

Во второй половине XX века, однако, начиная с периода «оттепели», искусственно изъятые традиции возвращаются в искусство слова в творчестве представителей андеграунда. Обретает он и некоторые новые качества, распространяясь не только на сферу изображаемого, но и на сам язык, что выражается в использовании обценной лексики. Прецедентным в данном отношении стал роман Э. Лимонова «Это я – Эдичка» (1979), созданный в духе панк-культуры и нарушающий устойчивые табу. Его эстетическую принадлежность Вик. Ерофеев определил как «грязный реализм», подразумевая синтез поэтики реализма и натурализма, включая и область языка. Действительно, реабилитируя сексуальную сферу жизни, автор пошел дальше предшественников, в том числе используя табуированное нецензурное просторечье для обозначения мужского и женского

половых членов и совершаемых сексуальных действий. Это далеко не все смогли принять. Э. Лимонов же разъяснял, что следовал правде жизни и пользовался тем языком, каким и все мужчины, говоря о сексе на неофициальном уровне. Связано это с отсутствием в русском языке окультуренной эротической лексики.

В родственном направлении двигались и некоторые иные представители «другой литературы» 1970–1980-х годов: В. Сорокин, Вик. Ерофеев С. Купряшина, Я. Могутин, Е. Мулярова, З. Китайцева, Б. Ширянов и др.. Обращаются они к таким новым для русской литературы советской эпохи явлениям действительности, как зомбификация, увлечение наркотиками, нетрадиционный секс и т. п., не чуждаются мата. Ненормативная лексика могла использоваться и в переносном смысле слова, комедийном значении, что демонстрируют «Лица соца» Г. Сапгира. Может она выступать и как вызов на цензурные запреты, скажем, в поэме «Умер Зеленый Шар» И. Холина.

В период начавшейся перестройки в связи со смягчением цензуры появляется такое течение как «жестокий» реализм. Для него характерно концентрированное изображение грубого, тяжелого, жестокого в жизни. В духе «физиологических» очерков здесь используется поэтика натурализма, скрещиваемая вместе с тем с поэтикой реализма. Персонажи таких произведений, как правило, люди опустившиеся, нравственно искалеченные – алкоголики, бомжи, проститутки либо жертвы аномального. Привлекли к себе внимание «Сельское кладбище» С. Каледина, «Одлян» Л. Габышева, «Кабирия с Обводного канала» М. Палей. Градус правдивого в литературе повысился.

Заметным явлением эмигрантской литературно-художественной жизни этих лет стал *вивризм* (от фр. *vivre* – жить), культивировавшийся Владимиром Котляровым или Тóлстым, в его парижском скворте. *Вивризм* практиковал свободную жизнь-игру, отбрасывающую всевозможные табу, для полноценной (как считалось здесь) самореализации личности, включая бытовой, сексуальный, галлюциногенный, творческий аспекты. В этой среде создавалась и свободная от запретов поэзия авангардистского типа, вбиравшая не только натуралистические описания, но и в ряде случаев просторечно-нецензурные слова и обороты. Таковы, например, стихотворения Д. Чернышова «губы так пресны...», В. Богомякова «Мурмулеточка», И. Дудинского «есть одна растворимого кофе изольда...» [3].

Посвященная же Володе Тóлстому пьеса М. Волохова «Непорочное зачатие» (1992) полностью написана матерным языком и воспринимается как произведение пародийное, демонстрирующее, что отмена русского литературного языка ведет к эстетической убогости и самодискредитации.

Дело в том, что свою эстетическую роль ненормативная лексика способна играть в контрасте с лексикой противоположной окрашенности, а сплошной поток нецензурщины быстро утомляет и отталкивает своей тавтологией и стилистической монотонностью. Проделанный М. Волоховым эксперимент проясняет, почему неонатURALИзм в его чистой форме в русской литературе не укоренился.

На родине процессы, аналогичные *вивризму*, наблюдаются в постсоветский период в творчестве куртуазных маньеристов, у которых сексуально-эротическая тема главная. Новым у них явилось изобилие разнообразных деталей и сцен, воссоздающих плотские отношения мужчины и женщины, не избегая натуралистических подробностей. Максимальную раскрепощенность в данном отношении проявил В. Степанцов, каковой, не чураясь мата, высмеивал проявления разнузданно-дефективного в разрешенной, наконец, сфере сексуальной свободы.

После отмены в 1993 году в российском законодательстве статьи за гомосексуализм активизируется российская гейкультура – субкультура секс-меньшинств. Ее ближайший исток – творчество Е. Харитоновой 1960 – 1980-х годов, культ которого утверждается в этой среде. Есть у Е. Харитоновой, скажем, в «Романе», и натуралистические описания гей-отношений, отнюдь не идеализируемых автором.

Доминантным натуралистический принцип воссоздания альтернативной сексуальности становится в эмигрантском творчестве Я. Могутина конца XX – начала XXI века. Не случайно его книга стихов «Термоядерный мускул» (2001) имеет подзаголовок «Испражнения для языка». Детализированные описания совокуплений здесь выходят на первый план, чему соответствует использование ненормативной лексики, при соединении их с приемами авангардистской поэтики. Новизна Я. Могутина – в выявлении реальных человеческих качеств массовых людей, принадлежащих к секс-меньшинствам, тогда как заслуживающие того знаменитости в книге «30 интервью» оценены по достоинству. Натурализм служит у поэта средством сбрасывания с пьедестала необоснованно на него вознесенных.

Подобное пришло и в Россию. «На улице как бы весна и полный гомосексуализм [4, с. 323], – приводит В. Мидянин текст киберрекламы в повести «Плохо для шоу».

Современные писатели откликаются на агрессию массовой культуры, прогнозируя вытеснение из жизни с ходом времени литературы как таковой и утверждение в качестве главного вида искусства жесткого порно с садомазохистскими и зоофильскими сценами. Можно сослаться на романы «Нет!» С. Кузнецова и Л. Горалик, «Манарага» и «Наследие» В. Сорокина. Натурализм в соединении с фантастикой, гротеском, пародийной деконструкцией играет в этом случае осмеивающую роль и призван отвращать людей от распада.

Вообще натуралистическая прививка в русской литературе конца XX – начала XXI столетий – достаточно заметный фактор. Это резонировало как с необходимостью развенчания себя изжившего (и прежде всего тоталитарных порядков), так и с критической оценкой того негативного, что пришло в постсоветский период (превращение России 1990-х в криптоколонию, олигархизация страны, криминальная революция). Разные грани неприемлемого воссоздаются с привлечением поэтики натурализма в «[Голово]ломке» Гарроса-Евдокимова, «Порно» М. Елизарова, «Литературной жизни» О. Дарка, «Пожизненном заключении» И. Яркевича, «Цветке» Н. Садур, «Хиросиме» В. Сорокина, «Тактике индивидуального террора» В. Смирнова, «Убить нувориша» М. Павлова, «Посте» Д. Глуховского и других текстах.

Гипернатурализм – характерная черта «новой драмы» рубежа XX–XXI века при воссоздании жестокости в человеческих отношениях («Пластилин», «Черное молоко» В. Сигарева, «Кислород», «Бытие № 2» И. Вырыпаева, «Три действия по четыре картины» В. Дурненкова и др.). В соединении гипернатурализма с «неоисповедальностью» / автодеконструкцией и гротескными интеллектуальными метафорами фиксируется кризис антропологизма.

Подводя итоги, можно сказать, что в различных комбинациях с поэтикой других литературных направлений, течений, школ натурализм сопровождал развитие русской литературы на протяжении всего XX и начала XXI столетия, приближал ее к правде жизни, преодолевая существовавшие табу, содействовал тематическому и образному обновлению. Достижения конкретных авторов определяются степенью эстетического совершенства созданного, включающего в себя элементы поэтики натурализма, но без рискованных подчас экспериментов полноценное развитие литературы невозможно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Золя, Э. Собр. соч.: в 26 т. / Э. Золя. – М. : Худ. лит., 1966. – Т. 24: Из сборников «Что мне ненавистно», «Экспериментальный роман». – С. 239–525.
2. Пильняк, Б. Повесть непогашенной луны: Рассказы. Повести. Романы / Б. Пильняк. – М. : Правда, 1990. – 480 с.
3. Мулета S.: Семейный альбом. Москва–Ипорт. – М. : Вивризм (моск. отд.), 1992. – С. 77, 132, 147.
4. Мидянин, В. Плохо для шоу / В. Мидянин // 2084.ru: [сб.]. – М. : АСТ, 2018. – С. 299–372.

Поступила в редакцию 11.12.2024

ВЕСТНИК МГЛУ

Серия 1. Филология

№ 1 (134), 2025

Научно-теоретический журнал

Ответственный за выпуск *О. В. Луцинская*

Редакторы: *Е. И. Ковалёва, Т. М. Нехай*
Ст. корректор *С. О. Иванова*

Журнал зарегистрирован
Министерством информации Республики Беларусь 26 апреля 2010 г.
в Государственном реестре средств массовой информации за № 1333.

Адрес редакции: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск
E-mail: vestnik@mslu.by

Подписано в печать 25.02.2025. Формат 60×84 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура PT Sans. Ризография. Усл. печ. л. 11,16. Уч.-изд. л. 10,54. Тираж 100 экз. Заказ 5.

Издатель и полиграфическое исполнение: учреждение образования «Минский государственный лингвистический университет». Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий от 02.06.2014 г. № 1/337. ЛП № 38200000064344 от 10.07.2020 г. Адрес: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск.

Индекс подписки 75017/750172